

Anna Karamova

Anna Karamova

Тина Тихматова

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Анна Ахматова

СОЧИНЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

■

ТОМ ПЕРВЫЙ

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1990

84Р
А95

Издание выходит
под общей редакцией
Н. Н. С к а т о в а

Составление
и
подготовка текста
М. М. К р а л и н а

А $\frac{470210200-2226}{080(02)-90}$ 2226-90

© Издательство «Правда». «Огонек». 1990.
(Составление. Вступительная статья. Примечания.)

КНИГА ЖЕНСКОЙ ДУШИ

(О поэзии Анны Ахматовой)

На рубеже прошлого и нынешнего столетий, хотя и не буквально хронологически — недаром Ахматова писала о «настоящем», «не календарном» Двадцатом веке — накануне великой революции, в эпоху, потрясенную двумя мировыми войнами, в России возникла и сложилась, может быть, самая значительная во всей мировой литературе нового времени «женская» поэзия — поэзия Анны Ахматовой. Ближайшей аналогией, которая возникла уже у первых ее критиков, оказалась древнегреческая певица любви Сапфо: русской Сапфо часто называли молодую Ахматову.

Но возможно ли и нужно ли сейчас это противопоставление? Женская поэзия? Мужская? Конечно, всякая большая литература общечеловечна. И все же мало что можно объяснить в стихах Анны Ахматовой, не поняв этого женского характера их. А главное объяснение здесь содержит сама мировая и русская история, воззвавшая на рубеже веков к новому человеку и к новой человечности, — проблема, которую решала вся русская классика, эта, по выражению Генриха Манна, «русская революция до революции».

И проблема обернулась еще одной стороной. Впервые женщина обрела поэтический голос такой силы. Женская эмансипация заявила себя и поэтическим равноправием. «Я научила женщин говорить», — заметила Ахматова в одной эпиграмме.

Уже в нашем девятнадцатом веке было много женщин, писавших стихи, часто даже стихи хорошие, и все-таки в целом это была поэтическая периферия: полузабытые сейчас Каролина Павлова или Юлия Жадовская, совсем забытые Елизавета Шахова или Евдокия Растопчина. Недаром герой одного из лирических стихов уже даже Ахматовой еще цедил, «что быть поэтом женщине нелепость». Веками копившаяся духовная энергия женской души получила выход в революционную эпоху в России, в поэзии женщины, родившейся в 1889 году под скромным именем Анны Гóренко и под именем Анны Ахматовой приобретшей за пятьдесят лет поэтического труда всеобщее признание, переведенной ныне на все основные языки мира. По-

следними внешними знаками признания стали присуждение в 1965 году почетной степени доктора литературы Оксфордского университета, а годом ранее торжественное вручение в Италии международной поэтической премии «Этна Таормино».

Ахматова почти не прошла школы литературного ученичества, во всяком случае, той, что совершалась бы на глазах читателей, — участь, которой не избегли даже крупнейшие поэты, — и в литературе выступила сразу как стихотворец вполне зрелый. Хотя путь предстоял долгий и трудный. Ее первые стихи в России появились в 1911 году в журнале «Аполлон», а уже в следующем вышел и поэтический сборник — «Вечер». Почти сразу же Ахматова была дружно поставлена критиками в ряд самых больших русских поэтов. Чуть позднее ее имя все чаще сопоставляется с именем самого Блока и выделяется самим Блоком, а уже всего через какой-нибудь десяток лет один из критиков даже писал, что Ахматовой «после смерти Блока бесспорно принадлежит первое место среди русских поэтов». В то же время приходится признать, что после смерти Блока музе Ахматовой пришлось вдоветь, ибо в литературной судьбе Ахматовой Блок сыграл колоссальную роль. Это подтверждено многими ее прямо Блоку адресованными стихами. Но дело не только в них, в этих «персональных» стихах. С Блоком связан почти весь мир ранней, а во многом и поздней лирики Ахматовой.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам.

Бытовое читательское восприятие тоже связало имя Ахматовой с именем Блока, связало по бытовому же, и Ахматовой пришлось шутливо назвать свои объяснения по этому поводу — «О том, как у меня не было романа с Блоком».

И все же читательская интуиция не совсем обманула. Все-таки у Ахматовой был роман с Блоком. Правда особый, так сказать, роман в стихах. Муза Блока действительно оказалась повенчана с музой Ахматовой. Хотя возводимые к биографическим реалиям стихи Ахматовой могут получать разнообразные объяснения, литературно они связаны именно с Блоком. Почему? Да потому, что герой блоковской поэзии был самым значительным и характерным, так сказать, мужским героем эпохи. «Как памятник началу века, // Там этот человек стоит», — писала сама Ахматова. Любопытно, что один из первых образов самой Ахматовой в искусстве тоже реализовался как своеобразный памятник. Безвестный и нищий итальянский художник, будущий знаменитый Модильяни сделал в Париже легкий графический набросок молодой тогда поэтессы, стихами которой он, даже не зная языка, восхищался. Ахматова была изображена в пластичной и монументально-скульптурной манере: исследователи находят, что рисунок перекликается с фигурой «Ночи» на саркофаге Джулиано Медичи, выполненной Микеланджело.

Блок на подаренных Ахматовой книгах писал просто «Ахматовой — Блок»: равный — равному. «Блока,— свидетельствовала Ахматова,— я считаю не только величайшим европейским поэтом первой четверти двадцатого века, но и человеком-эпохой, т. е. самым характерным представителем своего времени». Именно от образов Блока во многом идет герой ахматовской лирики. Герой (не героиня) ее поэзии сложен и многолик. Собственно, его даже трудно определить в том смысле, как мы определяем, скажем, героя лирики Лермонтова. Это он — любовник, брат, друг, представший в бесконечном разнообразии ситуаций: коварный и великодушный, убивающий и воскрешающий, первый и последний.

Но если Блок действительно самый характерный герой своего времени, то Ахматова, конечно, самая характерная его героиня, явленная в бесконечном разнообразии женских судеб: любовницы и жены, вдовы и матери, изменявшей и оставляемой. По выражению А. Коллонтай, Ахматова дала «целую книгу женской души». Другая выдающаяся революционерка, прототип знаменитого комиссара в «Оптимистической трагедии» Лариса Рейснер писала: «Она вылила в искусстве все мои противоречия, которым столько лет не было выхода... Как я ей благодарна». Ахматова «вылила в искусстве» сложную историю женского характера переломной эпохи, его истоков, ломки, нового становления. Вот почему в 1921 году, в драматическую пору своей и общей жизни, Ахматова сумела написать поражающие духом обновления строки, революционнее иных и многих:

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми,
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,—

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

Так что в известном — и большом, может быть, даже главном,— смысле Ахматова была и революционным поэтом. Она действительно оказалась открывателем обширнейшей и неведомой до того в поэзии области. При всем том внешне Ахматова почти всегда оставалась поэтом традиционным, поставившим себя под знак русской классики, прежде всего Пушкина.

Еще в 1914 году она написала стихи:

Земная слава как дым,
Не этого я просила.

Любовникам всем моим
Я счастье приносила.
Один и сейчас живой,
В свою подругу влюбленный,
И бронзовым стал другой
На площади оснеженной.

И если Блок стал одним ее поэтическим «любовником», то другим был Пушкин. И не случайно. В своей поэтической сфере Ахматовой пришлось сыграть основополагающую роль, подобную пушкинской в сфере всеобщей. Первая, она должна была прийти, прибегнуть, припасть к нему — первому. И здесь она опять-таки выступила героиней «романа», вступив в особые, именно жизненно-литературные отношения. Близкая и многолетняя приятельница Ахматовой Л. Я. Гинзбург, определяя такие отношения, сказала простодушно и точно: «Да она его ревновала». Ревность — в качестве подлинной — мстительна, беспощадна и универсальна: буквально ко всему, во всяком случае, женскому.

Пушкин, как когда-то говорили, *воспел* знаменитую царско-сельскую статую-фонтан. Вернее, сделал ее знаменитой, воспев:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит!

Ахматова своей «Царскосельской статуей» ответила раздраженно, почти разъяренно:

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить
Такой нарядно обнаженной.

Ведь это звучит так: «Пушкин, боже мой, ты же ошибся, Пушкин: *она* — царскосельская статуя — не такая, какой ты ее увидел, — не *та*». Не такая, какой поэт ее увидел, и другая *она* — Наталья Гончарова — не *та*.

Именно отсюда и враждебно-настороженное отношение к жене Пушкина — изначальное неприятие.

Но отсюда же многое сейчас открывающая биографам поэта точность почти злорадного наблюдения Ахматовой: с определенного времени Наталья Николаевна для Дантеса предмет уже не увлечения, а ненависти и злобных преследований.

Освоение пушкинского мира продолжалось всю жизнь. Желание досконального знания и проникновения потребовало и академических штудий — литературоведческих занятий и биографических разысканий, отмеченных особым пристрастием. Работы Ахматовой-пушкиниста широко известны. Пушкинские темы

постоянны у Ахматовой-поэта: Бахчисарай, море, Петербург и, конечно же, Царское Село. И любимый эпитет, которым она наделяет сестру-Музу, смуглорукую, смуглоногую, любим, наверное, потому, что он от него, царскосельского «смуглого отрока».

Но, создавая интимно-нежные стихи о Пушкине-юноше, Ахматова погружена прежде всего в мир позднего Пушкина. И, может быть, более всего духу ахматовского творчества отвечал универсализм Пушкина, та всемирная отзывчивость его, о которой писал еще Достоевский. Шекспир («Читая Гамлета») и особенно Данте («Данте»), Гёте и Байрон входят во все расширяющуюся сферу ее поэзии, античность («Античная страничка»), древний библейский Восток («Библейские стихи») и Восток современный.

Многое из послепушкинского литературного будущего аккумуляровано в поэзии Ахматовой: Баратынский и Лермонтов, Тютчев и Фет. Подчас ее стихи почти цитатны:

Не повторяй — душа твоя богата —
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама —
Одна великолепная цитата.

Но, может быть, — решимся добавить — и этими повторениями богата душа поэта. Впрочем, любая даже почти цитата у Ахматовой обретает иной и новый смысл. Скажем, стих «из мглы магических зеркал», конечно же, немедленно вызывает онегинское — «я сквозь магический кристалл». Но в ряду образов ахматовской поэзии зеркало обретает особое значение, связанное уже с идущими от Достоевского двойниками. Ахматова смело цитирует тютчевское «Приди на помощь моему неверью» в стихах: «Ты будешь думать: «Вот она сама // Пришла на помощь моему неверью». И явно подчеркнуто цитирует, дополняя всей силой тютчевского стиха (ведь у Тютчева речь идет о Боге), свой образ, образ женщины. А какой неожиданный «женский» и резко полемический поворот приобрел древний, еще библейский сюжет о Лотовой жене, оглянувшейся вопреки запрету на оставленный Содом и превратившейся в соляной столп. Веками он понимался лишь как притча о неистребимом женском любопытстве и непослушании. Ахматовская жена Лота не могла не обернуться:

На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.

Рассказ стал у Ахматовой рассказом о самоотвержении, исходящем из самой сути женского характера — не любопытного, а любящего:

Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Вообще, как и образ героя, образ женщины-героини ахматовской лирики не всегда можно свести к одному лицу. При необычайной конкретности переживаний это не только человек конкретной судьбы и биографии, вернее, это носитель бесконечного множества биографий и судеб:

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить...

Ахматова действительно могла адресовать стихи, как она одно из них и озаглавила, «Многим»: «Я голос ваш, жар вашего дыханья, // Я отраженье вашего лица».

Но всегда, при всем многообразии жизненных коллизий и житейских казусов, при всей необычности, даже экзотичности характеров героиня или героиня Ахматовой несут нечто главное, исконно женское, и к нему-то пробивается стих в рассказе о какой-нибудь канатной плясунье, например, идя сквозь привычные определения и заученные положения («Меня покинул в новолунье // Мой друг любимый. Ну так что ж!») к тому, что «сердце знает, сердце знает»: глубокую тоску оставленной женщины. Вот эта способность выйти к тому, что «сердце знает», — главное в стихах Ахматовой. «Я вижу все, // Я все запоминаю». Но это «все» освещено в ее поэзии одним источником света.

Есть центр, который как бы сводит к себе весь остальной мир ее поэзии, оказывается ее основным нервом, ее идеей и принципом. Это любовь. Стихия женской души неизбежно должна была начаться с такого заявления себя в любви. Герцен сказал однажды как о великой несправедливости в истории человечества о том, что женщина «загнана в любовь». В известном смысле вся ранняя лирика Ахматовой «загнана в любовь». Но здесь же прежде всего и открывалась возможность выхода. Именно здесь рождались подлинно поэтические открытия, такой взгляд на мир, что позволяет говорить о поэзии Ахматовой как о новом явлении в развитии русской лирики XX века сравнительно с символизмом. Историк и теоретик литературы академик В. М. Жирмунский, в 1916 году еще только начинавший, написал тогда же статью «Преодолевшие символизм». Это относилось к объединению поэтов, так называемых акмеистов, в которое входила Ахматова. В отличие от романтически, мистически настроенных символистов акмеисты декларировали необходимость вернуть поэзии ощущение реальной жизни. Однако очень часто поэзия акмеистов останавливалась лишь на разнообразных, уме-

лых, тонких, даже изысканных формах внешней фиксации явлений.

В 1921 году Блок написал об этой литературной группе резкую статью «Без божества, без вдохновенья». «Настоящим исключением среди них» он назвал лишь Анну Ахматову. И дело, очевидно, не только в степени талантливости (среди акмеистов были очень талантливые поэты), дело в том, что в поэзии Ахматовой было и «божество», и «вдохновенье». В этом смысле Ахматова преодолевала и «преодолевших символизм» акмеистов. Сохраняя высокое значение идеи любви, связанное и с символизмом тоже, она возвращала ей живой и реальный, отнюдь не отвлеченный характер. Душа оживает «Не для страсти, не для забавы, // Для великой земной любви». И читающая «посланья апостолов», она все же закладывает «красный кленовый лист» на «Песни песней».

«Великая земная любовь» — вот движущее начало всей ее лирики. Именно она заставила по-иному — уже не символистски и не акмеистски, а, если воспользоваться привычным определением, реалистически — увидеть мир. В одном из своих стихотворений Ахматова назвала любовь «пятым временем года». Из этого-то необычного, пятого, времени увидены ею остальные четыре, обычные. В состоянии любви мир видится заново. Обострены и напряжены все чувства. И открывается необычность обычного. Человек начинает воспринимать мир с удесятеренной силой, действительно достигая в ощущении жизни вершин, и это, может быть, именно та сторона дела, где несколько искусственный термин *акме* (греч.— вершина) получает наконец какое-то оправдание. Мир открывается в дополнительной реальности: «Ведь звезды были крупнее, Ведь пахли иначе травы». Поэтому стих Ахматовой так предметен: он возвращает вещам первозаданный смысл, он останавливает внимание на том, мимо чего мы в обычном состоянии способны пройти равнодушно, не оценить, не почувствовать. «Над засохшей повиликою // Мягко плавает пчела» — это увидено впервые.

Потому же открывается возможность ощутить мир по-детски свежо. Такие стихи, как «Мурка, не ходи, там сыч», не тематически заданные стихи для детей, но в них есть ощущение совершенно детской непосредственности.

И еще одна связанная с тем же особенность. В стихах Ахматовой много эпитетов, которые когда-то знаменитый русский филолог А. Н. Веселовский назвал синкретическими и которые рождаются из целостного, нераздельного, слитного восприятия мира, когда глаз видит мир неотрывно от того, что слышит в нем ухо; когда чувства материализуются, опредмечиваются, а предметы одухотворяются. «В страсти раскаленной добела» — скажет Ахматова. И она же увидит небо, «уязвленное желтым огнем» — солнцем, и «люстры безжизненный зной».

Но стихи Ахматовой — не фрагментарные зарисовки, не разрозненные психологические этюды: острота взгляда сопровож-

дена остротой мысли. Велика их обобщающая сила. Стихотворение может начаться как непритязательная песенка:

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.

А заканчивается оно библейски:

Будет камень вместо хлеба
Мне наградой злой.
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.

Личное («голос твой») восходит к общему, сливаясь с ним: здесь к всечеловеческой притче и от нее — выше, выше — к небу. И так всегда в стихах Ахматовой. Тематически всего лишь как будто бы грусть об ушедшем (стихотворение «Сад») предстает как картина померкнувшего в этом состоянии мира. А вот какой романной силы психологический сгусток начинает стихотворение:

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.

Не подобно ли открывается «Анна Каренина»: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему...»? О. Мандельштам имел основания еще в 20-е годы написать: «...Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века. Не было бы Ахматовой, не будь Толстого и «Анны Карениной», Тургенева с «Дворянским гнездом», всего Достоевского и отчасти даже Лескова.

Генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не поэзии. Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она развивала с оглядкой на психологическую прозу».

Но любовь в стихах Ахматовой отнюдь не только любовь-счастье, тем более благополучие. Часто, слишком часто это — страдание, своеобразная антилюбовь и пытка, мучительный, вплоть до распада, до прострации, излом души, болезненный, «декадентский». И лишь неизменное ощущение ценностных начал кладет грань между такими и собственно декадентскими стихами. Образ такой «больной» любви у ранней Ахматовой был и образом больного предреволюционного времени 10-х годов и образом больного старого мира. Недаром поздняя Ахматова в стихах и особенно в «Поэме без героя» будет вершить над ним суровый суд и самосуд, нравственный и исторический. Еще в 1923 году Б. М. Эйхенбаум, анализируя поэтику Ахматовой, отметил, что уже в «Четках» «начинает складываться парадоксальный своей двойственностью (вернее, оксюморонностью) образ героини — не то «блудницы» с бурными страстями, не то нищей

монахини, которая может вымолить у Бога прощение». В дальнейшем именно эта характеристика войдет в доклад А. Жданова 1946 года («не то монахиня, не то блудница»), приобретая зловещий, отнюдь не филологический смысл. И это уже после «Ветра войны». «Очевидно,— писала Ахматова,— желание безвозвратно замуровать меня в 10-е годы имеет неотразимую силу и какой-то для меня непонятный соблазн».

Конечно, Ахматова постоянно возвращалась туда, в 10-е годы, и возвращалась оттуда: в 40-е, в 50-е, в 60-е. «Поэма без героя» и есть свидетельство таких возвращений. Для нас так привычно звучит: герой поэмы. Ахматовская поэма даже и без героев: это образ и движение времени и переживание его, а не сюжеты и характеры в привычном понимании. Это вместилище событий и цвет, как говорила Ахматова, «разных временных слоев». Чтение ее подобно восприятию музыки: оно зиждется на восприятии ритмов, на постоянно рождающихся ассоциациях. Вообще, будучи литературой, поэма очень сродни другим искусствам: не говоря уже о музыке, балет («иногда она вся устремлялась в балет»,— отметила сама Ахматова), драма, живопись — все очень современное, даже кино с его наплывами, монтажом и т. п.

Любовь у Ахматовой почти никогда не предстает в спокойном пребывании. Чувство, само по себе острое и необычайное, получает дополнительную остроту и необычность, проявляясь в предельном кризисном выражении — взлета или падения, первой пробуждающей встречи или совершившегося разрыва, смертельной опасности или смертной тоски. Потому же Ахматова так тяготеет к лирической новелле с неожиданным, часто прихотливо капризным концом психологического сюжета и к необычностям лирической баллады, жутковатой и таинственной («Город сгинул», «Новогодняя баллада»).

Обычно ее стихи — начало драмы, или только ее кульминация, или еще чаще финал и окончание. И здесь опиралась она на богатый опыт русской уже не только поэзии, но и прозы. «Этот прием,— писала Ахматова,— в русской литературе великолепно и неотразимо развил Достоевский в своих романах-трагедиях; в сущности, читателю-зрителю предлагается присутствовать только при развязке». Стихи самой Ахматовой, подобно многим произведениям Достоевского, являют свод пятых актов трагедий. Поэт все время стремится занять позицию, которая бы позволяла предельно раскрыть чувство, до конца обострить коллизию, найти последнюю правду. Вот почему у Ахматовой появляются стихи, как бы произнесенные даже из-за смертной черты. Но никаких загробных, мистических тайн они не несут. И намека нет на что-то потустороннее. Наоборот, до конца обнажается ситуация, возникающая по эту сторону (очень характерный для Ахматовой мотив: мать, оставляющая в сиротстве ребенка). Без учета того легко встать на путь самых разнообразных обвинений подобных стихов, например, в пессимизме. В свое время, еще в 20-е годы, один из критиков подчисли-

тывал, сколько раз в стихах Ахматовой употребляется, скажем, слово «тоска», и делал соответствующие выводы. А ведь слово живет в контексте. И кстати, именно слово «тоска», может быть, сильнее прочих в контексте ахматовских стихов говорит о жизненной силе их. Эта тоска как особое состояние, в котором совершается приятие мира, сродни тютчевской тоске: «Час тоски невыразимой: все во мне и я во всем». Но это и та грусть-тоска, которой часто проникнута народная песня. Вообще народная стихия в поэзии Ахматовой очень сильна и заявила себя в ней, по сути, очень рано — еще в первых сборниках. Легко обнаруживаемые внешние приметы ее (элементы просторечия, плача, заклинания или причети) органичны и естественны потому, что они выражают глубоко национальное народное мироощущение. В чем его суть? И опять приходится сказать о любви. Стихи Ахматовой, и правда, часто грустны: они несут особую стихию любви-жалости. Есть в народном русском языке, в русской народной песне синоним слова «любить» — слово «жалеть»; «люблю» — «жалею». Уже в самых первых стихах Ахматовой живет не только любовь любовников. Она часто переходит в другую, любовь-жалость, или даже ей противопоставляется, или даже ею вытесняется:

О нет, я не тебя любила,
Палима сладостным огнем,
Так объясни, какая сила
В печальном имени твоём.

Вот это сочувствие, сопереживание, сострадание в любви-жалости делает многие стихи Ахматовой подлинно народными, эпическими, роднит их со столь близкими ей и любимыми ею некрасовскими стихами. И открывается выход из мира камерной, замкнутой, эгоистической любви-страсти, любви-забавы к подлинно «великой земной любви» и больше — вселюбви, для людей и к людям. Любовь здесь не бесконечное варьирование собственно любовных переживаний. Любовь у Ахматовой в самой себе несет возможность саморазвития, обогащения и расширения беспредельного, глобального, чуть ли не космического.

И может быть потому же почти от самых первых стихов вошла в поэзию Ахматовой еще одна любовь — к родной земле, к Родине, к России.

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

«Замкнула слух» — не от искушения, не от соблазна, а от скверны. И отвергается мысль не только о внешнем, скажем, отъезде из России, но и вероятность какой бы то ни было внутренней эмиграции по отношению к ней, любая возможность иного, «нового имени».

Это стихи 1917 года. А вот — 1922-го:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам,
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Такие стихи не были эпизодическими эмоциональными всплесками. Это заявлялась жизненная позиция. Недаром строки стихотворения 1922 года стали эпиграфом к стихам 1961-го — «Родная земля».

Любовь к Родине у Ахматовой не предмет анализа, размышлений или расчетливых прикидок. Будет она — будет жизнь, дети, стихи. Нет ее — ничего нет. Вот почему Ахматова писала во время войны, уже Великой Отечественной:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

А начались «военные» стихи Ахматовой так, как начинается всякая солдатская служба — с присяги:

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым,—
Пусть боль свою в силу она переплавит,
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться ничто не заставит.

*Июль 1941
Ленинград.*

В «военных» стихах ее поражает удивительная органичность, отсутствие тени рефлексии, неуверенности, сомнения, казалось бы, столь естественных в таких тяжелых условиях в устах создательницы, как многие полагали, лишь рафинированных «дамских» стихов. Но это и потому, что характер ахматовской героини или героинь зиждется еще на одном начале, тоже прямо связанном с народным мироощущением. Это осознание

и приятие судьбы, или, как она чаще и по-народному говорит, доли. Однако готовность приятия здесь отнюдь не означает того, что можно было бы назвать фаталистической пассивностью и смирением, если не равнодушием. У Ахматовой сознание судьбы, доли рождает прежде всего готовность вытерпеть и выстоять; не от упадка сил идет оно, а от пробуждения их.

В 1946 году грянуло постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», ныне отмененное. Но кто отменит память обо всем том, что им было уничтожено, раздавлено, искажено и погребено. Как известно, постановление в большей мере замкнулось на два имени: Михаил Зощенко и Анна Ахматова. Какая-то странная и страшная историческая причуда сказалась в этом совмещении художников, столь разных и связанных разве что местом жительства да скромными журнальными площадками Ленинграда. Разность двух этих художников, может быть, особенно резко проявилась и в реакции на обрушившуюся беду. Впрочем, и пришли они к ней с разными итогами. Длительное и усиленное творчество одного, сопровождавшееся более или менее постоянным сочувствием критики. Вынужденная, долгая (с 1924 по 1939 год) безгласность другой после приступа иступленной травли (Г. Лелевич и др.), по характеристике Ахматовой, «планомерной и продуманной»: в этом смысле конец 40-х годов у Ахматовой в полной мере был подготовлен началом уже 20-х.

Соответственно один (Зощенко), вероятно, воспринимал все как роковую случайность и вопиющую несправедливость, другая (Ахматова) явно все принимала как роковую судьбу и очередное испытание. В одном случае рождались естественное раздражение, почти истеричное, и горечь. В другом — сдержанность и спокойствие почти неестественные. Но ведь недаром Ахматова писала: «Мы не единого удара не отклонили от себя». Одному внезапная беда, конечно, помешала работать, другой, может быть, еще и «помогала» в работе над «Поэмой без героя», постоянным спутником которой еще раньше стал «Реквием». «Рядом с ней, — писала Ахматова, — такой пестрой (несмотря на отсутствие красочных эпитетов) и тонущей в музыке, ночи траурный Requiem, единственным аккомпанементом которого может быть только Тишина и редкие отдаленные удары похоронного звона».

В 1964 году в Париже Борис Зайцев, патриарх русского литературного зарубежья, знавший Ахматову еще в «русском» 1913 году и потому, может быть, острее других ощутивший «бег времени», обратился к ней: «Все мы тогда (говорю о круге литературном) жили довольно беспечно, беззаботно и грешно, о будущем не думали, ничего не подозревали (кроме Блока и Белого: те предчувствовали).

Вот и Вы мне показались в этой Собаке (петербургское литературное кафе «Бродячая собака». — Н. С.) кабарежно-артистической, среди гама и шума, вина, распушенности, песенок Кузмина... юной, элегантной дамой, остролицей и изящной, избалованной, слегка с ужимкой — похожей на портрет Ваш Сорины («Requiem» теперешний).

Мне представили Вас как молодую поэтессу, Вы уже и тогда выдвинулись. Литературно я Вас знал, но мало. Да и позже — не скажу, чтоб очень. «Четки» и другие книги. Все изящная дама.

Но вот грянуло. Ураган кровавый, дикий, все перевернувший. Правого и виноватого без разбору косивший. Но некие души и зажигающий. В нем они очищались, росли, достигали всей силы...

Буря Вас взрастила, углубила — подняла...

Некогда Достоевский сказал юноше Мережковскому: «Молодой человек, чтобы писать, страдать надо». Если бы Достоевский не стоял у столба смерти и не побывал в «Мертвом доме»... — был ли бы он вполне Достоевским?

Вы ни в ссылке, ни в «Мертвом доме» не были, но около него стояли. Бились ли дома головой об стенку за близкого — не знаю. Но искры излетели из сердца. Вылетели стихами, не за одну Вас, а за всех страждущих, жен, сестер, матерей, с кем делили Вы Голгофу тюремных стен, приговоров, казней.

Вот о них, как и о себе, Вы сказали позже:

Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

С даром поэзии Вы родились. Вначале безраздумно расточали, но судьбе угодно было по-другому:

Чашу с темным вином
Подала мне богиня печали.

Вот и выросла «веселая грешница», насмешница царскосельская из юной Элегантной дамы в первую поэтессу Родной Земли, голосом сильным и зрелым, скорбно звенящим, стала как бы глашатаем беззащитных и страждущих, грозным обличителем зла, свирепости».

И если героиня ахматовской поэзии рано осознала свою жизнь как судьбу, то Ахматова-поэт рано и ответственно осознала свою творческую миссию, поэтическую долю. Случайно ли самые большие поэты постоянно, напряженно и мучительно рожают своеобразные творческие самоотчеты, стихи, обычно именуемые нами как стихи о поэте и поэзии? У Ахматовой они постоянны. Об этом большинство ранних стихов, вошедших даже в особый цикл «Тайны ремесла». Не место сейчас разбирать подробно поэтическое credo Ахматовой, в общем, очень тесно связанное с пушкинским. Здесь, может быть, важнее уяснить, почему мы, читатели, не поэты, так взволнованно вовлекаемся в этот как будто бы сугубо профессиональный литературный мир стихов о поэте и поэзии. Да потому, что они вообще о творчестве, к которому каждый должен и может быть причастен, потому что совершается общее заражение энергией творчества, его радости, его подвижничества и его муки, сосредоточенных в по-

эте, принятых им на себя. При этом поэтическое самоопределение в стихах Ахматовой прямо связано с самоопределением нравственным. В одной из последних, уже прозаических, работ она писала: «Это — столбовая дорога русской литературы, по которой шли и Толстой и Достоевский».

В ощущении судьбы, которое появилось уже у ранней Ахматовой и которое стало одним из главных залогов становления Ахматовой зрелой, есть действительно замечательное свойство. Оно зиждется на исконной национальной особенности — чувстве сопричастности миру, сопереживаемости с миром и ответственности перед ним, — получающей в новых общественных условиях и острый нравственный смысл: моя судьба — судьба страны, судьба народа — история. В автобиографическом отрывке в третьем лице, уже как бы глядя на себя посторонние и обдумывая себя в истории, Ахматова сказала: «...поздняя А[хматова] выходит из жанра «любовного дневника» («Четки») — жанра, в кот[ором] она не знает соперников и который она оставила, м[ожет] б[ыть], даже с некоторым опасением и оглядкой, и переходит на раздумья о роли и судьбе поэта, о ремесле, на легко набросанные широкие полотна. Появляется острое ощущение истории». Именно это ощущение проникает «поздние» книги Ахматовой, «книги женской души», книги души человеческой.

Анна Ахматова прожила долгую и счастливую жизнь. Как счастливую? Не кощунственно ли сказать так о женщине, муж которой был расстрелян и чей подрасстрельный сын переходил из тюрьмы в ссылку и обратно, которую гнали и травили и на чью голову обрушивались толики хулы и кары, которая почти всегда жила в бедности и в бедности умерла, познав, может быть, все лишения, кроме лишения Родины — изгнания.

И все же — счастливую. Она была — поэт: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных».

Николай Скотов

КОРОТКО О СЕБЕ

Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет.

Мои первые воспоминания — царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду».

Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет — древний Херсонес, около которого мы жили.

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже научилась говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфирородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама.

Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно.

В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов. Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундуклеевской гимназии, которую и окончила в 1907 году.

Я поступила на юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна, когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела.

В 1910 (25 апреля ст. ст.) я вышла замуж за Н. С. Гумилева, и мы поехали на месяц в Париж.

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Raspail). Вернер, друг Эдиссона, показал мне в «Taverne de Pantéon» два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы, тут — большевики, а там — меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (jupes-cullottes), то почти пеленали ноги (jupes-entra-*vées*). Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Переехав в Петербург, я училась на Высших историко-литературных курсах Раева. В это время я уже писала стихи, вошедшие потом в мою первую книгу.

Когда мне показали корректуру «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского, я была поражена и читала ее, забыв все на свете.

В 1910 году явно обозначился кризис символизма, и начинающие поэты уже не примыкали к этому течению. Одни шли в футуризм, другие — в акмеизм. Вместе с моими товарищами по Первому Цеху поэтов — Мандельштамом, Зенкевичем, Нарбутом — я сделалась акмеисткой.

Весну 1911 года я провела в Париже, где была свидетельницей первых триумфов русского балета. В 1912 году проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуя, Венеция). Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь.

В 1912 году вышел мой первый сборник стихов «Вечер». Напечатано было всего триста экземпляров. Критика отнеслась к нему благосклонно.

1 октября 1912 года родился мой единственный сын Лев.

В марте 1914 года вышла вторая книга — «Четки». Жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из XIX века сразу попали в XX, все стало иным,

начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. Время распорядилось иначе.

Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. Это не живописное место: распаханное ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, «воротца», хлеба, хлеба... Там я написала очень многие стихи «Четок» и «Белой стаи». «Белая стая» вышла в сентябре 1917 года.

К этой книге читатели и критика несправедливы. Почему-то считается, что она имела меньше успеха, чем «Четки». Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах. Транспорт замирал — книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому в отличие от «Четок» у «Белой стаи» не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются.

После Октябрьской революции я работала в библиотеке Агрономического института. В 1921 году вышел сборник моих стихов «Подорожник», в 1922 году — книга «Anno Domini».

Примерно с середины 20-х годов я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом моих пушкинских штудий были три работы — о «Золотом петушке», об «Адольфе» Бенжамена Констана и о «Каменном госте». Все они в свое время были напечатаны.

Работы «Александрина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году», которыми я занимаюсь почти двадцать последних лет, по-видимому, войдут в книгу «Гибель Пушкина».

С середины 20-х годов мои новые стихи почти перестали печатать, а старые — перепечатывать.

Отечественная война 1941 года застала меня в Ленинграде. В конце сентября, уже во время блокады, я вылетела на самолете в Москву.

До мая 1944 года я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, часто выступала в госпиталях, читала стихи раненым бойцам. В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящий жар древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое

человеческая доброта: в Ташкенте я много и тяжело болела.

В мае 1944 года я прилетела в весеннюю Москву, уже полную радостных надежд и ожидания близкой победы. В июне вернулась в Ленинград.

Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе. Тогда же возникли очерки «Три сирени» и «В гостях у смерти» — последнее о чтении стихов на фронте в Териоках. Проза всегда казалась мне и тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи — я никогда ничего не знала о прозе. Первый мой опыт все очень хвалили, но я, конечно, не верила. Позвала Зощенку. Он велел кое-что убрать и сказал, что с остальным согласен. Я была рада. Потом, после ареста сына, сожгла вместе со всем архивом.

Меня давно интересовали вопросы художественного перевода. В послевоенные годы я много переводила. Перевожу и сейчас.

В 1962 году я закончила «Поэму без героя», которую писала двадцать два года.

Прошлой весной, накануне дантовского года, я снова услышала звуки итальянской речи — побывала в Риме и на Сицилии. Весной 1965 года я поехала на родину Шекспира, увидела британское небо и Атлантику, повидалась со старыми друзьями и познакомилась с новыми, еще раз посетила Париж.

Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных.

Анна Ахматова

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ВЕЧЕР

La fleur des vignes pousse
Et j'ai vingt ans ce soir.

*André Theuriet*¹

* * *

Молюсь оконному лучу —
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце — пополам.
На рукомоёнке моем
Позеленела медь.
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой храмине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

3 ноября 1910
Киев

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик ворон
Становится все слышней.
Я эту ночь не спала,
Поздно думать о сне...
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй!

Весна 1910

---

¹ Распускается цветок винограда,
А мне сегодня вечером двадцать лет.

Андре Тёрье (франц.).

Тот же голос, тот же взгляд,
 Те же волосы льняные.
 Все как год тому назад.
 Сквозь стекло лучи дневные
 Известь белых стен пестрят...
 Свежих лилий аромат
 И слова твои простые.

1909

ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»

1

У кладбища направо пылил пустырь,
 А за ним голубела река.
 Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
 Или замуж за дурака...»
 Принцы только такое всегда говорят,
 Но я эту запомнила речь,—
 Пусть струится она сто веков подряд
 Горностаевой мантией с плеч.

2

И как будто по ошибке
 Я сказала: «Ты...»
 Озарила тень улыбки
 Милые черты.
 От подобных оговорок
 Всякий вспыхнет взор...
 Я люблю тебя, как сорок
 Ласковых сестер.

1909

* * *

И когда друг друга проклинали
 В страсти, раскаленной добела,
 Оба мы еще не понимали,
 Как земля для двух людей мала,)

И что память яростная мучит,
Пытка сильных — огненный недуг! —
И в ночи бездонной сердце учит
Спрашивать: о, где ушедший друг?
А когда, сквозь волны фимиама,
Хор гремит, ликуя и грозя,
Смотрят в душу строго и упрямо
Те же неизбежные глаза.

1909

ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Пять лет прошло. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.

1910

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в иное ярком блеснет,
Почудится в дреме левкою...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

24 ноября 1911
Царское Село

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

I

По аллее проводят лошадок.
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задыхалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

*30 ноября 1911
Царское Село*

II

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

1911

III

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

24 сентября 1911
Царское Село

* * *

И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек,—

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу.
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы.
О, только дайте греться у огня!
Мне холодно... Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.

30 ноября 1911
Царское Село

* * *

Любовь покоряет обманно,
Напевом простым, неискусным.
Еще так недавно-странно
Ты не был седым и грустным.

И когда она улыбалась
В садах твоих, в доме, в поле,
Повсюду тебе казалось,
Что вольный ты и на воле.

Был светел ты, взятый ею
И пивший ее отравы.
Ведь звезды были крупнее,
Ведь пахли иначе травы,
Осенние травы.

Осень 1911
Царское Село

* * *

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

8 января 1911
Киев

* * *

Память о солнце в сердце слабеет.
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.

В узких каналах уже не струится —
Стынет вода.
Здесь никогда ничего не случится,—
О, никогда!

Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть!.. За ночь прийти успеет
Зима.

30 января 1911
Киев

* * *

Высо́ко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка.
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

В пушистой муфте руки холодели.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О, как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой вьюгой.
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой.

*Весна 1911
Царское Село*

* * *

Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь — уходи.
Много счастья уготовано
Тем, кто волен на пути.

Я не плачу, я не жалуясь,
Мне счастливой не бывать.
Не целуй меня, усталую,—
Смерть придет поцеловать.

Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой.
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой?

Весна 1911

* * *

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсем устало,
Бьешься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души.

17 февраля 1911
Царское Село

* * *

Хочешь знать, как все это было? —
Три в столовой пробило,
И, прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила:
«Это всё... Ах, нет, я забыла,
Я люблю вас, я вас любила
Еще тогда!»
— «Да».

21 октября 1910
Киев

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шопот осенний
Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

*29 сентября 1911
Царское Село*

* * *

Как соломинкой, пьешь мою душу.
Знаю, вкус ее горек и хмелен.
Но я пытку мольбой не нарушу.
О, покой мой многонеделен.

Когда кончишь, скажи. Не печально,
Что души моей нет на свете.
Я пойду дорогой недалней
Посмотреть, как играют дети.

На кустах зацветает крыжовник,
И везут кирпичи за оградой.
Кто ты: брат мой или любовник,
Я не помню, и помнить не надо.

Как светло здесь и как бесприютно,
Отдыхает усталое тело...
А прохожие думают смутно:
Верно, только вчера овдовела.

*10 февраля 1911
Царское Село*

* * *

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острей веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

18—19 марта 1911

* * *

Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах.
Заведут — и кукую.
Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.

*7 марта 1911
Царское Село*

ПОХОРОНЫ

Я места ищу для могилы.
Не знаешь ли, где светлей?
Так холодно в поле. Унылы
У моря груды камней.

А она привыкла к покою
И любит солнечный свет.
Я келью над ней построю,
Как дом наш на много лет.

Между окнами будет дверца,
Лампадку внутри зажжем,
Как будто темное сердце
Алым горит огнем.

Она бредила, знаешь, больная,
Про иной, про небесный край,
Но сказал монах, укоряя:
«Не для вас, не для грешных рай».

И тогда, побелев от боли,
Прошептала: «Уйду с тобой!»
Вот одни мы теперь на воле,
И у ног голубой прибор.

22 сентября 1911
Царское Село

* * *

Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.

Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?

Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища
И беспутного и нежного.

1911
Париж

ОБМАН

М. А. Горенко

I

Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
Читаю в ней элегии и стансы,
Написанные бабушке моей.

Дорогу вижу до ворот, и тумбы
Белеют четко в изумрудном дерне.
О, сердце любит сладостно и слепо!
И радуют пестреющие клумбы,
И резкий крик вороны в небе черной,
И в глубине аллеи арка склепа.

2 ноября 1910
Киев

II

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло.
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло;

Сухо пахнут иммортели
В разметавшейся косе.
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка...
Кто сегодня мне приснится
В пестрой сетке гамака?

Январь 1910
Киев

III

Синий вечер. Ветры кротко стихли,
Яркий свет зовет меня домой.
Я гадаю: кто там? — не жених ли,
Не жених ли это мой?..

На террасе силуэт знакомый,
Еле слышен тихий разговор.
О, такой пленительной истомы
Я не знала до сих пор.

Тополя тревожно прошуршали,
Нежные их посетили сны,
Небо цвета вороненой стали,
Звезды матово-бледны.

Я несу букет левкоев белых.
Для того в них тайный скрыт огонь,
Кто, беря цветы из рук несмелых,
Тронет теплую ладонь.

*Сентябрь 1910
Царское Село*

IV

Я написала слова,
Что долго сказать не смела.
Тупо болит голова,
Странно немеет тело.

Смолк отдаленный рожок
В сердце все те же загадки,
Легкий осенний снежок
Лег на крокетной площадке.

Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться!
Я не хотела мешать
Тому, кто привык веселиться.

Милым простила губам
Я их жестокую шутку...
О, вы приедете к нам
Завтра по первопутку.

Свечи в гостиной зажгут,
Днем их мерцанье нежнее,
Целый букет принесут
Роз из оранжереи.

*Осень 1910
Царское Село*

* * *

Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнем.
Для тебя в окошке створчатом
Я всю ночь сижу с огнем.

Рассветает. И над кузницей
Подымается дымок.
Ах, со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не мог.

Для тебя я долю хмурю,
Долю-муку приняла.
Или любишь белокурую,
Или рыжая мила?

Как мне скрыть вас, стоны звонкие!
В сердце темный, душный хмель,
А лучи ложатся тонкие
На несмятую постель.

Осень 1911

ПЕСЕНКА

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.

Вырываю и бросаю —
Пусть простит меня.
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба
Мне наградой злой.
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.

*11 марта 1911
Царское Село*

* * *

Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать.

Над засохшей повиликою
Мягко плавает пчела;
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.

Затянулся ржавой тиною
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел.

Замечаю все как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.

23 февраля 1911
Царское Село

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решалась лечь.

Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.

И знать, что все потеряно,
Что жизнь — проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад.

6 февраля 1911
Царское Село

* * *

Под навесом темной риги жарко,
Я смеюсь, а в сердце злобно плачу,
Старый друг бормочет мне: «Не каркай!
Мы ль не встретим на пути удачу!»

Но я другу старому не верю.
Он смешной, незрячий и убогий,
Он всю жизнь свою шагами мерил
Длинные и скучные дороги.

И звенит, звенит мой голос ломкий,
Звонкий голос не узнавших счастья:
«Ах, пусты дорожные котомки,
А на завтра голод и ненастье!»

24 сентября 1911
Царское Село

* * *

Хорони, хорони меня, ветер!
Родные мои не пришли,
Надо мною блуждающий вечер
И дыханье тихой земли.

Я была, как и ты, свободной,
Но я слишком хотела жить.
Видишь, ветер, мой труп холодный,
И некому руки сложить.

Закрой эту черную рану
Покровом вечерней тьмы
И вели голубому туману
Надо мною читать псалмы.

Чтобы мне легко, одинокой,
Отойти к последнему сну,
Прошуми высокой осокой
Про весну, про мою весну.

Декабрь 1909
Киев

МУЗЕ

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.

Муза! ты видишь, как счастливы все —
Девушки, женщины, вдовы...
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».

*10 ноября 1911
Царское Село*

* * *

Три раза пытать приходила.
Я с криком тоски просыпалась
И видела тонкие руки
И темный насмешливый рот.
«Ты с кем на заре целовалась,
Клялась, что погибнешь в разлуке,
И жгучую радость тайла,
Рыдая у черных ворот?
Кого ты на смерть проводила,
Тот скоро, о, скоро умрет».
Был голос как крик ястребиный,
Но странно на чей-то похожий.

Все тело мое изгибалось,
Почувствовав смертную дрожь,
И плотная сеть паутины
Упала, окутала ложе...
О, ты не напрасно смеялась,
Моя непрощенная ложь!

*16 февраля 1911
Царское Село*

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

*11 декабря 1910
Царское Село*

РЫБАК

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.

И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.

Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.

Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочут крабы,
Выползая на песок.

Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.
Все сильней биенье крови
В теле, раненном тоской.

23 апреля 1911

САД

Он весь сверкает и хрустит,
Обледенелый сад.
Ушедший от меня грустит,
Но нет пути назад.

И солнца бледный тусклый лик —
Лишь круглое окно;
Я тайно знаю, чей двойник
Приник к нему давно.

Здесь мой покой навеки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лед еще сквозят
Вчерашние следы.

Склонился тусклый мертвый лик
К немому сну полей,
И замирает острый крик
Отсталых журавлей.

1911

ПОДРАЖАНИЕ И. Ф. АННЕНСКОМУ

И с тобой, моей первой причудой,
Я простился. Восток голубел.
Просто молвила: «Я не забуду».
Я не сразу поверил тебе.

Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?

И всегда открывается книга
В том же месте. И странно тогда:
Всё как будто с прощального мига
Не прошли невозвратно года.

О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня...
Никогда не пойму, ты близка мне
Или только любила меня.

20 февраля 1911

* * *

Мурка, не ходи, там сыч
На подушке вышит,
Мурка серый, не мурлычь,
Дедушка услышит.
Няня, не горит свеча,
И скребутся мыши.
Я боюсь того сыча,
Для чего он вышит?

1911 (?)

* * *

Меня покинул в новолунье
Мой друг любимый. Ну так что ж!

Шутил: «Канатная плясунья!
Как ты до мая доживешь?»

Ему ответила, как брату,
Я, не ревнуя, не ропща,
Но не заменят мне утрату
Четыре новые плаща.

Пусть страшен путь мой, пусть опасен.
Еще страшнее путь тоски...
Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки!

Оркестр веселое играет,
И улыбаются уста.
Но сердце знает, сердце знает,
Что ложа пятая пуста!

Ноябрь 1911

* * *

Вере Ивановой-Шварсалон

Туманом легким парк наполнился,
И вспыхнул на воротах газ.
Мне только взгляд один запомнился
Незнающих спокойных глаз.

Твоя печаль, для всех неявная,
Мне сразу сделалась близка,
И поняла ты, что отравная
И душная во мне тоска.

Я этот день люблю и праздную,
Приду, как только позовешь.
Меня, и грешную и праздную,
Лишь ты одна не упрекнешь.

Апрель 1911

* * *

Я и плакала и каялась,
Хоть бы с неба грянул гром!
Сердце темное измаялось
В нежилом доме твоём.
Боль я знаю нестерпимую,
Стыд обратного пути...
Страшно, страшно к нелюбимому,
Страшно к тихому войти.
А склонюсь к нему нарядная,
Ожерельями звеня,—
Только спросит: «Ненаглядная!
Где молилась за меня?»

1911

ЧЕТКИ

Прости ж навек! но знай, что двух виновных,
Не одного, найдутся имена
В стихах моих, в преданиях любовных.

Баратынский

I

СМЯТЕНИЕ

1

Было душно от жгучего света,
А взгляды его — как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился — он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

1913

2

Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

1913

3

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,

Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся —
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...
Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его — напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

1913

ПРОГУЛКА

Перо задело о верх экипажа.
Я поглядела в глаза его.
Томилось сердце, не зная даже,
Причины горя своего.

Безветрен вечер и грустью скован
Под сводом облачных небес,
И словно тушью нарисован
В альбоме старом Булонский лес.

Бензина запах и сирени,
Насторожившийся покой...
Он снова тронул мои колени
Почти не дрогнувшей рукой.

Май 1913

* * *

Я не любви твоей прошу.
Она теперь в надежном месте...
Поверь, что я твоей невесте
Ревнивых писем не пишу.

Но мудрые прими советы:
Дай ей читать мои стихи,
Дай ей хранить мои портреты —
Ведь так любезны женихи!

А этим дурочкам нужней
Сознание полное победы,
Чем дружбы светлые беседы
И память первых нежных дней...

Когда же счастья гроши
Ты проживешь с подругой милой
И для пресыщенной души
Все станет сразу так постыло —

В мою торжественную ночь
Не приходи. Тебя не знаю.
И чем могла б тебе помочь?
От счастья я не исцеляю.

Июль 1914
Слепнево

ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платя.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым».

Март 1913

* * *

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

19 декабря 1912
В вагоне

* * *

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.

Ах! не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.

Январь 1914

* * *

Косноязычно славивший меня
Еще топтался на краю эстрады.
От дыма сизого и тусклого огня
Мы все уйти, конечно, были рады.

Но в путаных словах вопрос зажжен,
Зачем не стала я звездой любовной,
И стыдной болью был преображен
Над нами лик жестокий и бескровный.

Люби меня, припоминай и плачь.
Все плачущие не равны ль пред Богом.
Прощай, прощай! меня ведет палач
По голубым предутренним дорогам.

1913

* * *

...И на ступеньки встретить
Не вышли с фонарем.
В неверном лунном свете
Вошла я в тихий дом.

Под лампою зеленой,
С улыбкой неживой,
Друг шепчет: «Сандрильона,
Как странен голос твой..».

В камине гаснет пламя;
Томя, трещит сверчок.
Ах! кто-то взял на память
Мой белый башмачок

И дал мне три гвоздики,
Не подымая глаз.
О милые улики,
Куда мне спрятать вас?

И сердцу горько верить,
Что близок, близок срок,
Что всем он станет мерить
Мой белый башмачок.

1913

* * *

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?

Иду по тропинке в поле
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.

И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю: он жив, он дышит,
Он смеет быть не печальным.

1912

Царское Село

* * *

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине — нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! —

Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок Божий — так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

Январь 1914

* * *

Покорно мне воображенье
В изображеньи серых глаз.
В моем тверском уединеньи
Я горько вспоминаю Вас.

Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели Вы,

Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь!
И вот я таю, я безвольна,
Но все сильнее скучает кровь.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет Вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

Июль 1913
Слепнево

ОТРЫВОК

...И кто-то, во мраке дерев незримый,
Зашуршал опавшей листвой
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!

Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы любви.

Ты давно перестала считать уколы —
Грудь мертва под острой иглой.
И напрасно стараешься быть веселой —
Легче в гроб тебе лечь живой!..»

Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»

26 декабря 1911

* * *

«Горят твои ладони,
В ушах пасхальный звон,
Ты как святой Антоний
Виденьем искушен».

«Зачем во дни святые
Ворвался день один,
Как волосы густые
Безумных Магдалин».

«Так любят только дети
И то лишь первый раз»,
«Сильней всего на свете
Лучи спокойных глаз».

«То дьявольские сети,
Нечистая тоска»,
«Белей всего на свете
Была ее рука».

1915

Царское Село

* * *

Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно.
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовью одною.

Со мной всегда мой верный, нежный друг,
С тобой твоя веселая подруга.
Но мне понятен серых глаз испуг,
И ты виновник моего недуга.
Коротких мы не учащаем встреч.
Так наш покой нам суждено беречь.

Лишь голос твой поет в моих стихах,
В твоих стихах мое дыханье веет.
О, есть костер, которого не смеет

Коснуться ни забвение, ни страх.
И если б знал ты, как сейчас мне любви
Твои сухие, розовые губы!

Осень 1913

* * *

У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу —
Ведь она мне любовью дана.
Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь других.
Предо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.

1913

* * *

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные
Несытые взгляды твои!

*Декабрь 1913
Царское Село*

* * *

Проводила друга до передней.
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.

Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

1913

* * *

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.

И я стану — Христос помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый.
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?

Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.
Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети,

И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво...
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.

1912 (?)

* * *

Здравствуй! Легкий шелест слышишь
Справа от стола?
Этих строчек не допишешь —
Я к тебе пришла.

Неужели ты обидишь
Так, как в прошлый раз,—
Говоришь, что рук не видишь,
Рук моих и глаз.
У тебя светло и просто.
Не гони меня туда,
Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода.

Октябрь 1913
Царское Село

II

* * *

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

1913

* * *

Каждый день по-новому тревожен,
Все сильнее запах спелой ржи.
Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.

Иволги кричат в широких кленах,
Их ничем до ночи не унять.
Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос веселых отгонять.

На дороге бубенец зазвякал —
Памятен нам этот легкий звук.
Я спою тебе, чтоб ты не плакал,
Песенку о вечере разлук.

1913

* * *

Мальчик сказал мне: «Как это больно!»
И мальчика очень жаль.
Еще так недавно он был довольным
И только слышал про печаль.

А теперь он знает все не хуже
Мудрых и старых вас.
Потускнели и, кажется, стали уже
Зрачки ослепительных глаз.

Я знаю: он с болью своей не сладит,
С горькой болью первой любви.
Как беспомощно, жадно и жарко гладит
Холодные руки мои.

Осень 1913

* * *

Высокие своды костела
Синей, чем небесная твердь...
Прости меня, мальчик веселый,
Что я принесла тебе смерть.—

За розы с площадки круглой,
За глупые письма твои,
За то, что, дерзкий и смуглый,
Мутно бледнел от любви,

Я думала: ты нарочно —
Как взрослые хочешь быть.
Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.

Но всё оказалось напрасно.
Когда пришли холода,
Следил ты уже бесстрастно
За мной везде и всегда,

Как будто копил приметы
Моей нелюбви. Прости!
Зачем ты принял обеты
Страдальческого пути?

И смерть к тебе руки простерла...
Скажи, что было потом?
Я не знала, как хрупко горло
Под синим воротником.

Прости меня, мальчик веселый,
Совёнок замученный мой!
Сегодня мне из костела
Так трудно уйти домой.

*Ноябрь 1913
Царское Село*

* * *

М. Лозинскому

Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье.
И я поверила, что есть прохладный снег
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.

1912

ГОЛОС ПАМЯТИ

О. А. Глебовой-Судейкиной

Что ты видишь, тускло на стену смотря,
В час, когда на небе поздняя заря?

Чайку ли на синей скатерти воды,
Или флорентийские сады?

Или парк огромный Царского Села,
Где тебе тревога путь пересекла?

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?

Нет, я вижу стену только — и на ней
Отсветы небесных гаснущих огней.

18 июня 1913
Слепнево

* * *

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

Май 1912
Флоренция

Здесь всё то же, то же, что и прежде,
Здесь напрасным кажется мечтать.
В доме у дороги непроезжей
Надо рано ставни запирать.

Тихий дом мой пуст и неприветлив,
Он на лес глядит одним окном.
В нем кого-то вынули из петли
И бранили мертвого потом.

Был он грустен или тайно-весел,
Только смерть — большое торжество.
На истертом красном плюше кресел
Изредка мелькает тень его.

И часы с кукушкой ночи рады,
Все слышней их четкий разговор.
В щелочку смотрю я: конокрады
Зажигают под холмом костер.

И, пророча близкое ненастье,
Низко, низко стелется дымок.
Мне не страшно. Я ношу на счастье
Темно-синий шелковый шнурок.

Май 1912
Флоренция

БЕССОННИЦА

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю...
Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.

Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница,
Разве плохо я тебе пою?

Окна тканью белою завешены,
Полумрак струится голубой...
Или дальней вестью мы утешены?
Отчего мне так легко с тобой?

*1912. Начало года
Царское Село*

* * *

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

*Осень 1913
Слепнево*

* * *

Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять,
Чтоб выпустить птицу — мою тоску
В пустынную ночь опять.

Милый! не дрогнет твоя рука.
И мне недолго терпеть.
Вылетит птица — моя тоска,
Сядет на ветку и станет петь.

Чтоб тот, кто спокоен в своем дому,
Раскрывши окно, сказал:
«Голос знакомый, а слов не пойму» —
И опустил глаза.

*31 января 1914
Петербург*

III

* * *

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты в своих путях всегда уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

Май 1912
Флоренция

* * *

Вижу выцветший флаг над таможенной
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.

Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

Осень 1913

* * *

Плотно сомкнуты губы сухие.
Жарко пламя трех тысяч свечей.
Так лежала княжна Евдокия
На душистой сапфирной парче.

И, согнувшись, бесслезно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух слясь губами поймать.

А пришедший из южного края
Черноглазый, горбатый старик,
Словно к двери небесного рая,
К потемневшей ступеньке приник.

Осень 1913

* * *

Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести?
Долгую песню, льстивая,
О славе поет судьба.
Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца.

19 декабря 1912
Вечер

8 НОЯБРЯ 1913 ГОДА

Солнце комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой.

Оттого и оснеженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала.

* * *

Ты пришел меня утешить, милый,
Самый нежный, самый кроткий...
От подушки приподняться нету силы,
А на окнах частые решетки.

Мертвой, думал, ты меня застанешь,
И принес веночек неискусный.
Как улыбкой сердце больно ранишь,
Ласковый, насмешливый и грустный.

Что теперь мне смертное томленье!
Если ты еще со мной побудешь,
Я у Бога вымолю прощенье
И тебе, и всем, кого ты любишь.

Май 1913
Петербург. Крестовский остров

* * *

Умирая, томлюсь о бессмертьи.
Низко облако пыльной мглы...
Пусть хоть голые красные черти,
Пусть хоть чан зловонной смолы.

Приползайте ко мне, лукавьте,
Угрозы из ветхих книг,
Только память вы мне оставьте,
Только память в последний миг.

Чтоб в томительной веренице
Не чужим показался ты,
Я готова платить сторицей
За улыбки и за мечты.

Смертный час, наклонясь, напоит
Прозрачною сулемой.
А люди придут, зароят
Мое тело и голос мой.

1912

Царское Село

* * *

Ты письмо мое, милый, не комкай,
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.

Не гляди так, не хмурься гневно.
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королева
И уже не монашенка я —

В этом сером, будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи,
Ты его в твоей бедной котомке
На самое дно положи.

1912

Царское Село

ИСПОВЕДЬ

Умолк простивший мне грехи.
Лиловый сумрак гасит свечи.
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи.

АНЯ ГОРЕНКО. 1904. Царское Село

«АРЛЕКИН И КОЛОМБИНА». Эскиз к картине «Маскарад». 1911.
Художник С. Судейкин

Не тот ли голос: «Дева! встань...»
Удары сердца чаще, чаще.
Прикосновение сквозь ткань
Руки, рассеянно крестящей.

1911
Царское Село

* * *

Н. Гумилеву

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый.
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

Октябрь 1912
Царское Село

* * *

Со дня Купальницы-Аграфены
Малиновый платок хранит.
Молчит, а ликует, как царь Давид.
В морозной келье белы стены,
И с ним никто не говорит.

Приду и стану на порог,
Скажу: «Отдай мне мой платок!»

Осень 1913
Царское Село

* * *

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка озорной.
Знаю я — у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.

А у нас — тишь да гладь,
Божья благодать.

А у нас — светлых глаз
Нет приказу подымать.

Декабрь 1913

* * *

Вечерние часы перед столом.
Непоправимо белая страница.
Мимоза пахнет Ниццей и теплом.
В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.

Лето 1913
Слепнево

* * *

Будешь жить, не зная лиха,
Править и судить,
Со своей подругой тихой
Сыновей растить.

И во всем тебе удача,
Ото всех почет,
Ты не знай, что я от плача
Дням теряю счет.

Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и темных,
Светел Божий дом,

И для нас, склоненных долу,
Алтари горят,
Наши к Божьему престолу
Голоса летят.

1915

IV

* * *

Как вплелась в эти темные косы
Серебристая нежная прядь —
Только ты, соловей безголосый,
Эту муку сумеешь понять.

Чутким ухом далекое слышишь
И на тонкие ветки ракии,
Весь нахохлившись, смотришь — не дышишь, —
Если песня чужая звучит.

А еще так недавно, недавно
Замирали вокруг тополя
И звенела и пела отравно
Несказанная радость твоя.

1912

* * *

— «Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра.

Поседали твои волосы. Глаза
Замутила, затуманила слеза.

Ты уже не понимаешь пенья птиц,
Ты ни звезд не замечаешь, ни зарниц.

И давно удары бубна не слышны,
А я знаю, ты боишься тишины.

Я пришла тебя сменить, сестра,
У лесного, у высокого костра».

— «Ты пришла меня похоронить.
Где же заступ твой, где лопата?
Только флейта в руках твоих.
Я не буду тебя винить,
Разве жаль, что давно, когда-то,
Навсегда мой голос затих.

Мои одежды надень,
Позабудь о моей тревоге,
Дай ветру кудрями играть.
Ты пахнешь, как пахнет сирень,
А пришла по трудной дороге,
Чтобы здесь озаренной стать».

И одна ушла, уступая,
Уступая место другой,
И неверно брела, как слепая,
Незнакомой узкой тропой.

И всё чудилось ей, что пламя
Близко... бубен держит рука...
И она, как белое знамя,
И она, как свет маяка.

*24 октября 1912
Царское Село*

СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

1

Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь Великого Петра.

Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

2

Сердце бьется ровно, мерно,
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес,—

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера,—
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

* * *

Знаю, знаю — снова лыжи
Сухо заскрипят.
В синем небе месяц рыжий,
Луг так сладостно покат.

Во дворце горят окошки,
Тишиной удалены.
Ни тропинки, ни дорожки,
Только проруби темны.

Ива, дерево русалок,
Не мешай мне на пути!
В снежных ветках черных галок,
Черных галок приюти.

Октябрь 1913
Царское Село

ВЕНЕЦИЯ

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Столько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

Август 1912
Слепнево

* * *

Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.

От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.

И у окна белеют пальцы...
Твой профиль тонок и жесток.
Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.

А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.

14 ноября 1912

ГОСТЬ

Все как раньше: в окна столовой
Бьет мелкий метельный снег,
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.

Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».

Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».

И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца.
Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.

О, я знаю: его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

1 января 1914

* * *

Александру Блоку

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен;
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

Январь 1914

* * *

Простишь ли мне эти ноябрьские дни?
В каналах приневских дрожат огни.
Трагической осени скудны убранства.

*Ноябрь 1913
Петербург*

БЕЛАЯ СТАЯ

Горю и ночью дорога светла.

Анненский

I

* * *

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем,—
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

12 апреля 1915

Троицкий мост

* * *

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
Да будет жизнь пустынна и светла.
Тебя, тебя в моих стихах прославлю,
Как женщина прославить не могла.
И ты подругу помнишь дорогую
В тобою созданном для глаз ее раю,
А я товаром редкостным торгую —
Твою любовь и нежность продаю.

Зима 1913

Царское Село

УЕДИНЕНИЕ

Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,

И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.
Строителей ее благодарю,
Пусть их забота и печаль минует.
Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А не дописанную мной страницу,
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука.

6 июня 1914
Слепнево

ПЕСНЯ О ПЕСНЕ

Она сначала обожжет,
Как ветерок студеный,
А после в сердце упадет
Одной слезой соленой.

И злomu сердцу станет жаль
Чего-то. Грустно будет.
Но эту легкую печаль
Оно не позабудет.

Я только сею. Собирать
Придут другие. Что же!
И жниц ликующую рать
Благослови, о Боже!

А чтоб Тебя благодарить
Я смела совершенней,
Позволь мне миру подарить
То, что любви нетленней.

23 мая 1916
Слепнево

* * *

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер вест,
И непорочны помыслы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой.

Как прошлое над сердцем власть теряет!
Освобожденье близко. Все прошу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плющу.

*Весна 1913
Царское Село*

* * *

Был он ревнивым, тревожным и нежным,
Как Божие солнце, меня любил,
А чтобы она не запела о прежнем,
Он белую птицу мою убил.

Промолвил, войдя на закате в светлицу:
«Люби меня, смейся, пиши стихи!»
И я закопала веселую птицу
За круглым колодцем у старой ольхи.

Ему обещала, что плакать не буду.
Но каменным сделалось сердце мое,
И кажется мне, что всегда и повсюду
Услышу я сладостный голос ее.

Осень 1914

* * *

Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоём петь и гореть,
А другим — это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.

Чтобы греть пресыщенное тело,
Им надобны слезы мои...
Для того ль я, Господи, пела,
Для того ль причастилась любви!

Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой.

18 июля 1914
Слепнево

* * *

Потускнел на небе синий лак,
И слышнее песня окарины.
Это только дудочка из глины,
Не на что ей жаловаться так.
Кто ей рассказал мои грехи,
И зачем она меня прощает?..
Или этот голос повторяет
Мне твои последние стихи?

1912

* * *

В. С. Срезневской

Вместо мудрости — опытность, пресное,
Неутоляющее питье.
А юность была — как молитва воскресная...
Мне ли забыть ее?

Столько дорог пустынных исхожено
С тем, кто мне не был мил,
Столько поклонов в церквах положено
За того, кто меня любил...

Стала забывчивей всех забывчивых,
Тихо плывут года.
Губ нецелованных, глаз не улыбчивых
Мне не вернуть никогда.

Осень 1913
Царское Село

* * *

А! Это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
Страшна моей душе предгрозовая тишь.
Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,
Врученным мне навек любовью и судьбою.
Я предала тебя. И это повторять —
О, если бы ты мог когда-нибудь устать!
Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,
Так Ангел смерти ждет у рокового ложа.
Прости меня теперь. Учил прощать Господь.
В недуге горестном моя томится плоть,
А вольный дух уже почиет безмятежно.
Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный,
И крики журавлей, и черные поля...
О, как была с тобой мне сладостна земля!

11 июля 1916
Слепнево

* * *

Муза ушла по дороге
Осенней, узкой, крутой,
И были смуглые ноги
Обрызганы крупной росой.

Я долго ее просила
Зимы со мной подождать,
Но сказала: «Ведь здесь могила,
Как ты можешь еще дышать?»

Я голубку ей дать хотела,
Ту, что всех в голубятне белей,
Но птица сама полетела
За стройной гостьей моей.

Я, глядя ей вслед, молчала,
Я любила ее одну,
А в небе заря стояла,
Как ворота в ее страну.

15 декабря 1915
Царское Село

* * *

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

17 марта 1915
Царское Село

* * *

М. Ловинскому

Они летят, они еще в дороге,
Слова освобожденья и любви,
А я уже в предпесенной тревоге,
И холоднее льда уста мои.

Но скоро там, где жидкие березы,
Прильнувши к окнам, сухо шелестят,—
Венцом червонным заплетутся розы,
И голоса незримых прозвучат.

А дальше — свет невыносимо щедрый,
Как красное горячее вино...
Уже душистым, раскаленным ветром
Сознание мое опалено.

22 мая 1916
Слепнево

* * *

О, это был прохладный день
В чудесном городе Петровом!
Лежал закат костром багровым,
И медленно густела тень.

Пусть он не хочет глаз моих,
Пророческих и неизменных.
Всю жизнь ловить он будет стих,
Молитву губ моих надменных.

Зима 1913
Царское Село

* * *

Я так молилась: «Утоли
Глухую жажду песнопенья!»
Но нет земному от земли
И не было освобожденья.

Как дым от жертвы, что не мог
Взлететь к престолу Сил и Славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы,—

Так я, Господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной?

Зима 1913
Царское Село

* * *

Н. В. Н.

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти,—
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвется от любви на части.

И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие — поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

2 мая 1915
Петербург

* * *

Всё отнято: и сила, и любовь.
В немилый город брошенное тело
Не радо солнцу. Чувствую, что кровь
Во мне уже совсем похолодела.

Веселой Музы нрав не узнаю:
Она глядит и слова не проронит,
А голову в веночке темном клонит,
Изнеможенная, на грудь мою.

И только совесть с каждым днем страшней
Беснуется: великой хочет дани.
Закрыв лицо, я отвечала ей...
Но больше нет ни слез, ни оправданий.

24 октября 1916
Севастополь

* * *

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу — зренье,
Или актеру — голос и движенье,
А женщине прекрасной — красоту?

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены — и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить.

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушие толпы.

23 июня 1915
Слепнево

ОТВЕТ

Гр. В. А. Комаровскому

Какие странные слова
Принес мне тихий день апреля.
Ты знал, во мне еще жива
Страстная, страшная неделя.

Я не слыхала звонов тех,
Что плавали в лазури чистой.
Семь дней звучал то медный смех,
То плач струился серебристый.

А я, закрыв лицо мое,
Как перед вечною разлукой,
Лежала и ждала ее,
Еще не названную мукой.

Весна 1914
Царское Село

* * *

Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы,—
Город, горькой любовью любимый.

Солеёю молений моих
Был ты, строгий, спокойный, туманный.
Там впервые предстал мне жених,
Указавши мой путь осиянный,
И печальная Муза моя,
Как слепую, водила меня.

Июль 1914
Слепнево

II

9 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА

Самые темные дни в году
Светлыми стать должны.
Я для сравнения слов не найду —
Так твои губы нежны.

Только глаза подымать не смей,
Жизнь мою храня.
Первых фиалок они светлей,
А смертельные для меня.

Вот поняла, что не надо слов,
Оснеженные ветки легки...
Сети уже разостлал птицелов
На берегу реки.

Царское Село

* * *

Как ты можешь смотреть на Неву,
Как ты смеешь всходить на мосты?..
Я недаром печальной слыву
С той поры, как привиделся ты.
Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд,
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу цветут.

1914.
Петербург

* * *

Под крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья Апостолов я,
Слова Псалмопевца читаю.
Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней,—
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.

Январь 1915
Царское Село

* * *

Н. В. Н.

Целый год ты со мной неразлучен,
А как прежде и весел и юн!
Неужели же ты не измучен
Смутной песней затравленных струн,—
Тех, что прежде, тугие, звенели,
А теперь только стонут слегка,
И моя их терзает без цели
Восковая, сухая рука...
Верно, мало для счастья надо
Тем, кто нежен и любит светло,

Что ни ревность, ни гнев, ни досада
Молодое не тронут чело.
Тихий, тихий, и ласки не просит,
Только долго глядит на меня.
И с улыбкой блаженной выносит
Страшный бред моего забытья.

Июнь 1914
Слепнево

* * *

Черная вилась дорога,
Дождик моросил,
Проводить меня немного
Кто-то попросил.
Согласилась, да забыла
На него взглянуть,
А потом так странно было
Вспомнить этот путь.
Плыл туман, как фимиамы
Тысячи кадил.
Спутник песенкой упрямо
Сердце бередил.
Помню древние ворота
И конец пути —
Там со мною шедший кто-то
Мне сказал: «Прости...»
Медный крестик дал мне в руки,
Словно брат родной...
И я всюду слышу звуки
Песенки степной.
Ах, я дома как не дома —
Плачу и грущу.
Отзовись, мой незнакомый,
Я тебя ищу!

1913

* * *

Как люблю, как любила глядеть я
На закованные берега,
На балконы, куда столетья
Не ступала ничья нога.

И воистину ты — столица
Для безумных и светлых нас;
Но когда над Невою длится
Тот особенный, чистый час
И проносится ветер майский
Мимо всех надводных колонн,
Ты — как грешник, видящий райский
Перед смертью сладчайший сон...

1916

* * *

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд.
Над рекой своей Владимир
Поднял черный крест.

Липы шумные и вязы
По садам темны,
Звезд иглистые алмазы
К Богу внесены.

Путь мой жертвенный и славный
Здесь окончу я,
И со мной лишь ты, мне равный,
Да любовь моя.

Июль 1914
Слепнево

* * *

И мнится — голос человека
Здесь никогда не прозвучит,
Лишь ветер каменного века
В ворота черные стучит.
И мнится мне, что уцелела
Под этим небом я одна,—
За то, что первая хотела
Испить смертельного вина.

Лето 1917
Слепнево

РАЗЛУКА

Вечерний и наклонный
Передо мною путь.
Вчера еще, влюбленный,
Молил: «Не позабудь».
А нынче только ветры
Да крики пастухов,
Взволнованные кедры
У чистых родников.

*Февраль 1914
Петербург*

* * *

Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нем говорить.
Ты милый и верный, мы будем друзьями...
Гулять, целоваться, стареть...
И легкие месяцы будут над нами,
Как снежные звезды, лететь.

*Март 1914
Петербург*

* * *

Не в лесу мы, довольно аукать,—
Я насмешек таких не люблю...
Что же ты не приходишь баюкать
Уязвленную совесть мою?

У тебя заботы другие,
У тебя другая жена...
И глядит мне в глаза сухие
Петербургская весна.

Трудным кашлем, вечерним жаром
Наградит по заслугам, убьет.
На Неве под млеющим паром
Начинается ледоход.

*Весна 1914
Петербург*

* * *

Господь немилостив к жнецам и садоводам.
Звеня, косые падают дожди
И, прежде небо отражавшим, водам
Пестрят широкие плащи.

В подводном царстве и луга, и нивы,
А струи вольные поют, поют,
На взбухших ветках лопаются сливы,
И травы легшие гниют.

И сквозь густую водяную сетку
Я вижу милое твое лицо,
Притихший парк, китайскую беседку
И дома круглое крыльцо.

*Осень 1915
Царское Село*

* * *

Всё обещало мне его:
Край неба, тусклый и червонный,
И милый сон под Рождество,
И Пасхи ветер многозвонный,

И прутья красные лозы,
И парковые водопады,
И две большие стрекозы
На ржавом чугуна ограда.

И я не верить не могла,
Что будет дружен он со мною,
Когда по горным склонам шла
Горячей каменной тропею.

Октябрь 1916
Севастополь

* * *

Как невеста получаю
Каждый вечер по письму,
Поздно ночью отвечаю
Другу моему.

«Я гощу у смерти белой
По дороге в тьму.
Зла, мой ласковый, не делай
В мире никому».

И стоит звезда большая
Между двух стволов,
Так спокойно обещаю
Исполнение снов.

Октябрь 1915
Хювинкя

* * *

Божий Ангел, зимним утром
Тайно обручивший нас,
С нашей жизни беспечальной
Глаз не сводит потемневших.

Оттого мы любим небо,
Тонкий воздух, свежий ветер
И чернеющие ветки
За оградой чугуновой.

Оттого мы любим строгий,
Многоводный, темный город,
И разлуки наши любим,
И часы недолгих встреч.

Сентябрь 1914
Петербург

* * *

Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, теплый и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.

А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налету ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь.

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный.

23 июня 1915
Слепнево

* * *

О тебе вспоминаю я редко
И твоей не пленяюсь судьбой,
Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.

Красный дом твой нарочно миную,
Красный дом твой над мутной рекой,
Но я знаю, что горько волную
Твой пронизанный солнцем покой.

Пусть не ты над моими устами
Наклонялся, моля о любви,
Пусть не ты золотыми стихами
Обессмертил томленья мои —

Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.

1913

* * *

Как площади эти обширны,
Как гулки и круты мосты!
Тяжелый, беззвездный и мирный
Над нами покров темноты.

И мы, словно смертные люди,
По свежему снегу идем.
Не чудо ль, что нынче пробудем
Мы час предразлучный вдвоем?

Безвольно слабеют колени,
И кажется, нечем дышать...
Ты — солнце моих песнопений,
Ты — жизни моей благодать.

Вот черные зданья качнутся
И на землю я упаду,—
Теперь мне не страшно очнуться
В моем деревенском саду.

10 марта 1917

ПОБЕГ

О. А. Кузьминой-Караваевой

«Нам бы только до взморья добраться,
Дорогая моя!» — «Молчи...»
И по лестнице стали спускаться,
Задыхаясь, искали ключи.

Мимо зданий, где мы когда-то
Танцевали, пили вино,
Мимо белых колонн Сената,
Туда, где темно, темно.

«Что ты делаешь, ты безумный!» —
«Нет, я только тебя люблю!
Этот ветер — широкий и шумный,
Будет весело кораблю!»

Горло тесно ужасом сжато,
Нас в потемках принял челнок...
Крепкий запах морского каната
Задрожавшие ноздри обжег.

«Скажи, ты знаешь наверно:
Я не сплю? Так бывает во сне...»
Только весла плескались мерно
По тяжелой невской волне.

А черное небо светало,
Нас окликнул кто-то с моста,
Я руками обеими сжала
На груди цепочку креста.

Обессиленную, на руках ты,
Словно девочку, внес меня,
Чтоб на палубе белой яхты
Встретить свет нетленного дня.

Июнь 1914
Слепнево

* * *

Когда в мрачнейшей из столиц
Рукою твердой, но усталой,
На чистой белизне страниц
Я отречение писала,

И ветер в круглое окно
Вливался влажною струею,—
Казалось, небо сожжено
Червонно-дымною зарею.

Я не взглянула на Неву,
На озаренные граниты,
И мне казалось — наяву
Тебя увижу, незабывтый...

Но неожиданная ночь
Покрыла город предосенний.
Чтоб бегству моему помочь,
Расплылись пепельные тени.

Я только крест с собой взяла,
Тобою данный в день измены,—
Чтоб степь полынная цвела,
А ветры пели, как сирены.

И вот, он на пустой стене
Хранит меня от горьких бредней,
И ничего не страшно мне
Припомнить,— даже день последний.

Август 1916
Песочная бухта

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУА

Н. В. Н.

Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,

И ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

Октябрь 1916
Севастополь

* * *

Вновь подарен мне дремотой
Наш последний звездный рай —
Город чистых водометов,
Золотой Бахчисарай.

Там за пестрою оградой,
У задумчивой воды,
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады

И орла Екатерины
Вдруг узнали — это тот!
Он слетел на дно долины
С пышных бронзовых ворот.

Чтобы песнь прощальной боли
Дольше в памяти жила,
Осень смуглая в подоле
Красных листьев принесла

И посыпала ступени,
Где прощалась я с тобой
И откуда в царство тени
Ты ушел, утешный мой.

Октябрь 1916
Севастополь

* * *

Н. В. Н.

Всё мне видится Павловск холмистый,
Круглый луг, неживая вода,
Самый томный и самый тенистый,
Ведь его не забыть никогда.

Как в ворота чугунные въедешь,
Тронет тело блаженная дрожь,
Не живешь, а ликуешь и бредишь
Иль совсем по-иному живешь.

Поздней осенью свежий и колкий
Бродит ветер, безлюдию рад.
В белом инее черные елки
На подтаявшем снеге стоят.

И, исполненный жгучего бреда,
Милый голос как песня звучит,
И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит.

*Осень 1915
Царское Село*

* * *

Бессмертник сух и розов. Облака
На свежем небе вылеплены грубо.
Единственного в этом парке дуба
Листва еще бесцветна и тонка.

Лучи зари до полночи горят.
Как хорошо в моем затворе тесном!
О самом нежном, о всегда чудесном
Со мною Божьи птицы говорят.

Я счастлива. Но мне всего милей
Лесная и пологая дорога,
Убогий мост, скривившийся немного,
И то, что ждать осталось мало дней.

*20 мая 1916
Слепнево*

* * *

Подошла. Я волнения не выдал,
Равнодушно глядя в окно.
Села, словно фарфоровый идол,
В позе, выбранной ею давно.

Быть веселой — привычное дело,
Быть внимательной — это трудней...
Или томная лень одолела
После мартовских пряных ночей?

Утомительный гул разговоров,
Желтой люстры безжизненный зной
И мельканье искусных проборов
Над приподнятой легкой рукой.

Улыбнулся опять собеседник
И с надеждой глядит на нее...
Мой счастливый, богатый наследник,
Ты прочти завещанье мое.

19 июля 1914
Слепнево

III

МАЙСКИЙ СНЕГ

Пс. 6, ст. 7

Прозрачная ложится пелена
На свежий дерн и незаметно тает.
Жестокая, студеная весна
Налившиеся почки убивает.
И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на Божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.

18 мая 1916
Слепнево

* * *

Зачем притворяешься ты
То ветром, то камнем, то птицей?
Зачем улыбаешься ты
Мне с неба внезапной зарницей?

Не мучь меня больше, не тронь!
Пусти меня к вещим заботам...
Шатается пьяный огонь
По высохшим серым болотам.

И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.

Июль 1915
Слепнево

* * *

Пустых небес прозрачное стекло,
Большой тюрьмы белесое строенье
И хода крестного торжественное пенье
Над Волховом, синеющим светло.

Сентябрьский вихрь, листья с березы свеяв,
Кричит и мечется среди ветвей,
А город помнит о судьбе своей:
Здесь Марфа правила и правил Аракчеев.

Осень 1914
Царское Село

ИЮЛЬ 1914

I

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«АННА АХМАТОВА». 1914. Портрет работы *О. Делла-Вос-Кардовской*

Николай Степанович ГУМИЛЕВ. 1914

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите голода, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

Только нашей земли не разделит
На потеху себе супостат:
Богородица белый расстелет
Над скорбями великими плат».

II

Можжевельника запах сладкий
От горящих лесов летит.
Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне звенит.

Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля:
Красной влагой тепло окропились
Затоптанные поля.

Низко, низко небо пустое,
И голос молящего тих:
«Ранят тело твое пресвятое,
Мечут жребий о ризах твоих».

20 июля 1914
Слепнево

* * *

Тот голос, с тишиной великой споря,
Победу одержал над тишиной.
Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной,

Белее сводов Смольного собора,
Тайнственней, чем пышный Летний сад,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад.

Январь 1917
Петербург

* * *

Мы не умеем прощаться,—
Все бродим плечо к плечу.
Уже начинает смеркаться,
Ты задумчив, а я молчу.

В церковь войдем, увидим
Отпеванье, крестины, брак,
Не взглянув друг на друга, выйдем...
Отчего всё у нас не так?

Или сядем на снег примятый
На кладбище, легко вздохнем,
И ты палкой чертишь палаты,
Где мы будем всегда вдвоем.

Март 1917
Петербург

УТЕШЕНИЕ

Там Михаил Архистратиг
Его зачислил в рать свою.

Н. Гумилев

Вестей от него не получишь больше,
Не услышишь ты про него.
В объятой пожарами, скорбной Польше
Не найдешь могилы его.

Пусть дух твой станет тих и покоен,
Уже не будет потерь:
Он Божьего воинства новый воин,
О нем не грусти теперь.

И плакать грешно, и грешно томиться
В милом, родном дому.
Подумай, ты можешь теперь молиться
Заступнику своему.

Сентябрь 1914
Царское Село

* * *

Для того ль тебя носила
Я когда-то на руках,
Для того ль сияла сила
В голубых твоих глазах!
Вырос стройный и высокий,
Песни пел, мадеру пил,
К Анатолии далекой
Миноносец свой водил.

На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на Божий свет.

1918
Петербург

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

1915. Духов день
Петербург. Троицкий мост

* * *

«Где, высокая, твой цыганенок,
Тот, что плакал под черным платком,
Где твой маленький первый ребенок,
Что ты знаешь, что помнишь о нем?»

«Доля матери — светлая пытка,
Я достойна ее не была.

В белый рай растворилась калитка,
Магдалина сыночка взяла.

Каждый день мой — веселый, хороший,
Заблудилась я в длинной весне,
Только руки тоскуют по ноше,
Только плач его слышу во сне.

Станет сердце тревожным и томным,
И не помню тогда ничего,
Все брожу я по комнатам темным,
Все ищу колыбельку его».

11 апреля 1914
Петербург

* * *

Столько раз я проклинала
Это небо, эту землю,
Этой мельницы замшелой
Тяжко машущие руки!
А во флигеле покойник,
Прям и сед, лежит на лавке,
Как тому назад три года.
Так же мыши книги точат,
Так же влево пламя клонит
Стеариновая свечка.
И поет, поет постылый
Бубенец нижегородский
Незатейливую песню
О моем веселье горьком.
А раскрашенные ярко
Прямо стали георгины
Вдоль серебряной дорожки,
Где улитки и полынь.
Так случилось: заточенье
Стало родиной второю,
А о первой я не смею
И в молитве вспоминать.

Июль 1915
Слепнево

* * *

Ни в лодке, ни в телеге
Нельзя попасть сюда.
Стоит на гиблом снеге
Глубокая вода;
Усадьбу осаждает
Уже со всех сторон...
Ах! близко изнывает
Такой же Робинзон.
Пойдет взглянуть на сани,
На лыжи, на коня,
А после на диване
Сидит и ждет меня,
И шпорою короткой
Рвет коврик пополам.
Теперь улыбки кроткой
Не видеть зеркалам.

Июль 1916
Севастополь

* * *

Вижу, вижу лунный лук
Сквозь листву густых раки,
Слышу, слышу ровный стук
Неподкованных копыт.

Что? И ты не хочешь спать,
В год не мог меня забыть,
Не привык свою кровать
Ты пустою находить?

Не с тобой ли говорю
В остром крике хищных птиц,
Не в твои ль глаза смотрю
С белых, матовых страниц?

Что же кружишь, словно вор,
У затихшего жилья?
Или помнишь уговор
И живую ждешь меня?

Засыпаю. В душный мрак
Месяц бросил лезвие.
Снова стук. То бьется так
Сердце теплое мое.

Июль 1914
Слепнево

* * *

Бесшумно ходили по дому,
Не ждали уже ничего.
Меня привели к больному,
И я не узнала его.

Он сказал: «Теперь слава Богу,—
И еще задумчивей стал.—
Давно мне пора в дорогу,
Я только тебя поджидал.

Так меня ты в бреду тревожишь,
Все слова твои берегу.
Скажи: ты простить не можешь?»
И я сказала: «Могу».

Казалось, стены сияли
От пола до потолка.
На шелковом одеяле
Сухая лежала рука.

А закинутый профиль хищный
Стал так страшно тяжел и груб,
И было дыханья не слышно
У искусанных темных губ.

Но вдруг последняя сила
В синих глазах ожила:
«Хорошо, что ты отпустила,
Не всегда ты доброй была».

И стало лицо моложе,
Я опять узнала его
И сказала: «Господи Боже,
Прими раба Твоего».

Июль 1914
Слепнево

* * *

Подошла я к сосновому лесу:
Жар велик, да и путь не короткий.
Отодвинул дверную завесу,
Вышел седенький, светлый и кроткий.

Поглядел на меня прозорливец
И промолвил: «Христова невеста!
Не завидуй удаче счастливиц,
Там тебе уготовано место.

Позабудь о родительском доме,
Уподобься небесному крину.
Будешь, хвораая, спать на соломе
И блаженную примешь кончину».

Верно, слышал святитель из кельи,
Как я пела обратной дорогой
О моем несказанном весельи,
И дивясь, и радуясь много.

*Июнь — июль 1914
Дарница — Слепнево*

* * *

Так раненого журавля
Зовут другие: курлы, курлы!
Когда осенние поля
И рыхлы, и теплы...

И я, больная, слышу зов,
Шум крыльев золотых
Из плотных низких облаков
И зарослей густых:

«Пора лететь, пора лететь
Над полем и рекой.
Ведь ты уже не можешь петь
И слезы со щеки стереть
Ослабнувшей рукой».

*Февраль 1915
Царское Село*

* * *

Буду тихо на погосте
Под доской дубовой спать,
Будешь, милый, к маме в гости
В воскресенье прибегать —
Через речку и по горке,
Так что взрослым не догнать,
Издалека, мальчик зоркий,
Будешь крест мой узнавать.
Знаю, милый, можешь мало
Обо мне припоминать:
Не бранила, не ласкала,
Не водила причащать.

Май 1915
Петербург

* * *

Высокомерьем дух твой помрачен,
И оттого ты не познаешь света.
Ты говоришь, что вера наша — сон
И марево — столица эта.

Ты говоришь — моя страна грешна,
А я скажу — твоя страна безбожна.
Пускай на нас еще лежит вина, —
Всё искупить и всё исправить можно.

Вокруг тебя — и воды, и цветы.
Зачем же к нищей грешнице стучишься?
Я знаю, чем так тяжело болен ты:
Ты смерти ищешь и конца боишься.

1 января 1917
Слепнево

* * *

Приду туда, и отлетит томленье.
Мне ранние приятны холода.
Таинственные, темные селенья —
Хранилища молитвы и труда.

Спокойной и уверенной любви
Не превозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новгородской крови
Во мне — как льдинка в пенном вине.

И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И что бы я ни начинала славить —
Ты, тихая, сияешь предо мной.

1 ноября 1916
Севастополь

* * *

Стал мне реже снится, слава Богу,
Больше не мерещится везде.
Лег туман на белую дорогу,
Тени побежали по воде.

И весь день не замолкали звоны
Над простором вспаханной земли,
Здесь всего сильнее от Ионы
Колокольни Лаврские вдали.

Подстригаю на кустах сирени
Ветки те, что нынче отцвели;
По валам старинных укреплений
Два монаха медленно прошли.

Мир родной, понятный и телесный
Для меня, незрячей, оживи.
Исцелил мне душу Царь Небесный
Ледяным покоем нелюбви.

1912
Киев

* * *

Будем вместе, милый, вместе,
Знают все, что мы родные,
А лукавые насмешки,
Как бубенчик отдаленный,
И обидеть нас не могут,
И не могут огорчить.

Где венчались мы — не помним,
Но сверкала эта церковь
Тем неистовым сияньем,
Что лишь ангелы умеют
В белых крыльях приносить.

А теперь пора такая,
Страшный год и страшный город.
Как же можно разлучиться
Мне с тобой, тебе со мной?

1915

ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня...
Закрыв лицо, я умоляла Бога
До первой битвы умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей — опустевшей — приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозových вестей.

18 июля 1916
Слепнево

IV

* * *

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.

И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

Лето 1915
Слепнево

* * *

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это — любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.

1913
Петербург

* * *

Выбрала сама я долю
Другу сердца моего:
Отпустила я на волю
В Благовещенье его.
Да вернулся голубь сизый,
Бьется крыльями в стекло.
Как от блеска дивной ризы
Стало в горнице светло.

4 мая 1915
Петербург

СОН

Я знала, я снюсь тебе,
Оттого не могла заснуть.
Мутный фонарь голубел
И мне указывал путь.

Ты видел царицын сад,
Затейливый белый дворец
И черный узор оград
У каменных гулких крылец.

Ты шел, не зная пути,
И думал: «Скорей, скорей,
О, только б ее найти,
Не проснуться до встречи с ней».

А сторож у красных ворот
Окликнул тебя: «Куда!»
Хрустел и ломался лед,
Под ногами чернела вода.

«Это озеро,— думал ты,—
На озере есть островок...»
И вдруг из темноты
Поглядел голубой огонек.

В жестком свете скудного дня
Проснувшись, ты застонал
И в первый раз меня
По имени громко назвал.

*15 марта 1915
Царское Село*

БЕЛЫЙ ДОМ

Морозное солнце. С парада
Идут и идут войска.
Я полдню январскому рада,
И тревога моя легка.

Здесь помню каждую ветку
И каждый силуэт.
Сквозь инея белую сетку
Малиновый каплет свет.

Здесь дом был почти что белый,
Стеклянное крыльцо.
Столько раз рукой помертвелой
Я держала звонок-кольцо.

Столько раз... Играйте, солдаты,
А я мой дом отыщу,
Узнаю по крыше покатою,
По вечному плющу.

Но кто его отодвинул,
В чужие унес города
Или из памяти вынул
Навсегда дорогу туда...

Волынки вдали замирают,
Снег летит, как вишневый цвет...
И, видно, никто не знает,
Что белого дома нет.

Июль 1914
Слепнево

* * *

Долго шел через поля и села,
Шел и спрашивал людей:
«Где она, где свет веселый
Серых звезд — ее очей?»

Ведь настали, тускло пламенея,
Дни последние весны.
Все мне чаще снится, все нежнее
Мне о ней бывают сны!»

И пришел в наш град угрюмый
В предвечерний тихий час,
О Венеции подумал
И о Лондоне зараз.

Стал у церкви темной и высокой
На гранит блестящих ступеней
И молил о наступленьи срока
Встречи с первой радостью своей.

А над смуглым золотом престола
Разгорался Божий сад лучей:
«Здесь она, здесь свет веселый
Серых звезд — ее очей».

Май 1915
Петербург

* * *

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада.

Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь —
С моими детскими стихами.

Прости, что я жила скорбя
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.

Июль 1915
Слепнево

* * *

Я не знаю, ты жив или умер, —
На земле тебя можно искать
Или только в вечерней думе
По усопшем светло горевать.

Все тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар,
И стихов моих белая стая,
И очей моих синий пожар.

Мне никто сокровенней не был,
Так меня никто не томил,
Даже тот, кто на муку предал,
Даже тот, кто ласкал и забыл.

Июль 1915
Слепнево

* * *

Нет, царевич, я не та,
Кем меня ты видеть хочешь,
И давно мои уста
Не целуют, а пророчат.

Не подумай, что в бреду
И замучена тоскою
Громко кличу я беду:
Ремесло мое такое.

А умею научить,
Чтоб нежданное случилось,
Как навеки приручить
Ту, что мельком полюбилась.

Славы хочешь? — у меня
Попроси тогда совета,
Только это — западня,
Где ни радости, ни света.

Ну, теперь иди домой
Да забудь про нашу встречу,
А за грех твой, милый мой,
Я пред Господом отвечу.

10 июля 1915
Слепнево

* * *

Из памяти твоей я выну этот день,
Чтоб спрашивал твой взор
беспомощно-туманный:
Где видел я персидскую сирень,
И ласточек, и домик деревянный?

О, как ты часто будешь вспоминать
Внезапную тоску неназванных желаний
И в городах задумчивых искать
Ту улицу, которой нет на плане!

При виде каждого случайного письма,
При звуке голоса за приоткрытой дверью
Ты будешь думать: «Вот она сама
Пришла на помощь моему неверью».

4 апреля 1915
Петербург

* * *

Не хулил меня, не славил,
Как друзья и как враги.
Только душу мне оставил
И сказал: побереги.

И одно меня тревожит:
Если он теперь умрет,
Ведь ко мне Архангел Божий
За душой его придет.

Как тогда ее я спрячу,
Как от Бога утаю?
Та, что так поет и плачет,
Быть должна в Его раю.

12 июля 1915
Слепнево

* * *

Там тень моя осталась и тоскует,
В той светло-синей комнате живет,
Гостей из города за полночь ждет
И образок эмалевый целует.
И в доме не совсем благополучно:
Огонь зажгут, а все-таки темно...
Не оттого ль хозяйке новой скучно,
Не оттого ль хозяин пьет вино
И слышит, как за тонкою стеною
Пришедший гость беседует со мною?

3 января 1917
Слепнево

* * *

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лени или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор всё как будто больна.

*Январь 1917
Петербург*

* * *

Небо мелкий дождик сеет
На зацветшую сирень.
За окном крылами веет
Белый, белый Духов день.

Нынче другу возвратиться
Из-за моря — крайний срок.
Все мне дальний берег снится,
Камни, башни и песок.

На одну из этих башен
Я взойду, встречая свет...
Да в стране болот и пашен
И в помине башен нет.

Только сяду на пороге,
Там еще густая тень.
Помоги моей тревоге,
Белый, белый Духов день!

*Весна 1916
Слепнево*

* * *

Я знаю, ты моя награда
За годы боли и труда,
За то, что я земным отрадам
Не предавалась никогда,

За то, что я не говорила
Возлюбленному: «Ты любим»,
За то, что всем я все простила,
Ты будешь Ангелом моим.

28 апреля 1916
Царское Село

* * *

А. Л.

Да, я любила их, те сборища ночные,—
На маленьком столе стаканы ледяные,
Над черным кофеом пахучий, тонкий пар,
Камина красного тяжелый, зимний жар,
Веселость едкую литературной шутки
И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.

5 января 1917
Слепнево

* * *

Не тайны и не печали,
Не мудрой воли судьбы —
Эти встречи всегда оставляли
Впечатление борьбы.

Я, с утра угадав минуту,
Когда ты ко мне войдешь,
Ощущала в руках согнутых
Слабо колющую дрожь.

И сухими пальцами мяла
Пеструю скатерть стола...
Я тогда уже понимала,
Как эта земля мала.

1915

МИЛОМУ

Голубя ко мне не присылай,
Писем беспокойных не пиши,
Ветром мартовским в лицо не вей.
Я вошла вчера в зеленый рай,
Где покой для тела и души
Под шатром тенистых тополей.

И отсюда вижу городок,
Будки и казармы у дворца,
Надо льдом китайский желтый мост.
Третий час меня ты ждешь — продрог,
А уйти не можешь от крыльца
И дивишься, сколько новых звезд.

Серой белкой прыгну на ольху,
Ласочкой пугливой пробегу,
Лебедью тебя я стану звать,
Чтоб не страшно было жениху
В голубом кружащемся снегу
Мертвую невесту поджидать.

27 февраля 1915
Царское Село

* * *

Юнии Анреп

Судьба ли так моя переменилась,
Иль вправду кончена игра?
Где зимы те, когда я спать ложилась
В шестом часу утра?

По-новому, спокойно и сурово,
Живу на диком берегу.
Ни праздного, ни ласкового слова
Уже промолвить не могу.

Не верится, что скоро будут святки.
Степь трогательно зелена.

Сияет солнце. Лижет берег гладкий
Как будто теплая волна.

Когда от счастья томной и усталой
Бывала я, то о такой тиши
С невыразимым трепетом мечтала
И вот таким себе я представляла
Посмертное блуждание души.

15 декабря 1916
Бельбек

* * *

Б. А.

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно — веселье и оно — страданье.

Мне кажется, что тот, кто близко взглянет
В мои глаза, его увидит сразу.
Печальней и задумчивее станет
Внимающего скорбному рассказу.

Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознанья,
Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминанье.

5 июля 1916
Слепнево

* * *

Первый луч — благословенье Бога —
По лицу любимому скользнул,
И дремавший побледнел немного,
Но еще покойнее уснул.

Верно, поцелуем показалась
Теплота небесного луча...
Так давно губами я касалась
Милых губ и смуглого плеча...

А теперь, усопших бестелесней,
В неутешном странствии моем,
Я к нему влетаю только песней
И ласкаюсь утренним лучом.

19 мая 1916
Слепнево

* * *

Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой,
Смотрю взволнованно на темные палаты?
Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,
Уже судимая не по земным законам,
Я, как преступница, еще влекусь туда,
На место казни долгой и стыда.
И вижу дивный град, и слышу голос милый,
Как будто нет еще таинственной могилы,
Где день и ночь, склонясь, в жары и холода,
Должна я ожидать Последнего Суда.

12 января 1917
Слепнево

* * *

Родилась я ни поздно, ни рано,
Это время блаженно одно,
Только сердцу прожить без обмана
Было Господом не дано.

Оттого и темно в светлице,
Оттого и друзья мои,
Как вечерние грустные птицы,
О небывшей поют любви.

1913

* * *

Лучше б мне частушки задорно выкликать,
А тебе на хриплой гармонике играть!

И уйдя, обнявшись, на ночь за овсы,
Потерять бы ленту из тугой косы.

Лучше б мне ребеночка твоего качать,
А тебе полтинник в сутки выручать,

И ходить на кладбище в поминальный день
Да смотреть на белую Божию сирень.

Июль 1914
Дарница

* * *

Мне не надо счастья малого,
Мужа к милой провожу
И довольного, усталого
Спать ребенка уложу.

Снова мне в прохладной горнице
Богородицу молить...
Трудно, трудно жить затворницей,
Да трудней веселой быть.

Только б сон приснился пламенный,
Как войду в нагорный храм,
Пятиглавый, белый, каменный
По запомненным тропам.

Май 1914
Петербург

* * *

Еще весна таинственная млела,
Блуждал прозрачный ветер по горам,
И озеро глубокое синело,—
Крестителя нерукотворный храм.

Ты был испуган нашей первой встречей,
А я уже молилась о второй,
И вот сегодня снова жаркий вечер,—
Как низко солнце стало над горой...

Ты не со мной, но это не разлука:
Мне каждый миг — торжественная весть.
Я знаю, что в тебе такая мука,
Что ты не можешь слова произнести.

14 апреля 1917
Петербург

* * *

И в Киевском храме Премудрости Бога,
Припав к солее, я тебе поклялась,
Что будет моею твоя дорога,
Где бы она ни вилась.

То слышали ангелы золотые
И в белом гробу Ярослав.
Как голуби, вьются слова простые
И ныне у солнечных глав.

И если слабею, мне снится икона
И девять ступенек на ней.
И в голосе грозном софийского звона
Мне слышится голос тревоги твоей.

1915

* * *

Город сгинул, последнего дома
Как живое взглянуло окно...
Это место совсем незнакомо,
Пахнет гарью, и в поле темно.

Но когда грозовую завесу
Нерешительный месяц рассек,
Мы увидели: на гору, к лесу
Пробирался хромой человек.

Было страшно, что он обгоняет
Тройку сытых, веселых коней,
Постоит и опять ковыляет
Под тяжелою ношей своей.

Мы заметить почти не успели,
Как он возле кибитки возник.
Словно звезды глаза голубели,
Освещаая измученный лик.

Я к нему протянула ребенка,
Поднял руку со следом оков
И промолвил мне благостно-звонко:
«Будет сын твой и жив и здоров!»

1916
Слепнево

* * *

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал — истратил слишком много.
Неистошима только синева
Небесная, и милосердье Бога.

Зима 1916
Севастополь

У САМОГО МОРЯ

I

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,
А я сушила соленую косу
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зеленая рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и веселой
И вовсе не знала, что это — счастье.
В песок зарывала желтое платье,
Чтоб ветер не сдул, не унес бродяга,
И уплывала далеко в море,
На темных, теплых волнах лежала.
Когда возвращалась, маяк с востока
Уже сиял переменным светом,
И мне монах у ворот Херсонеса
Говорил: «Что ты бродишь ночью?»

Знали соседи — я чую воду,
И, если рыли новый колодец,
Звали меня, чтоб нашла я место
И люди напрасно не трудились.
Я собирала французские пули,
Как собирают грибы и чернику,
И приносила домой в подоле
Осколки ржавые бомб тяжелых.
И говорила сестре сердито:
«Когда я стану царицей,
Выстрою шесть броненосцев
И шесть канонерских лодок,
Чтобы бухты мои охраняли
До самого Фиолента».

А вечером перед кроватью
Молилась темной иконке,
Чтоб град не побил черешен,
Чтоб крупная рыба ловилась
И чтобы хитрый бродяга
Не заметил желтого платя.

Я с рыбаками дружбу водила.
Под опрокинутой лодкой часто
Во время ливня с ними сидела,
Про море слушала, запоминала,
Каждому слову тайно веря.
И очень ко мне рыбаки привыкли.
Если меня на пристани нету,
Старший за мною слал девчонку,
И та кричала: «Наши вернулись!
Нынче мы камбалу жарить будем».

Сероглаз был высокий мальчик,
На полгода меня моложе.
Он принес мне белые розы,
Мускатные белые розы,
И спросил меня кротко: «Можно
С тобой посидеть на камнях?»
Я смеялась: «На что мне розы?
Только колются больно!» — «Что же, —
Он ответил, — тогда мне делать,
Если так я в тебя влюбился».
И мне стало обидно: «Глупый! —
Я спросила: — Что ты — царевич?»
Это был сероглазый мальчик,
На полгода меня моложе.
«Я хочу на тебе жениться, —
Он сказал, — скоро стану взрослым
И поеду с тобой на север...»
Заплакал высокий мальчик,
Оттого что я не хотела
Ни роз, ни ехать на север.

Плохо я его утешала:
«Подумай, я буду царицей,
На что мне такого мужа?»
«Ну, тогда я стану монахом, —
Он сказал, — у вас в Херсонесе».

«Нет, не надо лучше: монахи
Только делают, что умирают.
Как придешь — одного хоронят,
А другие, знаешь, не плачут».
Ушел не простившись мальчик,
Унес мускатные розы,
И я его отпустила,
Не сказала: «Побудь со мною».
А тайная боль разлуки
Застонала белою чайкой
Над серой полынной степью,
Над пустынной, мертвой Корсунью.

II

Бухты изрезали низкий берег,
Дымное солнце упало в море.
Вышла цыганка из пещеры,
Пальцем меня к себе поманила:
«Что ты, красавица, ходишь боса?
Скоро веселой, богатой станешь.
Знатного гостя жди до Пасхи,
Знатному гостю кланяться будешь;
Ни красотой твоей, ни любовью —
Песней одною гостя приманишь».
Я отдала цыганке цепочку
И золотой крестильный крестик.
Думала радостно: «Вот он, милый,
Первую весть о себе мне подал».

Но от тревоги я разлюбила
Все мои бухты и пещеры;
Я в камыше гадюк не пугала,
Крабов на ужин не приносила,
А уходила по южной балке
За виноградники в каменоломню, —
Туда не короткой была дорога.
И часто случалось, что хозяйка
Хутора нового мне кивала,
Кликала издали: «Что не заходишь?
Все говорят — ты приносишь счастье».
Я отвечала: «Приносят счастье
Только подковы да новый месяц,
Если он справа в глаза посмотрит».
В комнаты я входить не любила.

Дули с востока сухие ветры,
Падали с неба крупные звезды,
В нижней церкви служили молебны
О моряках, уходящих в море,
И заплывали в бухту медузы,
Словно звезды, упавшие за ночь,
Глубоко под водой голубели.
Как журавли курлыкают в небе,
Как беспокойно трещат цикады,
Как о печали поет солдатка,
Все я запомнила чутким слухом,
Да только песни такой не знала,
Чтобы царевич со мной остался.
Девушка стала мне часто сниться
В узких браслетах, в коротком платье,
С дудочкой белой в руках прохладных.
Сядет, спокойная, долго смотрит,
И о печали моей не спросит,
И о печали своей не скажет,
Только плечо мое нежно гладит.
Как же царевич меня узнает,
Разве он помнит мои приметы?
Кто ему дом наш старый укажет?
Дом наш совсем вдали от дороги.

Осень сменилась зимой дождливой,
В комнате белой от окон дуло,
И плющ мотался по стенке сада.
Приходили на двор чужие собаки,
Под окошком моим до рассвета выли.
Трудное время для сердца было.
Так я шептала, на двери глядя:
«Боже, мы мудро царствовать будем,
Строить над морем большие церкви
И маяки высокие строить.
Будем беречь мы воду и землю,
Мы никого обижать не станем».

III

Вдруг подобрело темное море,
Ласточки в гнезда свои вернулись,
И сделалась красной земля от маков,
И весело стало опять на взморье.
За ночь одну наступило лето,—
Так мы весны и не видали.

И я совсем перестала бояться,
Что новая доля минет.
А вечером в Вербную субботу,
Из церкви придя, я сестре сказала:
«На тебе свечку мою и четки,
Библию нашу дома оставлю.
Через неделю настанет Пасха,
И мне давно пора собираться,—
Верно, царевич уже в дороге,
Морем за мной он сюда приедет».
Молча сестра на слова дивилась,
Только вздохнула,— помнила, верно,
Речи цыганкины у пещеры.
«Он привезет тебе ожерелье
И с голубыми камнями кольца?»
«Нет,— я сказала,— мы не знаем,
Какой он подарок мне готовит».

Были мы с сестрой однолетки
И так друг на друга похожи,
Что маленьких нас различала
Только по родинкам наша мама.
С детства сестра ходить не умела,
Как восковая кукла лежала;
Ни на кого она не сердилась
И вышивала плащаницу,
Бредила даже во сне работой;
Слышала я, как она шептала:
«Плащ Богородицы будет синим...
Боже, апостолу Иоанну
Жемчужин для слез достать мне негде...»

Дворик зарос лебедой и мятой,
Ослик щипал траву у калитки,
И на соломенном длинном кресле
Лена лежала, раскинув руки,
Все о работе своей скучала,—
В праздник такой грешно трудиться.
И приносил к нам соленый ветер
Из Херсонеса звон пасхальный.
Каждый удар отдавался в сердце,
С кровью по жилам растекался.
«Леночка,— я сестре сказала,—
Я уйду сейчас на берег.
Если царевич за мной приедет,
Ты объясни ему дорогу.

Пусть он меня в степи нагонит:
Хочется на море мне сегодня». —
«Где же ты песенку услышала,
Ту, что царевича приманит? —
Глаза приоткрыв, сестра спросила. —
В городе ты совсем не бываешь,
А здесь поют не такие песни». —
К самому уху ее склонившись,
Я прошептала: «Знаешь, Лена,
Ведь я сама придумала песню,
Лучше которой нет на свете». —
И не поверила мне и долго,
Долго с упреком она молчала.

IV

Солнце лежало на дне колодца,
Грелись на камнях сколопендры,
И убегало перекасти-поле,
Словно паяц горбатый кривляясь,
А высоко взлетевшее небо,
Как Богородицын плащ, синело, —
Прежде оно таким не бывало.
Легкие яхты с полдня гонялись,
Белых бездельниц столпилось много
У Константиновской батареи, —
Видно, им ветер нынче удобный.
Тихо пошла я вдоль бухты к мысу,
К черным, разломанным, острым скалам,
Пеной покрытым в часы прибоя,
И повторяла новую песню.
Знала я: с кем бы царевич ни был,
Слышит он голос мой, смутившись, —
И оттого мне каждое слово,
Как Божий подарок, было мило.
Первая яхта не шла — летела,
И догоняла ее вторая,
А остальные едва виднелись.

Как я легла у воды — не помню,
Как задремала тогда — не знаю,
Только очнулась и вижу: парус
Близко полощется. Передо мною,
По пояс стоя в воде прозрачной,
Шарит руками старик огромный
В щелях глубоких скал прибрежных,

Голосом хриплым зовет на помощь.
Громко я стала читать молитву,
Как меня маленькую учили,
Чтобы мне страшное не приснилось,
Чтоб в нашем доме бед не бывало.
Только я молвила: «Ты Хранитель!» —
Вижу — в руках старика белеет
Что-то, и сердце мое застыло...
Вынес моряк того, кто правил
Самой веселой, крылатой яхтой,
И положил на черные камни.

Долго я верить себе не смела,
Пальцы кусала, чтобы очнуться:
Смуглый и ласковый мой царевич
Тихо лежал и глядел на небо.
Эти глаза, зеленее моря
И кипарисов наших темнее, —
Видела я, как они погасли...
Лучше бы мне родиться слепойю.
Он застонал и невнятно крикнул:
«Ласточка, ласточка, как мне больно!»
Верно, я птицей ему показалась.

В сумерки я домой вернулась.
В комнате темной было тихо,
И над лампадкой стоял высокий,
Узкий малиновый огонечек.
«Не приходил за тобой царевич, —
Лена сказала, шаги услышав, —
Я прождала его до вечерни
И посылала детей на пристань».
«Он никогда не придет за мною,
Он никогда не вернется, Лена.
Умер сегодня мой царевич».
Долго и часто сестра крестилась;
Вся повернувшись к стене, молчала.
Я догадалась, что Лена плачет.

Слышала я — над царевичем пели:
«Христос воскрес из мертвых», —
И несказанным светом сияла
Круглая церковь.

*Июль — октябрь 1914
Слепнево — Царское Село*

ПОДОРОЖНИК

Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало милые тебе.

Пушкин

* * *

Сразу стало тихо в доме,
Облетел последний мак,
Замерла я в долгой дреме
И встречаю ранний мрак.

Плотно заперты ворота,
Вечер черен, ветер тих.
Где веселье, где забота,
Где ты, ласковый жених?

Не нашелся тайный перстень,
Прождала я много дней,
Нежной пленницею песня
Умерла в груди моей.

Июль 1917
Слепнево

* * *

Ты — отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну.

Для чего ты, лихой ярославец,
Коль еще не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц
И на пышные эти дома?

Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.

Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь,
И в смертельном бою невредим.

Да, не страшны ни море, ни битвы
Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы
Попросил ты тебя поминать.

Июль 1917
Слепнево

* * *

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну,
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездой,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.

Июль 1917
Слепнево

* * *

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.
Для чего же так тянуться
Мне к чужому человеку,

Для чего же каждый вечер
Мне молиться за тебя?
Для чего же, бросив друга
И кудрявого ребенка,
Бросив город мой любимый
И родную сторону,
Черной нищенкой скитаюсь
По столице иноземной?
О, как весело мне думать,
Что тебя увижу я!

Лето 1917
Слепнево

* * *

И в тайную дружбу с высоким,
Как юный орел темноглазым,
Я, словно в цветник предосенний,
Походкою легкой вошла.
Там были последние розы,
И месяц прозрачный качался
На серых, густых облаках...

Июнь 1917 (вагон)
Петербург

* * *

Словно ангел, возмутивший воду,
Ты взглянул тогда в мое лицо,
Возвратил и силу и свободу,
А на память чуда взял кольцо.
Мой румянец жаркий и недужный
Стерла богомольная печаль.
Памятным мне будет месяц вьюжный,
Северный встревоженный февраль.

Февраль 1916
Царское Село

* * *

Когда о горькой гибели моей
Весть поздняя его коснется слуха,
Не станет он ни строже, ни грустней,
Но, побледневши, улыбнется сухо.
И сразу вспомнит зимний небосклон
И вдоль Невы несущуюся вьюгу,
И сразу вспомнит, как поклялся он
Бережь свою восточную подругу.

1917

* * *

А ты теперь тяжелый и унылый,
Отрекшийся от славы и мечты,
Но для меня непоправимо милый,
И чем темней, тем трогательней ты.

Ты пьешь вино, твои нечисты ночи,
Что наяву, не знаешь, что во сне,
Но зелены мучительные очи,—
Покоя, видно, не нашел в вине.

И сердце только скорой смерти просит,
Кляня медлительность судьбы.
Всё чаще ветер западный приносит
Твои упреки и твои мольбы.

Но разве я к тебе вернуться смею?
Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею,
А ты меня и вспоминать не смей.

Так дни идут, печали умножая.
Как за тебя мне Господа молить?
Ты угадал: моя любовь такая,
Что даже ты не мог ее убить.

22 июля 1917
Слепнево

* * *

Пленник чужой! Мне чужого не надо,
Я и своих-то устала считать.
Так отчего же такая отрада
Эти вишневые видеть уста?

Пусть он меня и хулит и бесславит,
Слышу в словах его сдавленный стон.
Нет, он меня никогда не заставит
Думать, что страстно в другую влюблен.

И никогда не поверю, что можно
После небесной и тайной любви
Снова смеяться и плакать тревожно,
И проклинать поцелуи мои.

1917

* * *

Я спросила у кукушки,
Сколько лет я проживу...
Сосен дрогнули верхушки,
Желтый луч упал в траву.
Но ни звука в чаще свежей...
Я иду домой,
И прохладный ветер нежит
Лоб горячий мой.

1 июня 1919
Царское Село

* * *

По неделе ни слова ни с кем не скажу,
Все на камне у моря сижу,
И мне любо, что брызги зеленой волны,
Словно слезы мои, солонны.
Были весны и зимы, да что-то одна
Мне запомнилась только весна.
Стали ночи теплее, подтаивал снег,
Вышла я поглядеть на луну,

И спросил меня тихо чужой человек,
Между сосенок встретив одну:
«Ты не та ли, кого я повсюду ищу,
О которой с младенческих лет,
Как о милой сестре, веселюсь и грущу?»
Я чужому ответила: «Нет!»
А как свет поднебесный его озарил,
Я дала ему руки мои,
И он перстень таинственный мне подарил,
Чтоб меня убересть от любви.
И назвал мне четыре приметы страны,
Где мы встретиться снова должны:
Море, круглая бухта, высокий маяк,
А всего непременно — полынь...
А как жизнь началась, пусть и кончится так.
Я сказала, что знаю: аминь!

1916

Севастополь

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

I

Ты всегда таинственный и новый,
Я тебе послушней с каждым днем.
Но любовь твоя, о друг суровый,
Испытание железом и огнем.

Запрещаешь петь и улыбаться,
А молиться запретил давно.
Только б мне с тобою не расстаться,
Остальное все равно!

Так, земле и небесам чужая,
Я живу и больше не пою,
Словно ты у ада и у рая
Отнял душу вольную мою.

Декабрь 1917

И

Проплывают льдины, звеня,
Небеса безнадежно бледны.
Ах, за что ты караешь меня,
Я не знаю моей вины.

Если надо — меня убей,
Но не будь со мною суров.
От меня не хочешь детей
И не любишь моих стихов.

Всё по-твоему будет: пусть!
Обету верна своему,
Отдала тебе жизнь, но грусть
Я в могилу с собой возьму.

Апрель 1918

* * *

В каждых сутках есть такой
Смутный и тревожный час.
Громко говорю с тоской,
Не раскрывши сонных глаз,
И она стучит, как кровь,
Как дыхание тепла,
Как счастливая любовь,
Рассудительна и зла.

*1916
Царское Село*

* * *

Земная слава как дым,
Не этого я просила.
Любовникам всем моим
Я счастье приносила.
Один и сейчас живой,
В свою подругу влюбленный,
И бронзовым стал другой
На площади оснеженной.

Зима 1914

* * *

О нет, я не тебя любила,
Палима сладостным огнем,
Так объясни, какая сила
В печальном имени твоём.

Передо мною на колени
Ты стал, как будто ждал венца,
И смертные коснулись тени
Спокойно юного лица.

И ты ушел. Не за победой,
За смертью. Ночи глубоки!
О, ангел мой, не знай, не ведай
Моей теперешней тоски.

Но если белым солнцем рая
В лесу осветится тропа,
Но если птица полевая
Взлетит с колючего снопа,

Я знаю: это ты, убитый,
Мне хочешь рассказать о том,
И снова вижу холм изрытый
Над окровавленным Днестром.

Забуду дни любви и славы,
Забуду молодость мою,
Душа темна, пути лукавы,
Но образ твой, твой подвиг правый
До часа смерти сохраню.

19 июля 1917
Слепнево

* * *

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.

И стройных жниц короткие подолы,
Как флаги в праздник, по ветру летят.
Теперь бы звон бубенчиков веселых,
Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд.

Не ласки жду я, не любовной лести
В предчувствии неотвратимой тьмы,
Но приходи взглянуть на рай, где вместе
Блаженны и невинны были мы.

27 июля 1917
Слепнево

* * *

Как страшно изменилось тело,
Как рот измученный поблек!
Я смерти не такой хотела,
Не этот назначала срок.
Казалось мне, что туча с тучей
Сшибется где-то в вышине
И молнии огонь летучий
И голос радости могучей,
Как Ангелы, слетят ко мне.

1913

* * *

Я окошка не завесила,
Прямо в горницу гляди.
Оттого мне нынче весело,
Что не можешь ты уйти.
Называй же беззаконницей,
Надо мной глумись со зла:
Я была твоей бессонницей,
Я тоской твоей была.

5 марта 1916

* * *

Эта встреча никем не воспета,
И без песен печаль улеглась.

Наступило прохладное лето,
Словно новая жизнь началась.

Сводом каменным кажется небо,
Уязвленное желтым огнем,
И нужнее насущного хлеба
Мне единое слово о нем.

Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи,—
Не для страсти, не для забавы,
Для великой земной любви.

17 мая 1916
Слепнево

* * *

И вот одна осталась я
Считать пустые дни.
О вольные мои друзья,
О лебеди мои!

И песней я не скличу вас,
Слезами не верну.
Но вечером в печальный час
В молитве помяну.

Настигнут смертною стрелой,
Один из вас упал,
И черным вороном другой,
Меня целуя, стал.

Но так бывает: раз в году,
Когда растает лед,
В Екатерининном саду
Стою у чистых вод

И слышу плеск широких крыл
Над гладью голубой.
Не знаю, кто окно раскрыл
В темнице гробовой.

1917. Конец года

* * *

От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу,
Стала желтой и припадочной,
Еле ноги волочу.

Новых песен не насвистывай,—
Песней долго ль обмануть,
Но когти, когти неистовой
Мне чахоточную грудь,

Чтобы кровь из горла хлынула
Поскорее на постель,
Чтобы смерть из сердца вынула
Навсегда проклятый хмель.

Июль 1918

* * *

Чем хуже этот век предшествующих? Разве
Тем, что в чаду печали и тревог
Он к самой черной прикоснулся язве,
Но исцелить ее не мог.

Еще на западе земное солнце светит,
И кровли городов в его лучах блестят,
А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят.

Зима 1919

* * *

Теперь никто не станет слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.

Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.

1917. Конец года

* * *

По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом
Такие притихшие оба
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.

Март 1917

* * *

Теперь прощай, столица,
Прощай, весна моя,
Уже по мне томится
Корельская земля.

Поля и огороды
Спокойно зелены,
Еще глубоки воды
И небеса бледны.

Болотная русалка,
Хозяйка этих мест,
Глядит, вздыхая жалко,
На колокольный крест.

А иволга, подруга
Моих безгрешных дней,
Вчера вернувшись с юга,
Кричит среди ветвей,

Что стыдно оставаться
До мая в городах,
В театре задыхаться,
Скучать на островах.

Но иволга не знает,
Русалке не понять,
Как сладко мне бывает
Его поцеловать!

И все-таки сегодня
На тихом склоне дня
Уйду. Страна Господня,
Прими к себе меня!

1917

* * *

Ждала его напрасно много лет.
Похоже это время на дремоту.
Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную субботу.
Мой голос оборвался и затих —
С улыбкой предо мной стоял жених.

А за окном со свечками народ
Неспешно шел. О, вечер богомольный!
Слегка хрустел апрельский тонкий лед
И над толпою голос колокольный,
Как утешенье вещее, звучал,
И черный ветер огоньки качал.

И белые нарциссы на столе,
И красное вино в бокале плоском
Я видела как бы в рассветной мгле.
Моя рука, закапанная воском,
Дрожала, принимая поцелуй,
И пела кровь: блаженная, ликуй!

1916

НОЧЬЮ

Стоит на небе месяц, чуть живой,
Средь облаков струящихся и мелких,
И у дворца угрюмый часовой
Глядит, сердясь, на башенные стрелки.

Идет домой неверная жена,
Ее лицо задумчиво и строго,
А верную в тугих объятьях сна
Сжигает негасимая тревога.

Что мне до них? Семь дней тому назад,
Вздохнувши, я прости сказала миру.
Но душно там, и я пробралась в сад
Взглянуть на звезды и потрогать лиру.

Осень 1918
Москва

* * *

Течет река неспешно по долине,
Многооконный на пригорке дом.
А мы живем, как при Екатерине:
Молебны служим, урожая ждем.
Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиную руку
И губы мне на лестнице крутой.

Лето 1917
Слепнево

* * *

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.

1913

ПЕСЕНКА

Бывало, я с утра молчу
О том, что сон мне пел.
Румяной розе и лучу
И мне — один удел.
С покатых гор ползут снега,
А я белей, чем снег,
Но сладко снятся берега
Разливных мутных рек.
Еловой рощи свежий шум
Покойнее рассветных дум.

Март 1916

* * *

И целый день, своих пугаясь стонов,
В тоске смертельной мечется толпа,
А за рекой на траурных знаменах
Зловещие смеются черепа.
Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам,
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по домам.

Лето 1917

* * *

Ты мог бы мне сниться и реже,
Ведь часто встречаемся мы,
Но грустен, взволнован и нежен
Ты только в святилище тьмы,
И слаще хвалы серафима
Мне губ твоих милая лесть...
О, там ты не путаешь имя
Мое. Не вздыхаешь, как здесь.

1914

* * *

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяневшая блудница,
Не знала, кто берет ее,—

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

*Осень 1917
Петербург*

* * *

Дьявол не выдал. Мне всё удалось.
Вот и могущества явные знаки.
Вынь из груди мое сердце и брось
Самой голодной собаке.

Больше уже ни на что не гожусь,
Ни одного я не вымолвлю слова.
Нет настоящего — прошлым горжусь
И задохнулась от срама такого.

Сентябрь 1922

ANNO DOMINI

I. ПОСЛЕ ВСЕГО

В те баснословные года...

Тютчев

ПЕТРОГРАД, 1919

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

БЕЖЕЦК

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед,
Там милого сына цветут васильковые очи.
Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.

Там вьюги сухие взлетают с заречных полей,
И люди, как ангелы, Божьему Празднику рады,
Прибрали светлицу, зажгли у киота лампы,
И Книга Благая лежит на дубовом столе.
Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь;
И город был полон веселым рождественским звоном.

26 декабря 1921

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Видел я тот венец златокованный...
Не завидуй такому венцу!
Оттого, что и сам он ворованный
И тебе он совсем не к лицу.
Туго согнутой веткой терновою
Мой венец на тебе заблестит.
Ничего, что рососою багровою
Он изнеженный лоб освежит.

1922

ДРУГОЙ ГОЛОС

I

Я с тобой, мой ангел, не лукавил,
Как же вышло, что тебя оставил
За себя заложницей в неволе
Всей земной непоправимой боли?
Под мостами полыньи дымятся,
Над кострами искры золотятся,
Грузный ветер окаянно воет,
И шальная пуля за Невою
Ищет сердце бедное твое.
И одна в дому оледенелом,
Белая лежишь в сиянье белом,
Славя имя горькое мое.

*7 декабря 1921
Петербург*

II

В тот давний год, когда зажглась любовь,
Как крест престольный в сердце обреченном,
Ты кроткою голубкой не прильнула
К моей груди, но коршуном когтила.
Изменой первою, вином проклятья
Ты напоила друга своего.
Но час настал в зеленые глаза
Тебе глядеться, у жестоких губ
Молить напрасно сладостного дара
И клятв таких, каких ты не слышала,
Каких еще никто не произнес.
Так отравивший воду родника
Для вслед за ним идущего в пустыне
Сам заблудился и, возжаждав сильно,
Источника во мраке не узнал.
Он гибель пьет, прильнув к воде прохладной,
Но гибелью ли жажду утолить?

7—8 декабря 1921

* * *

Сказал, что у меня соперниц нет.
Я для него не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умру, не станет он грустить,
Не крикнет, обезумевши: «Воскресни!»
Но вдруг поймет, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.
...А что теперь?

1921

* * *

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.
И будь слугой смиреннейшим того,

Кто был твоим крошечным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у Бога ничего.

Декабрь 1921

* * *

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Июль 1922
Петербург

ТРЕТИЙ ЗАЧАТЬЕВСКИЙ

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.

Тянет свежесть с Москва-реки.
В окнах теплятся огоньки.

Как по левой руке — пустырь,
А по правой руке — монастырь,

А напротив высокий клен
Красным заревом обагрен.

А напротив — высокий клен,
Ночью слушает долгий стон.

Покосился гнилой фонарь —
С колокольни идет звонарь...

Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок,

Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток.

1922

* * *

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной Господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж — палач, а дом его — тюрьма.

Но видишь ли! Ведь я пришла сама...
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.

Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.

Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.

*Август 1921
Царское Село*

* * *

Что ты бродишь, неприкаянный,
Что глядишь ты не дыша?
Верно, понял: крепко спаяна
На двоих одна душа.

Будешь, будешь мной утешенным,
Как не снилось никому,
А обидишь словом бешеным —
Станет больно самому.

Декабрь 1921

* * *

Веет ветер лебединый,
Небо синее в крови.
Наступают годовщины
Первых дней твоей любви.

Ты мои разрушил чары,
Годы плыли, как вода.
Отчего же ты не старый,
А такой, как был тогда?

Даже звонче голос нежный,
Только времени крыло
Осенило славой снежной
Безмятежное чело.

1922

* * *

Ангел, три года хранивший меня,
Вознесся в лучах и огне,
Но жду терпеливо сладчайшего дня,
Когда он вернется ко мне.

Как щеки запали, бескровны уста,
Лица не узнать моего;
Ведь я не прекрасная больше, не та,
Что песней смутила его.

Давно на земле ничего не боюсь,
Прощальные помню слова.
Я в ноги ему, как войдет, поклонюсь,
А прежде кивала едва.

1922

* * *

Шепчет: «Я не пожалею
Даже то, что так люблю —
Или будь совсем моею,
Или я тебя убью».
Надо мной жужжит, как овод,
Непрестанно столько дней
Этот самый скучный довод
Черной ревности твоей.
Горе душит, не задушит,
Вольный ветер слезы сушит,
А веселье, чуть погладит,
Сразу с бедным сердцем сладит.

Февраль 1922

* * *

Слух чудовищный бродит по городу,
Забирается в дома, как тать.
Уж не сказку ль про Синюю Бороду
Перед тем, как засну, почитать?

Как седьмая всходила на лестницу,
Как сестру молодую звала,
Милых братьев иль страшную вестницу,
Затаивши дыханье, ждала...

Пыль взметается тучею снежною,
Скачут братья на замковый двор,
И над шеей безвинной и нежною
Не подымется скользкий топор.

Этой сказкою нынче утешена,
Я, наверно, спокойно усну.
Что же сердце колотится бешено,
Что же вовсе не клонит ко сну?

Зима 1922

* * *

Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
Повстречаться со всеми опять,
В полном ветра и солнца приморском саду
По широким аллеям гулять.

Даже мертвые нынче согласны прийти,
И изгнанники в доме моем.
Ты ребенка за ручку ко мне приведи,
Так давно я скучаю о нем.

Буду с милыми есть голубой виноград,
Буду пить ледяное вино
И глядеть, как струится седой водопад
На кремнистое влажное дно.

Весна 1922

* * *

За озером луна остановилась
И кажется отворенным окном
В притихший, ярко освещенный дом,
Где что-то нехорошее случилось.

Хозяина ли мертвым привезли,
Хозяйка ли с любовником сбежала,
Иль маленькая девочка пропала
И башмачок у заводи нашли...

С земли не видно. Страшную беду
Почувствовав, мы сразу замолчали.
Заупокойно филины кричали,
И душный ветер буйствовал в саду.

1922

* * *

Как мог ты, сильный и свободный,
Забуть у ласковых колен,
Что грех карают первородный
Уничтожение и тлен.

Зачем ты дал ей на забаву
Всю тайну чудотворных дней,—
Она твою развеет славу
Рукою хищною своей.

Стыдись, и творческой печали
Не у земной жены моли.
Таких в монастыри ссылали
И на кострах высоких жгли.

1922

БИБЛЕЙСКИЕ СТИХИ

1. РАХИЛЬ

И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее.

Книга Бытия

И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник бездомный.
Стада подымали горячую пыль,
Источник был камнем завален огромным.
Он камень своею рукой отвалил
И чистой водою овец напоил.

Но стало в груди его сердце грустить,
Болезнь, как открытая рана,
И он согласился за деву служить
Семь лет пастухом у Лавана.
Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет — словно семь ослепительных дней.

Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.
Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.
И Лию незрячую твердой рукой
Приводит к Иакову в брачный покой.

Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,
И стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы.
Сестру проклиняет и Бога хулит,
И Ангелу Смерти явиться велит.

И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный:
Иаков, не ты ли меня целовал
И черной голубкой своей называл?

25 декабря ст. ст. 1921

2. ЛОТОВА ЖЕНА

Жена же Лотова оглянулась позади
его и стала соляным столпом.

Книга Бытия

И праведник шел за посланником Бога,
Огромный и светлый, по черной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
Взглянула — и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.

Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

21 февраля 1924

3. МЕЛХОЛА

Но Давида полюбила... дочь Саула,
Мелхола.

Саул думал: отдам ее за него, и она
будет ему сетью.

Первая Книга Царств

И отрок играет безумцу царю,
И ночь беспощадную рушит,
И громко победную кличет зарю,
И призраки ужаса душит.
И царь благосклонно ему говорит:
«Огонь в тебе, юноша, дивный горит,
И я за такое лекарство
Отдам тебе дочку и царство».
А царская дочка глядит на певца,
Ей песен не нужно, не нужно венца,
В душе ее скорбь и обида,
Но хочет Мелхола — Давида.
Бледнее, чем мертвая; рот ее сжат;
В зеленых глазах иступленье;
Сияют одежды, и стройно звенят
Запястья при каждом движеньи.
Как тайна, как сон, как праматерь Лилит...
Не волей своею она говорит:
«Наверно, с отравой мне дали питье,
И мой помрачается дух,
Бесстыдство мое! Униженье мое!
Бродяга! Разбойник! Пастух!
Зачем же никто из придворных вельмож,
Увы, на него непохож?
А солнца лучи... а звезды в ночи...
А эта холодная дрожь...»

[1922], 1959—1961

ПРИЧИТАНИЕ

В. А. Щеголевой

Господави поклонитесь
Во Святем Дворе Его.
Спит юродивый на паперти,
На него глядит звезда.

И, крылом задевший ангельским,
Колокол заговорил,
Не набатным, грозным голосом,
А прощаясь навсегда.
И выходят из обители,
Ризы древние отдав,
Чудотворцы и святители,
Опираясь на клюки.
Серафим в леса Саровские
Стадо сельское пасти.
Анна — в Кашин, уж не княжити,
Лен колючий теребить.
Провожает Богородица,
Сына кутает в платок,
Старой нищенкой оброненный
У Господнего крыльца.

24 мая 1922
Петербург

* * *

Вот и берег северного моря,
Вот граница наших бед и слав,—
Не пойму, от счастья или горя
Плачешь ты, к моим ногам припав.
Мне не надо больше обреченных:
Пленников, заложников, рабов,
Только с милым мне и непреклонным
Буду я делить и хлеб и кров.

Осень 1922

* * *

Хорошо здесь: и шелест и хруст;
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

Зима 1922

СКАЗКА О ЧЕРНОМ КОЛЬЦЕ

1

Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела
И впервые пожалела,
И вздохнула: «Ах, года!
Вот и внучка молода».
И, простивши нрав мой вздорный,
Завещала перстень черный.
Так сказала: «Он по ней,
С ним ей будет веселей».

2

Я друзьям моим сказала:
«Горя много, счастья мало»,—
И ушла, закрыв лицо;
Потеряла я кольцо.
И друзья мои сказали:
«Мы кольцо везде искали,
Возле моря на песке
И меж сосен на лужке».
И, догнав меня в аллее,
Тот, кто был других смелее,
Уговаривал меня
Подождать до склона дня.
Я совету удивилась
И на друга рассердилась,
Что глаза его нежны:
«И на что вы мне нужны?
Только можете смеяться,
Друг пред другом похваляться
Да цветы сюда носить».
Всем велела уходить.

3

И, придя в свою светлицу,
Застонала хищной птицей,
Повалилась на кровать
Сотый раз припоминать:

Как за ужином сидела,
В очи темные глядела,
Как не ела, не пила
У дубового стола,
Как под скатертью узорной
Протянула перстень черный,
Как взглянул в мое лицо,
Встал и вышел на крыльцо.

. . . . .
Не придут ко мне с находкой!
Далеко над быстрой лодкой
Заалели небеса,
Забелели паруса.

1917—1936

* * *

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студеные, влажные дни?
Изумрудною стала вода замутненных каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильнее.
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник,
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось — сейчас забелеет прозрачный подснежник...
Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.

Сентябрь 1922

ЭПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

Я пою, и лес зеленеет.

Б. А.

1

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье — Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.

Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.
Я, тайному велению покорна,
Товарища свободного избрав,
Любила только солнце и деревья.
Однажды поздним летом иностранку
Я встретила в лукавый час зари,
И вместе мы купались в теплом море,
Ее одежда странной мне казалась,
Еще страннее — губы, а слова
Как звезды падали сентябрьской ночью,
И стройная меня учила плавать,
Одной рукой поддерживая тело,
Неопытное на тугих волнах.
И часто, стоя в голубой воде,
Она со мной неспешно говорила,
И мне казалось, что вершины леса
Слегка шумят, или хрустит песок,
Иль голосом серебряным волынка
Вдали поет о вечере разлук.
Но слов ее я помнить не могла
И часто ночью с болью просыпалась.
Мне чудился полуоткрытый рот,
Ее глаза и гладкая прическа.
Как вестника небесного, молила
Я девушку печальную тогда:
«Скажи, скажи, зачем угасла память
И, так томительно лаская слух,
Ты отняла блаженство повторенья?..»
И только раз, когда я виноград
В плетеную корзинку собирала,
А смуглая сидела на траве,
Глаза закрыв и распустивши косы,
И томною была и утомленной
От запаха тяжелых синих ягод
И пряного дыханья дикой мяты,—
Она слова чудесные вложила
В сокровищницу памяти моей,
И, полную корзину уронив,
Припала я к земле сухой и душной,
Как к милому, когда поет любовь.

Осень 1913

2.

Покинув рощи родины священной
 И дом, где Муза Плача изнывала,
 Я, тихая, веселая, жила
 На низком острове, который, словно плот,
 Остановился в пышной невской дельте.
 О, зимние таинственные дни,
 И милый труд, и легкая усталость,
 И розы в умывальном кувшине!
 Был переулочек снежным и недлинным.
 И против двери к нам стеной алтарной
 Воздвигнут храм святой Екатерины.
 Как рано я из дома выходила,
 И часто по нетронутому снегу
 Свои следы вчерашние напрасно
 На бледной, чистой пелене ища,
 И вдоль реки, где шхуны, как голубки,
 Друг к другу нежно, нежно прижимаясь,
 О сером взморье до весны тоскуют,—
 Я подходила к старому мосту.
 Там комната, похожая на клетку,
 Под самой крышей в грузном, шумном доме,
 Где он, как чиж, свистал перед мольбертом,
 И жаловался весело, и грустно
 О радости небывшей говорил.
 Как в зеркало, глядела я тревожно
 На серый холст, и с каждою неделей
 Все горше и страннее было сходство
 Мое с моим изображеньем новым.
 Теперь не знаю, где художник милый,
 С которым я из голубой мансарды
 Через окно на крышу выходила
 И по карнизу шла над смертной бездной,
 Чтоб видеть снег, Неву и облака,—
 Но чувствую, что Музы наши дружны
 Беспечной и пленительною дружбой,
 Как девушки, не знавшие любви.

1915

3

Смеркается, и в небе темно-синем,
 Где так недавно храм Ерусалимский
 Таинственным сиял великолепьем,

Лишь две звезды над путаницей веток,
И снег летит откуда-то не сверху,
А словно подымается с земли,
Ленивый, ласковый и осторожный.
Мне странною в тот день была прогулка.
Когда я вышла, ослепил меня
Прозрачный отблеск на вещах и лицах,
Как будто всюду лепестки лежали
Тех желто-розовых некрупных роз,
Название которых я забыла.
Безветренный, сухой, морозный воздух
Так каждый звук лелеял и хранил,
Что мнилось мне: молчанья не бывает.
И на мосту, сквозь ржавую решетку
Просовывая руки в рукавичках,
Кормили дети пестрых жадных уток,
Что кувыркались в проруби чернильной.
И я подумала: не может быть,
Чтоб я когда-нибудь забыла это.
И если трудный путь мне предстоит,
Вот легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может, в нищете — припоминать
Закат неистовый, и полноту
Душевных сил, и прелесть милой жизни.

1915

II. MCMXXI

Nec sine te, nec tecum
vivere possum¹

Ovid.

* * *

Путник милый, ты далече,
Но с тобою говорю.
В небесах зажглись свечи
Провожающих зарю.

---

¹ Ни без тебя, ни с тобою жить не могу. О в и д и й (лат.).

Путник мой, скорей направо
Обрати свой светлый взор:
Здесь живет дракон лукавый,
Мой властитель с давних пор.

А в пещере у дракона
Нет пощады, нет закона.
И висит на стенке плеть,
Чтобы песен мне не петь.

И дракон крылатый мучит,
Он меня смиренью учит,
Чтоб забыла дерзкий смех,
Чтобы стала лучше всех.

Путник милый, в город дальний
Унеси мои слова,
Чтобы сделался печальней
Тот, кем я еще жива.

*Весна 1921
Сергиевская, 7*

* * *

Наталии Рыковой

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес,—

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

Июнь 1921

* * *

Сослужу тебе верную службу,—
Ты не бойся, что горько люблю!
Я за нашу веселую дружбу
Всех святителей нынче молю.

За тебя отдала первородство
И взамен ничего не прошу,
Оттого и лохмотья сиротства
Я как брачные ризы ношу.

Июль 1921

* * *

Нам встречи нет. Мы в разных станах,
Туда ль зовешь меня, наглец,
Где брат поник в кровавых ранах,
Принявши ангельский венец?

И ни молящие улыбки,
Ни клятвы дикие твои,
Ни призрак млеющий и зыбкий
Моей счастливейшей любви
Не обольстят...

Июнь 1921

* * *

Страх, во тьме перебирая вещи,
Лунный луч наводит на топор.
За стеною слышен стук зловещий —
Что там, крысы, призрак или вор?

В душевной кухне плещется водою,
Половицам шатким счет ведет,
С глянцевитой черной бородою
За окном чердачным промелькнет —

И притихнет. Как он зол и ловок,
Спички спрятал и свечу задул.
Лучше бы поблескиванье дул
В грудь мою направленных винтовок,

Лучше бы на площади зеленой
На помост некрашенный прилечь
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.

Прижимаю к сердцу крестик гладкий:
Боже, мир душе моей верни!
Запах тленья обморочно сладкий
Веет от прохладной простыни.

25 августа 1921

* * *

Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом,
Ни даже предчувствием тайным моим.
Зачем же в ночи перед темным порогом
Ты медлишь, как будто счастьем томим?
Не выйду, не крикну: «О, будь единым,
До смертного часа будь со мной!»
Я только голосом лебединым
Говорю с неправедною луной.

1915

* * *

О, жизнь без завтрашнего дня!
Ловлю измену в каждом слове,
И убывающей любви
Звезда восходит для меня.

Так незаметно отлетать,
Почти не узнавать при встрече.
Но снова ночь. И снова плечи
В истоме влажной целовать.

Тебе я милой не была,
Ты мне постыл. А пытка длилась,
И как преступница томилась
Любовь, исполненная зла.

То словно брат. Молчишь, сердит.
Но если встретимся глазами —
Тебе клянусь я небесами,
В огне расплавится гранит.

29 августа 1921
Царское Село

* * *

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.

Я-то вольная. Все мне забава,—
Ночью Муза слетит утешать,
А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.

Обо мне и молиться не стоит
И, уйдя, оглянуться назад...
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.

Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

29 августа 1921
Царское Село

* * *

А, ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

*Июль 1921
Царское Село*

* * *

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.

Семь дней любви, семь грозных лет разлуки,
Война, мятеж, опустошенный дом,
В крови невинной маленькие руки,
Седая прядь над розовым виском.

Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет,
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред,—

Затем, что он пронижет жгучим ядом
Ваш благостный, ваш радостный союз...
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

*Август 1921
Царское Село*

* * *

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать.

Постель мне стелют эту
С рыданьем и мольбой;

Теперь гуляй по свету
Где хочешь, Бог с тобой!

Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.

Добились мы покою
И непорочных дней...
Ты плачешь — я не стою
Одной слезы твоей.

27 августа 1921
Царское Село

* * *

Памяти Ал. Блока

А Смоленская нынче именинница,
Синий ладан над травой стелется,
И струится пенье панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские,
А кладбище — роща соловьиная,
От сиянья солнечного замерло.
Принесли мы Смоленской Заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее, —
Александра, лебедя чистого.

Август 1921

* * *

О. А. Глебовой-Судейкиной

Пророчишь, горькая, и руки уронила,
Прилипла прядь волос к бескровному челу,
И улыбаешься — о, не одну пчелу
Румяная улыбка соблазнила
И бабочку смутила не одну.

Как лунные глаза светлы, и напряженно
Далеко видящий остановился взор.
То мертвому ли сладостный укор,
Или живым прощаешь благосклонно
Твое изнеможенье и позор?

27 августа 1921
Петербург — Царское Село

* * *

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

16 августа 1921 (вагон)

* * *

Пока не свалюсь под забором
И ветер меня не добьет,
Мечта о спасении скором
Меня, как проклятие, жжет.

Упрямая, жду, что случится,
Как в песне случится со мной,—
Уверенно в дверь постучится
И, прежний, веселый, дневной,

Войдет он и скажет: «Довольно,
Ты видишь, я тоже простил».
Не будет ни страшно, ни больно...
Ни роз, ни архангельских сил.

Затем и в беспомыслии смуты
Я сердце мое берегу,
Что смерти без этой минуты
Представить себе не могу.

*30 августа 1921
Царское Село*

* * *

На пороге белом рая,
Оглянувшись, крикнул: «Жду!»
Завещал мне, умирая,
Благостность и нищету.

И когда прозрачно небо,
Видит, крыльями звеня,
Как делюсь я коркой хлеба
С тем, кто просит у меня.

А когда, как после битвы,
Облака плывут в крови,
Слышит он мои молитвы
И слова моей любви.

Июль 1921

* * *

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.
Как вороны кружатся, чуя
Горячую, свежую кровь,
Так дикие песни, ликуя,
Моя насылала любовь.

С тобою мне сладко и знойно,
Ты близок, как сердце в груди.
Дай руки мне, слушай спокойно.
Тебя заклинаю: уйди.

И пусть не узнаю я, где ты,
О Муза, его не зови,
Да будет живым, невоспетым
Моей не узнавший любви.

*Октябрь 1921
Петербург*

* * *

Долгим взглядом твоим истомленная,
И сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить?

Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой,
А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.

Но когда замираю, смиренная,
На груди твоей снега белей,
Как ликует твое умудренное
Сердце — солнце отчизны моей!

25 сентября 1921

КЛЕВЕТА

И всюду клевета сопутствовала мне.
Ее ползучий шаг я слышала во сне
И в мертвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.
И отблески ее горят во всех глазах,
То как предательство, то как невинный страх.
Я не боюсь ее. На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый.
Но неизбежный день уже предвижу я,—
На утренней заре придут ко мне друзья,
И мой сладчайший сон рыданьем потревожат,
И образок на грудь остывшую положат.

Никем не знаема тогда она войдет,
В моей крови ее неуголенный рот
Считать не устает небывшие обиды,
Вплетая голос свой в моления панихиды.
И станет внятн всем ее постыдный бред,
Чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед,
Чтоб в страшной пустоте мое осталось тело,
Чтобы в последний раз душа моя горела
Земным бессилием, летя в рассветной мгле,
И дикой жалостью к оставленной земле.

Январь 1922

Вагон Бежецк — Петербург

III. ГОЛОС ПАМЯТИ

Мир — лишь луч от лика друга,
Всё иное тень его.

Н. Гумилев

* * *

Широко распахнуты ворота,
Липы нищенски обнажены,
И темна сухая позолота
Нерушимой вогнутой стены.

Гулом полны алтари и склепы,
И за Днепр широкий звон летит.
Так тяжелый колокол Мазепы
Над Софийской площадью гудит.

Все грозней бушует, непреклонный,
Словно здесь еретиков казнят,
А в лесах заречных, примиренный,
Веселит пушистых лисенят.

15 сентября 1921

* * *

Почернел, искривился бревенчатый мост,
И стоят лопухи в человеческий рост,
И крапивы дремучей поют леса,
Что по ним не пройдет, не блеснет коса.
Вечерами над озером слышен вздох,
И по стенам расползся корявый мох.

Я встречала там
Двадцать первый год.
Сладок был устам
Черный душный мед.

Сучья рвали мне
Платья белый шелк,
На кривой сосне
Соловей не молк.

На условный крик
Выйдет из норы,
Словно леший дик,
А нежней сестры.

На́ гору бегом,
Через речку вплавь,
Да зато потом
Не скажу: оставь.

1917

* * *

Тот август, как желтое пламя,
Пробившееся сквозь дым,
Тот август поднялся над нами,
Как огненный серафим.

И в город печали и гнева
Из тихой Корельской земли
Мы двое — воин и дева —
Студеным утром вошли.

Что случилось с нашей столицей,
Кто солнце на землю низвел?
Казался летящей птицей
На штандарте черный орел.

На дикий лагерь похожий
Стал город пышных смотров,
Слепило глаза прохожим
Сверканье пик и штыков.

И серые пушки гремели
На Троицком гулком мосту,
А липы еще зеленели
В таинственном Летнем саду.

И брат мне сказал: «Настали
Для меня великие дни.
Теперь ты наши печали
И радость одна храни».

Как будто ключи оставил
Хозяйке усадьбы своей,
А ветер восточный славил
Ковыли приволжских степей.

1915

ПРИЗРАК

Зажженных рано фонарей
Шары всякие скрежещут,
Всё праздничнее, всё светлей
Снежинки, пролетая, блещут.

И, ускоряя ровный бег,
Как бы в предчувствии погони,
Сквозь мягко падающий снег
Под синей сеткой мчатся кони.

И раззолоченный гайдук
Стоит недвижно за санями,
И странно царь глядит вокруг
Пустыми светлыми глазами.

Зима 1919

* * *

Соблазна не было. Соблазн в тиши живет,
Он постника томит, святителя гнетет

И в полночь майскую над молодой черницей
Кричит истомно раненой орлицей.

А сим распутникам, сим грешницам любезным
Неведомо объятье рук железных.

Начало 1917

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Далеко в лесу огромном,
Возле синих рек,
Жил с детьми в избушке темной
Бедный дровосек.

Младший сын был ростом с пальчик,—
Как тебя унять,
Спи, мой тихий, спи, мой мальчик,
Я дурная мать.

Долетают редко вести
К нашему крыльцу,
Подарили белый крестик
Твоему отцу.

Было горе, будет горе,
Горю нет конца,
Да хранит святой Егорий
Твоего отца.

*1915
Царское Село*

* * *

Заплаканная осень, как вдова
В одеждах черных, все сердца туманит...
Перебирая мужнины слова,
Она рыдать не перестанет.
И будет так, пока тишайший снег
Не сжалится над скорбной и усталой...
Забвенье боли и забвенье нег —
За это жизнь отдать не мало.

15 сентября 1921
Царское Село

* * *

Буду черные грядки холить,
Ключевой водой поливать;
Полевые цветы на воле,
Их не надо трогать и рвать.

Пусть их больше, чем звезд зажженных
В сентябрьских небесах,—
Для детей, для бродяг, для влюбленных
Вырастают цветы на полях.

А мои — для святой Софии
В тот единственный светлый день,
Когда возгласы литургии
Возлетят под дивную сень.

И, как волны приносят на сушу
То, что сами на смерть обрекли,
Принесу покаянную душу
И цветы из Русской земли.

Лето 1916
Слепнево

ЦАРКОСЕЛЬСКИЕ СТРОКИ

I

Пятым действием драмы
Веет воздух осенний,
Каждая клумба в парке
Кажется свежей могилой.

Оплаканы мертвые горько.
Со всеми врагами в мире
Душа моя ныне.

Тайная справлена тризна
И больше нечего делать.
Что же я медлю, словно
Скоро случится чудо.

Так тяжелую лодку долго
У пристани слабой рукою
Удерживать можно, прощаясь
С тем, кто остался на суше.

*Осень 1921
Царское Село*

II

Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять
И можно плакать. Царкосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

У берега серебряная ива
Касается сентябрьских ярких вод.
Из прошлого восставши, молчаливо
Ко мне навстречу тень моя идет.

Здесь столько лир повешено на ветки...
Но и моей как будто место есть...
А этот дождик, солнечный и редкий,
Мне утешенье и благая весть.

*Осень 1921
Царское Село*

ИЗ ПОЭМЫ «РУССКИЙ ТРИАНОН»

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ

I

В тени елизаветинских боскетов
Гуляют пушкинских красавиц внучки
Все в скромных канотье, в тугих корсетах,
И держат зонтик сморщенные ручки.
Мопс на цепочке, в сумочке драже
И компаньонка с Жип или Бурже.

II

Иланг-илангом ¹ весь пропах вокзал
Не тот последний, что сгорит когда-то,
А самый первый, главный — Белый Зал
В нем танцевальный — убран был богато,
Но в зале том никто не танцевал.

III

С вокзала к парку легкие кареты,
Как с похорон торжественных, спешат.
В них дамы — в сарафанчики одеты,
А с английским акцентом говорят.

---

¹ Духи назывались Панг—Панг (начало века).-- Прим. Анны Ахматовой.

Одна из них (как разглашать секреты,
Мне этого, наверно, не простят)
Попала в вавилонские блудницы,
А тезка мне и лучший друг царицы.

• • • • •

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ 1914—1917 гг.

IV

Как я люблю пологий склон зимы,
Ее огни, и мраки, и истому,
Сухого снега круглые холмы
И чувство, что вовек не будешь дома.
Черна вдали рождественская ель,
Кричит ворона, кончилась метель.

V

И рушилась твердыня Эрзерума,
Кровь заливала горло Дарданелл,
Но в этом парке не слышали шума,
Лишь ржавый флюгер вдалеке скрипел.
Но в этом парке тихо и угрюмо
Сверкает месяц, снег алмазно бел.

VI

Прикинувшись солдаткой, выло горе,
Как конь, вставал дредноут на дыбы,
И ледяные пенные столбы
Взбешенное выбрасывало море —
До звезд нетленных — из груди своей,
И не считали умерших людей.

VII

На Белой Башне дремлет пулемет,
Вокруг дворца гусарские разъезды,
Внимательные северные звезды
(Совсем не те, что будут через год),
Прищурившись, глядят в окно Лицея,
Где тень его над томом Апулея.

VIII

О знал ли он, любимец двух столетий,
Как грозно третьим будет принят он.
Мне суждено запомнить этот сон,
Как помнят мать, осиротевши, дети...

. . . . .

(1941)

IX

Все занялись военной суетою,
И от пожаров сделалось светло.
И только юг был залит темнотою.
На мой вопрос, с священной простотою
Сказал сосед: «Там Царское Село.
Оно вчера, как свечка, догорело».
И спрашивать я больше не посмела.

1923—1941

ТРОСТНИК

Что отдал — то твое.

Ш. Руставели

Я играю в них во всех пяти.

Б. П.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

М. Лозинскому

Почти от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний
В ответ на лучшие дары,
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена,—
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И сада Летнего решетка,
И оснеженный Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летой
Тростник оживший зазвучал.

29 мая 1940

Ленинград

Фонтанный Дом

* * *

О, знала ль я, когда в одежде белой
Входила Муза в тесный мой приют,
Что к лире, навсегда окаменелой,
Мои живые пальцы припадут.

О, знала ль я, когда неслась, играя,
Моей любви последняя гроза,
Что лучшему из юношей, рыдая,
Закрою я орлиные глаза...

О, знала ль я, когда, томясь успехом,
Я искушала дивную Судьбу,
Что скоро люди беспощадным смехом
Ответят на предсмертную мольбу.

30 мая 1927

* * *

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем.
Водою пахнет резеда,
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...

И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...

1934
Ленинград

* * *

Если плещется лунная жуть,
Город весь в ядовитом растворе.
Без малейшей надежды заснуть
Вижу я сквозь зеленую муть
И не детство мое, и не море,

И не бабочек брачный полет
Над грядой белоснежных нарциссов
В тот какой-то шестнадцатый год...
А застывший навек хоровод
Надмогильных твоих кипарисов.

1 декабря 1928
Ленинград

* * *

Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот? —
Он в шестнадцатом году весною
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весною
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его еще смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

Февраль 1936
Москва

* * *

От тебя я сердце скрыла,
Словно бросила в Неву...
Прирученной и бескрылой
Я в дому твоём живу.
Только... ночью слышу скрипы.
Что там — в сумраках чужих?
Щереметевские липы...
Переключка домовых...
Осторожно подступает,
Как журчание воды,
К уху жарко приникает
Черный шепоток беды —
И бормочет, словно дело
Ей всю ночь возиться тут:
«Ты уюта захотела,
Знаешь, где он — твой уют?»

30 октября 1936
Ночь

БОРИС ПАСТЕРНАК

(ПОЭТ)

Он, сам себя сравнивший с конским глазом,
Косится, смотрит, видит, узнает,
И вот уже расплавленным алмазом
Сияют лужи, изнывает лед.

В лиловой мгле покоятся задворки,
Платформы, бревна, листья, облака.
Свист паровоза, хруст арбузной корки,
В душистой лайке робкая рука.

Звенит, гремит, скрежещет, бьет прибоем
И вдруг притихнет,— это значит, он
Пугливо пробирается по хвоям,
Чтоб не спугнуть пространства чуткий сон.

И это значит, он считает зерна
В пустых колосьях, это значит, он
К плите дарьяльской, проклятой и черной,
Опять пришел с каких-то похорон.

И снова жжет московская истома,
Звенит вдали смертельный бубенец...
Кто заблудился в двух шагах от дома,
Где снег по пояс и всему конец...

За то, что дым сравнил с Лаокооном,
Кладбищенский воспел чертополох,
За то, что мир наполнил новым звоном
В пространстве новом отраженных строф,—

Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.

*19 января 1936
Ленинград*

* * *

Памяти Н. В. Н.

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью моей.

Я говорю: «Твое несу я бремя
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет».
Но для нея не существует время
И для нея пространства в мире нет.

И снова черный масляничный вечер,
Зловещий парк, спокойный бег коня
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.

Но зоркий надо мною и двурогий
Стоит свидетель. О! туда, туда,
Туда по Подкапризовой Дороге,
Где лебеди и черная вода.

3 ноября 1936

КАВКАЗСКОЕ

Здесь Пушкина изгнанье началось
И Лермонтова кончилось изгнанье.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час —
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника Тамары.

Июль 1927
Кисловодск

ХУДОЖНИКУ

Мне все твоя мерещится работа,
Твои благословенные труды:
Лип, навсегда осенних, позолота
И синь сегодня созданной воды.

Подумай, и тончайшая дремота
Уже ведет меня в твои сады,
Где, каждого пугаясь поворота,
В беспамятстве ищу твои следы.

Войду ли я под свод преображенный,
Твоей рукою в небо превращенный,
Чтоб остудился мой постылый жар?..

Там стану я блаженною навеки
И, раскаленные смежая веки,
Там снова обрету я слезный дар.

1924

* * *

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Всё, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Всё унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.

1929
Царское Село

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что́ почести, что́ юность, что́ свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924
Казанская, 2

* * *

Годовщину последнюю празднуй —
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы — той, алмазной —
Повторяется снежная ночь.

Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны как нарочно притушен,
И куда мы идем — не пойму.

Меж гробницами внука и деда
Заблудился взъерошенный сад.
Из тюремного вынырнув бреда,
Фонари погребально горят.

В грозных айсбергах Марсово поле,
И Лебязья лежит в хрусталях...

Чья с моею сравнивается доля,
Если в сердце веселье и страх.

И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И внезапным согретый лучом
Снежный прах так тепло серебрится.

9—10 июля 1939

ЗАКЛИНАНИЕ

Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незванный,
Несуженый,—
Приди ко мне ужинать.

15 апреля 1936
Ленинград

СОНЕТ

Совсем не тот таинственный художник,
Избороздивший Гофмановы сны,—
Из той далекой и чужой весны
Мне чудится смиренный подорожник.

Он всюду рос, им город зеленел,
Он украшал широкие ступени,
И с факелом свободных песнопений
Психея возвращалась в мой придел.

А в глубине четвертого двора
Под деревом плясала детвора
В восторге от шарманки одноногой,

И била жизнь во все колокола...
А бешеная кровь меня к тебе вела
Сужденной всем, единственной дорогой.

18 января 1941
Ленинград

ДАНТЕ

Il mio bel San Giovanni
*Dante*¹

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть,—
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...

17 августа 1936
Равлив

КЛЕОПАТРА

Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Пушкин

Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила...
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.
И входит последний плененный ее красотой,
Высокий и статный, и шепчет в смятении он:
«Тебя — как рабыню... в триумфе пошлет пред собою...»
Но шеи лебяжьей все так же спокоен наклон.

---

¹ Мой прекрасный святой Иоанн. Данте (итал.).

А завтра детей закуют. О, как мало осталось
Ей дела на свете — еще с мужиком пошутить
И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить.

7 февраля 1940
Фонтанный Дом

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Так просто можно жизнь покинуть эту,
Бездумно и безбольно догореть.
Но не дано Российскому поэту
Такою светлой смертью умереть.

Всего верней свинец душе крылатой
Небесные откроет рубежи,
Иль хриплый ужас лапою косматой
Из сердца, как из губки, выжмет жизнь.

1925

ИВА

И дряхлый пук дерев.

Пушкин

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями
Бессонницу овеивала снами.
И — странно! — я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.

18 января 1940
Ленинград

ИЗ ЦИКЛА «ЮНОСТЬ»

I

Мои молодые руки
Тот договор подписали
Среди цветочных киосков
И граммофонного треска,
Под взглядом косым и пьяным
Газовых фонарей.
И старше была я века
Ровно на десять лет.

А на закат наложен
Был белый траур черемух,
Что осыпался мелким
Душистым, сухим дождем...
И облака сквозили
Кровавой цусимской пеной,
И плавно ландо катили
Теперешних мертвецов...

А нам бы тогдашний вечер
Показался бы маскарадом,
Показался бы карнавалом
Феерией grand-gala...¹

От дома того — ни щепки,
Та вырублена аллея,
Давно опочили в музее
Те шляпы и башмачки.
Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни,
Кто знает, как тихо в доме,
Куда не вернулся сын.

Ты неотступен, как совесть,
Как воздух, всегда со мною,
Зачем же зовешь к ответу?

---

¹ Пышное торжество (франц.)

Свидетелей знаю твоих:
То Павловского вокзала
Раскаленный музыкой купол
И водопад белогривый
У Баболовского дворца.

Осень 1940

II

ПОДВАЛ ПАМЯТИ

О, погреб памяти.

Хлебников

Но сущий вздор, что я живу грустя
И что меня воспоминанье точит.
Не часто я у памяти в гостях,
Да и она всегда меня морочит.
Когда спускаюсь с фонарем в подвал,
Мне кажется — опять глухой обвал
За мной по узкой лестнице грохочет.
Чадит фонарь, вернуться не могу,
А знаю, что иду туда к врагу.
И я прошу как милости... Но там
Темно и тихо. Мой окончен праздник!
Уж тридцать лет, как проводили дам,
От старости скончался тот проказник...
Я опоздала. Экая беда!
Нельзя мне показаться никуда.
Но я касаюсь живописи стен
И у камина греюсь. Что за чудо!
Сквозь эту плесень, этот чад и тлен
Сверкнули два живые изумруда.
И кот мяукнул. Ну, идем домой!

Но где мой дом и где рассудок мой?

18 января 1940

* * *

Так отлетают темные души...
— Я буду бредить, а ты не слушай.

Зашел ты нечаянно, ненароком —
Ты никаким ведь не связан сроком,

Побудь же со мною теперь подольше.
Помнишь, мы были с тобою в Польше?

Первое утро в Варшаве... Кто ты?
Ты уж другой или третий? — «Сотый!»

— А голос совсем такой, как прежде.
Знаешь, я годы жила в надежде,

Что ты вернешься, и вот — не рада.
Мне ничего на земле не надо,

Ни громов Гомера, ни Дантова дива.
Скоро я выйду на берег счастливый:

И Троя не пала, и жив Эбани,
И всё потонуло в душистом тумане.

Я б задремала под ивой зеленой,
Да нет мне покоя от этого звона.

Что он? — то с гор возвращается стадо?
Только в лицо не дохнула прохлада.

Или идет священник с дарами?
А звезды на небе, а ночь над горами...

Или сзывают народ на вече? —
«Нет, это твой последний вечер!»

Осень 1940

* * *

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.

Я заметила это, вернувшись
С похорон одного поэта.
И с тех пор проверяла часто,
И моя догадка подтвердилась.

*21 января, 7 марта 1940
Ленинград*

ДВУСТИШЕ

От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала.

Весна 1931

РАЗРЫВ

1

Не недели, не месяцы — годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.

Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств
Несравненной моей правоты.

1940

2

И как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.

Нам, испугленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли.

25 сентября 1944

3. ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем
И за тебя я пью,—
За ложь меня предавших уст,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и пуст,
За то, что Бог не спас.

*27 июля 1934
Шереметевский Дом*

ВОРОНЕЖ

О. М.

И город весь стоит оледенелый.
Как под стеклом деревья, стены, снег.
По хрусталям я прохожу несмело.
Узорных санок так неверен бег.
А над Петром воронежским — вороны,
Да тополя, и свод светло-зеленый,
Размытый, мутный, в солнечной пыли,
И Куликовской битвой веют склоны
Могучей, победительной земли.
И тополя, как сдвинутые чаши,
Над нами сразу зазвенят сильнее,
Как будто пьют за ликование наше
На брачном пире тысячи гостей.

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

4 марта 1936

МАЯКОВСКИЙ В 1913 ГОДУ

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только бурный твой рассвет,
Но, быть может, я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет.
Как в стихах твоих крепчали звуки,
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.
Все, чего касался ты, казалось
Не таким, как было до тех пор,
То, что разрушал ты,— разрушалось,
В каждом слове бился приговор.
Одинок и часто недоволен,
С нетерпением торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.
И уже отзывный гул прилива
Слышался, когда ты нам читал,
Дождь косил свои глаза гневливо,
С городом ты в буйный спор вступал.
И еще не слышанное имя
Молнией влетело в душный зал,
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.

3—10 марта 1940

ЛЕНИНГРАД В МАРТЕ 1941 ГОДА

Садran solaire¹ на Меншиковом доме.
Подняв волну, проходит пароход.
О, есть ли что на свете мне знакомей,
Чем шпилей блеск и отблеск этих вод!
Как щелочка, чернеет переулок.
Садятся воробьи на провода.
У наизусть затверженных прогулок
Соленый привкус — тоже не беда.

1941

---

¹ Солнечные часы (франц.).

СТАНСЫ

Стрелецкая луна. Замоскворечье... Ночь.
Как крестный ход, идут часы Страстной Недели...
Я вижу страшный сон. Неужто в самом деле
Никто, никто, никто не может мне помочь.

В Кремле не надо жить — Преображенец прав,
Там зверства древнего еще кишат микробы:
Бориса дикий страх и всех иванов злобы,
И самозванца спесь взамен народных прав.

Апрель 1940
Москва

РЕКВИЕМ

1935—1940

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,—
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

1961

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

*1 апреля 1957 г.
Ленинград*

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.

Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат —
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна.
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный мой привет.

Март 1940 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

I

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе, шла,
В темной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.

На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

[Ноябрь] 1935 г.
Москва

II

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.

Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна.

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

1938

III

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.

1939

IV

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —
Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезой горячею
Новогодний лед прожигать.

Там тюремный тополь качается,
И ни звука — а сколько там
Неповинных жизней кончается...

1938

V

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кадельный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

1939

VI

Легкие летят недели.
Что случилось, не пойму,
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

Весна 1939 г.

VII

Приговор

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

[22 июня] 1939 г.
Фонтанный Дом

VIII

К смерти

Ты все равно придешь — зачем же не теперь?
Я жду тебя — мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом.
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой,—
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застилает.

19 августа 1939 г.
Фонтанный Дом

IX

Уже безумие крылом
Души накрыло половину,
И поит огненным вином,
И манит в черную долину.

И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы чужому бреду.

И не позволит ничего
Оно мне унести с собою
(Как ни упрашивай его
И как ни докучай мольбою):

Ни сына страшные глаза —
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук —
Слова последних утешений.

4 мая 1940 г.
Фонтанный Дом

Х

Распятие

*«Не рыдай Мене, Маги,
во гробе врящи»*

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»

1938

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1940
Фонтанный Дом

ЭПИЛОГ

1

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною, ослепшею стеною.

2

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,

Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условием — не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных марусь,

Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век,
Как слезы, струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

*Около 10 марта 1940 г.
Фонтанный Дом*

НЕЧЕТ

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется.

Тютчев

В СОРОКОВОМ ГОДУ

1. АВГУСТ 1940

То град твой, Юлиан!

Вяч. Иванов

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украстить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке,—
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.

Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

*5 августа 1940
Шереметевский Дом*

2. ЛОНДОНЦАМ

И сделалась война на небе.
Апок.

Двадцать четвертую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники чумного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше сегодня голубку Джульетту
С пеньем и факелом в гроб провожать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать,—
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!

1940

3. ТЕНЬ

Что знает женщина одна о смертном часе?

О. Мандельштам

Всегда нарядней всех, всех розовой и выше,
Зачем всплываешь ты со дна погибших лет,
И память хищная передо мной колышет
Прозрачный профиль твой за стеклами карет?
Как спорили тогда — ты ангел или птица!
Соломинкой тебя назвал поэт.
Равно на всех сквозь черные ресницы
Дарьяльских глаз струился нежный свет.
О тень! Прости меня, но ясная погода,
Флобер, бессонница и поздняя сирень
Тебя — красавицу тринадцатого года —
И твой безоблачный и равнодушный день
Напомнили... А мне такого рода
Воспоминанья не к лицу: О тень!

9 августа 1940. Вечер

4

Уж я ль не знала бессонницы
Все пропасти и тропы,
Но эта как топот конницы
Под вой одичалой трубы.
Вхожу в дома опустелые,
В недавний чей-то уют.

Всё тихо, лишь тени белые
В чужих зеркалах плывут.
И что там в тумане — Дания,
Нормандия или тут
Сама я бывала ранее,
И это — переиздание
Навек забытых минут?

1940

PRO DOMO MEA

1

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду — за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

1940

2

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родниковой водой,
Ни колокольным звоном —
Не буду я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутоленным стоном.

1940

3

Забудут? — вот чем удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.

А Муза и глохла и слепа,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

21 февраля 1957
Ленинград

4

Жить — так на воле,
Умирать — так дома.
Волково Поле,
Желтая солома.

День объявления войны (1939)

ВЕТЕР ВОЙНЫ

Зовет меня голос войны.

Гумилев

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым,—
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Июль 1941
Ленинград

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,

Но в громе влажность есть
Высоких свежих облаков
И вожделение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

Сентябрь 1941

* * *

Птицы смерти в зените стоят.
Кто идет выручать Ленинград?

Не шумите вокруг — он дышит,
Он живой еще, он все слышит:

Как на влажном балтийском дне
Сыновья его стонут во сне,

Как из недр его вопли: «Хлеба!» —
До седьмого доходят неба...

Но безжалостна эта твердь.
И глядит из всех окон — смерть.

И стоит везде на часах
И уйти не пускает страх.

28 сентября 1941
Самолет

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

23 февраля 1942
Ташкент

ПАМЯТИ ВАЛИ

1

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

2

Постучись кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда...
Твоего я не слышала стона,
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

23 апреля 1942
Ташкент

НОХ
СТАТУЯ «НОЧЬ» В ЛЕТНЕМ САДУ

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой...
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.
Пусты теперь Дионисовы чаши,
Заплаканы взоры любви...
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

30 мая 1942
Ташкент

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «Берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,—
Внуки, братики, сыновья!

29 февраля 1944
Ташкент

IN MEMORIAM

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!

Да что там имена! — захопываю святцы;
И на колени все! — багровый хлынул свет,
Рядами стройными проходят ленинградцы,
Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.

Август 1942
Дюрмень

* * *

Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во все новое нарядились,
Как в солдатики шли играть.
Ни плохих, ни хороших, ни средних...
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних...
Все они опочили там.

1943
Ташкент

ПРИЧИТАНИЕ

Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В землю не зарюю.
Я не словом, не упреком,
Я не взглядом, не намеком,
Я не песенкой наемной,
Я не похвальбой нескромной

. . . . .

А земным поклоном
В поле зеленом
Помяну...

1944
Ленинград

* * *

Справа раскинулись пустыри,
С древней, как мир, полоской зари.

Слева, как виселицы, фонари.
Раз, два, три...

А надо всем еще галочий крик
И помертвелого месяца лик
Совсем ни к чему возник.

Это — из жизни не той и не той,
Это — когда будет век золотой,

Это — когда окончится бой,
Это — когда я встречу с тобой.

29 апреля 1944
Ташкент

ПОБЕДА

1

Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится пречистое тело
Оскверненной врагами земли.
К нам оттуда родные березы
Тянут ветки, и ждут, и зовут,
И могучие деды-морозы
С нами сомкнутым строем идут.

Январь 1942

2

Вспыхнул над молом первый маяк,
Других маяков предтеча,—
Заплакал и шапку снял моряк,
Что плавал в набитых смертью морях
Вдоль смерти и смерти навстречу.

Победа у наших стоит дверей...
 Как гостью желанную встретим?
 Пусть женщины выше поднимут детей,
 Спасенных от тысячи тысяч смертей,—
 Так мы долгожданной ответим.

1942—1945

ПАМЯТИ ДРУГА

И в День Победы, нежный и туманный,
 Когда заря, как зарево, красна,
 Вдовою у могилы безымянной
 Хлопочет запоздалая весна.
 Она с колен подняться не спешит,
 Дохнет на почку и траву погладит,
 И бабочку с плеча на землю ссадит,
 И первый одуванчик распушит.

8 ноября 1945

ЛУНА В ЗЕНИТЕ

Этой розы завои.

Фет

Г. Г.

!

Заснуть огорченной,
 Проснуться влюбленной,
 Увидеть, как красен мак.
 Какая-то сила
 Сегодня входила
 В твое святилище, мрак!
 Мангалочий дворик,
 Как дым твой, горек
 И как твой тополь высок...

Шехерезада
Идет из сада...
Так вот ты какой, Восток!

Апрель 1942

2

С грозных ли площадей Ленинграда
Иль с блаженных лете́йских полей
Ты прислал мне такую прохладу,
Тополями украсил ограды
И азиатских светил мириады
Расстелил над печалью моей?

Март 1942

3

Все опять возвратится ко мне:
Раскаленная ночь и томленье
(Словно Азия бредит во сне),
Халимы соловьиное пенье,
И библейских нарциссов цветенье,
И незримое благословенье
Ветерком шелестнет по стране.

10 декабря 1943

4

И в памяти, словно в узорной укладке:
Седая улыбка всезнающих уст,
Могильной чалмы благородные складки
И царственный карлик — гранатовый куст.

16 марта 1944

5

Третью весну встречаю вдали
От Ленинграда.
Третью? И кажется мне, она
Будет последней.
Но не забуду я никогда,
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.

Персик зацвел, а фиалок дым
Все благовонней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!

1944—1956

6

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость
С непререкаемых высот,

Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

5 мая 1944

7. ЯВЛЕНИЕ ЛУНЫ

А. К.

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла,
Так неожиданно покато
И так торжественно плыла,—
Как будто «Лунная соната»
Нам сразу путь пересекла.

25 сентября 1944

8

Как в трапезной — скамейки, стол, окно
С огромною серебряной луною.
Мы кофе пьем и черное вино,
Мы музыкою бредим...
Все равно...
И зацветает ветка над стеною.

В изгнании сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда
Нам родина пристанище дала.

1943
Ташкент

9

Какая есть. Желая вам другую —
Получше. Больше счастьем не торгую,
Как шарлатаны и оптовики...
Пока вы мирно отдыхали в Сочи,
Ко мне уже ползли такие ночи,
И я такие слышала звонки!

Не знатной путешественницей в кресле
Я выслушала каторжные песни,
А способом узнала их иным...

. . . . .

Над Азией — весенние туманы,
И яркие до ужаса тюльпаны
Ковром заткали много сотен миль.
О, что мне делать с этой чистотою,
Что делать с неподкупностью простою?
О, что мне делать с этими людьми!

Мне зрительницей быть не удавалось,
И почему-то я всегда вклинялась
В запретнейшие зоны естества.
Целительница нежного недуга,
Чужих мужей вернейшая подруга
И многих — безутешная вдова.

Седой венец достался мне не даром,
И щеки, опаленные пожаром,
Уже людей пугают смуглотой.
Но близится конец моей гордыне,
Как той, другой — страдальце Марине, —
Придется мне напиться пустотой.

И ты придешь под черной епанчою,
С зеленоватой страшною свечою,
И не откроешь предо мной лица...

Но мне не долго мучиться загадкой:
Чья там рука под белою перчаткой
И кто прислал ночного пришлеца?

23—24 июня 1942
Ташкент

* * *

Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни
На краешке окна, и духота кругом,
Когда закрыта дверь, и заколдован дом
Воздушной веткой голубых глициний,
И в чашке глиняной холодная вода,
И полотенца снег, и свечка восковая
Горит, как в детстве, мотыльков сзывая,
Грохочет тишина, моих не слыша слов,—
Тогда из черноты рембрандтовских углов
Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
Но я не встрепенусь, не испугаюсь даже...
Здесь одиночество меня поймало в сети.
Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.

28 марта 1944
Ташкент

* * *

Это рысьи глаза твои, Азия,
Что-то высмотрели во мне,
Что-то выдразнили подспудное
И рожденное тишиной,
И томительное, и трудное,
Как полдневный термезский зной.
Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней пила.

1945

В ТИФУ

Где-то ночка молодая,
Звездная, морозная...
Ой, худая, ой, худая
Голова тифозная.
Про себя воображает,
На подушке мечется,
Знать не знает, знать не знает,
Что во всем ответчица,
Что за речкой, что за садом
Кляча с гробом тащится.
Меня под землю не надо,
Я одна — рассказчица.

1942

Ташкент. Ташми (В тифозном бреду)

ЕЩЕ ОДНО ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Все небо в рыжих голубях,
Решетки в окнах — дух гарема...
Как почка, набухает тема.
Мне не уехать без тебя,—
Беглянка, беженка, поэма.

Но, верно, вспомню на лету,
Как запылал Ташкент в цвету,
Весь белым пламенем объят,
Горяч, пахуч, замысловат,
Невероятен...

Так было в том году проклятом,
Когда опять мамзель Фифи¹
Хамила, как в семидесятом.
А мне переводить Лютфи
Под огнедышащим закатом.

---

¹ «M-elle Fifi» — в одноименном рассказе Мопассана — прозвище немецкого офицера, отличавшегося изощренной жестокостью.— Прим. Анны Ахматовой.

И яблони, прости их, Боже,
Как от венца в любовной дрожи,
Арык на местном языке,
Сегодня пущенный, лепечет.
А я дописываю «Нечет»
Опять в предпесенной тоске.

До середины мне видна
Моя поэма. В ней прохладно,
Как в доме, где душистый мрак
И окна заперты от зноя
И где пока что нет героя,
Но кровлю кровью залил мак...

*1943. Ташкент
Балахана*

СМЕРТЬ

I

Я была на краю чего-то,
Чему верного нет названья...
Зазывающая дремота,
От себя самой ускользанье...

*Август 1942
Дюрмень*

II

А я уже стою на подступах к чему-то,
Что достается всем, но разной ценой...
На этом корабле есть для меня каюта
И ветер в парусах — и страшная минута
Прощания с моей родной страной.

*1942
Дюрмень*

III

И комната, в которой я болею,
В последний раз болею на земле,
Как будто упирается в аллею
Высоких белоствольных тополей.

А этот первый — этот самый главный,
В величии своем самодержавный,
Но как заплещет, возликует он,
Когда, минуя тусклое оконце,
Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце,
И смертный уничтожит сон.

*Январь 1944
Ташкент*

ТАШКЕНТ ЗАЦВЕТАЕТ

Словно по чьему-то повеленью,
Сразу стало в городе светло —
Это в каждый двор по привиденью
Белому и легкому вошло.
И дыханье их понятней слова,
А подобье их обречено
Среди неба жгуче-голубого
На арычное ложиться дно.

Я буду помнить звездный кров
В сиянье вечных слав
И маленьких баранчуков
У черноколых матерей
На молодых руках.

1944

ПАЛЬМИРА

I

Как ни стремилась к Пальмире я
Золотоглавой,
Но суждено здесь дожить мне до
Первой розы.
Персик зацвел, и фиалок дым
Черно-лиловый...
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Злая чужбина?

18 апреля 1944

II

Разве я стала совсем не та,
Что там, у моря,
Разве забыли мои уста
Твой привкус, горе?!
На этой древней сухой земле
Я снова дома.
Китайский ветер поет во мгле,
И всё знакомо...
Гляжу, дыхание тая,
На эти склоны,
Я знаю, что вокруг друзья —
Их миллионы.
И звук какой-то ветер мчит
На крыльях ночи —
То сердце Азии стучит
И мне пророчит,
Что снова здесь найду приют
В день светлый мира.
...И где-то близко, здесь цветут
Поля Кашмира.

1944
Ташкент

С САМОЛЕТА

1

На сотни верст, на сотни миль,
На сотни километров
Лежала соль, шумел ковыль,
Чернели рощи кедров.
Как в первый раз я на нее,
На Родину, глядела.
Я знала: это все мое —
Душа моя и тело.

2

Белым камнем тот день отмечу,
Когда я о победе пела,
Когда я победе навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

И весеннего аэродрома
 Шелестит под ногой трава.
 Дóма, дóма — ужели дома!
 Как все ново и как знакомо,
 И такая в сердце истома,
 Сладко кружится голова...
 В свежем грохоте майского грома —
 Победительница Москва!

Май 1944

НОВОСЕЛЬЕ

1. ХОЗЯЙКА

Е. С. Булгаковой

В этой горнице колдунья
 До меня жила одна:
 Тень ее еще видна
 Накануне новолунья,
 Тень ее еще стоит
 У высокого порога,
 И уклончиво и строго
 На меня она глядит.
 Я сама не из таких,
 Кто чужим подвластен чарам,
 Я сама... Но, впрочем, даром
 Тайн не выдаю своих.

5 августа 1943
Ташкент

2. ГОСТИ

«...ты пьян,
 И все равно пора нах хауз...»
 Состарившийся Дон-Жуан
 И вновь помолодевший Фауст
 Столкнулись у моих дверей —
 Из кабака и со свиданья!..

Иль это было лишь ветвей
Под черным ветром колыханье,
Зеленой магией лучей,
Как ядом, залитых, и все же —
На двух знакомых мне людей
До отвращения похожих?

11 ноября 1943

3. ИЗМЕНА

Не оттого, что зеркало разбилось,
Не оттого, что ветер выл в трубе,
Не оттого, что в мысли о тебе
Уже чужое что-то просочилось,—
Не оттого, совсем не оттого
Я на пороге встретила его.

27 февраля 1944

4. ГИБЕЛЬ

Как будто страшной песенки
Веселенький припев —
Идет по шаткой лесенке,
    Разлуку одолев.
Не я к нему, а он ко мне —
И голуби в окне...
И двор в плюще, и ты в плаще
    По слову моему.
Не он ко мне, а я к нему —
    во тьму,
        во тьму,
            во тьму.

16 октября 1943
Ташкент

* * *

А в книгах я последнюю страницу
Всегда любила больше всех других,—
Когда уже совсем неинтересны
Герой и героиня, и прошло
Так много лет, что никого не жалко,

И, кажется, сам автор
Уже начало повести забыл,
И даже «вечность поседела»,
Как сказано в одной прекрасной книге.
Но вот сейчас, сейчас
Все кончится, и автор снова будет
Бесповоротно одинок, а он
Еще старается быть остроумным
Или язвит — прости его господь! —
Прилаживая пышную концовку,
Такую, например:
...И только в двух домах
В том городе (название неясно)
Остался профиль (кем-то обведенный
На белоснежной извести стены),
Не женский, не мужской, но полный тайны.
И, говорят, когда лучи луны —
Зеленой, низкой, среднеазиатской —
По этим стенам в полночь пробегают,
В особенности в новогодний вечер,
То слышится какой-то легкий звук,
Причем одни его считают плачем,
Другие разбирают в нем слова.
Но это чудо всем поднадоело,
Приезжих мало, местные привыкли,
И говорят, в одном из тех домов
Уже ковром закрыт проклятый профиль.

25 ноября 1943
Ташкент

ТРЕЩОТКА ПРОКАЖЕННОГО

1. ПРОЛОГ

Не лирою влюбленного
Иду пленять народ —
Трещотка прокаженного
В моей руке поет.
Успеете наахаться,
И воя, и кляня,

Я научу шарахаться
Вас, смелых, от меня.
Я не искала прибыли
И славы не ждала,
Я под крылом у гибели
Все тридцать лет жила.

1960
Ленинград

2. ПОСЛЕДНЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

У меня одна дорога:
От окна и до порога.

Лагерная песня

День шел за днем — и то и се
Как будто бы происходило
Обыкновенно — но чрез всё
Уж одиночество сквозило.
Припахивало табаком,
Мышами, сундуком открытым
И обступало ядовитым
Туманцем...

25 июля 1944
Ленинград

3

Прокаженный молился...

В. Брюсов

То, что я делаю, способен делать каждый.
Я не тонул во льдах, не изнывал от жажды
И с горстью храбрецов не брал финляндский дот,
И в бурю не спасал какой-то пароход.
Ложиться спать, вставать, съесть обед убогий
И даже посидеть на камне у дороги,
И даже, повстречав падучую звезду
Иль серых облаков знакомую гряду,
Им улыбнуться вдруг, поди куда как трудно,
Тем более дивлюсь своей судьбине чудной
И, привыкая к ней, привыкнуть не могу,
Как к неотступному и зоркому врагу...

Затем что из двухсот советских миллионов,
Живущих в благости отеческих законов,

Найдется ль кто-нибудь, кто свой горчайший час
На мой бы променял — я спрашиваю вас?

А не откинул бы с улыбкою сердитой
Мое прозвание, как корень ядовитый.

О Господи! воззри на легкий подвиг мой
И с миром отпусти свершившего домой.

Январь 1941
Фонтанный Дом

4

Лучше б я по самые плечи
Вбила в землю проклятое тело,
Если б знала, чему навстречу,
Обгоняя солнце, летела.

Июнь 1944
Ленинград

Б. ТРИ ОСЕНИ

Мне летние просто невнятные улыбки,
И тайны в зиме не найду,
Но я наблюдала почти без ошибки
Три осени в каждом году.

И первая — праздничный беспорядок
Вчерашнему лету назло,
И листья летят, словно клочья тетрадок,
И запах дымка так ладанно-сладок,
Все влажно, пестро и светло.

И первыми в танец вступают березы,
Накинув сквозной убор,
Стряхнув второпях мимолетные слезы
На соседку через забор.

Но эта бывает — чуть начата повесть,
Секунда, минута — и вот
Приходит вторая, бесстрастна, как совесть,
Мрачна, как воздушный налет.

Все кажутся сразу бледнее и старше,
Разграблен летний уют,

И труб золотых отдаленные марши
В пахучем тумане плывут...

И в волнах холодных его фимиама
Сокрыта высокая твердь,
Но ветер рванул, распахнулось — и прямо
Всем стало понятно: кончается драма,
И это не третья осень, а смерть.

6 ноября 1943
Ташкент

6. НА СМОЛЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

А все, кого я на земле застала,
Вы, века прошлого дряхлеющий посев!

. . . . .
Вот здесь кончалось все: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет...
На ветхом цоколе — дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.
Восток еще лежал непознанным пространством
И громыхал вдали, как грозный вражий стан,
А с Запада несло викторианским чванством,
Летели конфетти, и подвывал канкан...

Август 1942
Дюрмень

7. ПОД КОЛОМНОЙ

Шервинским

...Где на четырех высоких лапах
Колокольни звонкие бока
Поднялись, где в поле мятный запах,
И гуляют маки в красных шляпах,
И течет московская река, —
Все бревенчато, дощато, гнуто...
Полноценно цедится минута
На часах песочных. Этот сад
Всех садов и всех лесов дремучей,
И над ним, как над бездонной кручей,
Солнца древнего из сизой тучи
Пристален и нежен долгий взгляд.

1 сентября 1943
Ташкент

Со шпаной в канавке
 Возле кабака,
 С пленными на лавке
 Гру-зо-ви-ка.

Под густым туманом
 Над Москвой-рекой,
 С батькой-атаманом
 В петельке тугой.

Я была со всеми,
 С этими и с теми,
 А теперь осталась
 Я сама с собой.

Август 1946
Фонтанный Дом

9. ПУШКИН

Кто знает, что такое слава!
 Какой ценой купил он право,
 Возможность или благодать
 Над всем так мудро и лукаво
 Шутить, таинственно молчать
 И ногу ножкой называть?..

7 марта 1943
Ташкент

Наше священное ремесло
 Существует тысячи лет...
 С ним и без света миру светло.
 Но еще ни один не сказал поэт,
 Что мудрости нет, и старости нет,
 А может, и смерти нет.

25 июня 1944
Ленинград

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА

(Простые рифмы)

Нет, я не выплакала их.
Они внутри скипелись сами.
И все проходит пред глазами
Давно без них, всегда без них.

. . . . .
Без них меня томит и душит
Обиды и разлуки боль.
Проникла в кровь — трезвит и сушит
Их всежжигающая соль.

Но мнится мне: в сорок четвертом,
И не в июня ль первый день,
Как на шелку возникла стертом
Твоя «страдальческая тень».

Еще на всем печать лежала
Великих бед, недавних гроз,—
И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

*31 мая 1946
Фонтанный Дом*

НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ

Т. В — ой

Дымное исчадье полнолуныя,
Белый мрамор в сумраке аллей,
Роковая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камней.
От таких и погибали люди.
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.

15 июня 1946

CINQUE ¹

Autant que toi sans doute, il te sera fidèle,
Et constant jusqu'à la mort.

Baudelaire ²

1

Как у облака на краю,
Вспоминаю я речь твою,

А тебе от речи моей
Стали ночи светлее дней.

Так, отторгнутые от земли,
Высоко мы, как звезды, шли.

Ни отчаянья, ни стыда
Ни теперь, ни потом, ни тогда.

Но, живого и наяву,
Слышишь ты, как тебя зову.

И ту дверь, что ты приоткрыл,
Мне захлопнуть не хватит сил.

26 ноября 1945

2

Истлевают звуки в эфире,
И заря притворилась тьмой.
В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса: твой и мой.
И под ветер с незримых Ладог,
Сквозь почти колокольный звон,
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.

20 декабря 1945

---

¹ Пять (итал.).

² Как ты ему верна, тебе он будет верен // И не изменит до конца. Бодлер (франц.).— Перевод *Анны Ахматовой*.

3

Я не любила с давних дней,
 Чтобы меня жалели,
 А с каплей жалости твоей
 Иду, как с солнцем в теле.
 Вот отчего вокруг заря.
 Иду я, чудеса творя,
 Вот отчего!

20 декабря 1945

4

Знаешь сам, что не стану славить
 Нашей встречи горчайший день.
 Что тебе на память оставить,
 Тень мою? На что тебе тень?
 Посвящение сожженной драмы,
 От которой и пепла нет,
 Или вышедший вдруг из рамы
 Новогодний страшный портрет?
 Или слышимый еле-еле
 Звон березовых угольков,
 Или то, что мне не успели
 Досказать про чужую любовь?

6 января 1946

5

Не дышали мы сонными маками,
 И своей мы не знаем вины.
 Под какими же звездными знаками
 Мы на горе себе рождены?
 И какое крошечное варево
 Поднесла нам январская тьма?
 И какое незримое зарево
 Нас до света сводило с ума?

11 января 1946

ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ

(КИТЕЖАНКА)

В санях сидя, отправляясь
путем всея земли...

*Поучение Владимира
Мономаха детям*

И Ангел поклялся живущим,
что времени больше не будет.

Апок.

ИЗ ПИСЬМА К ***

(Вместо предисловия)

В первой половине марта 1940 года на полях моих черновиков стали появляться ни с чем не связанные строки. Это в особенности относится к черновику стихотворения «Видение», которое я написала в ночь штурма Выборга и объявления перемирия.

Смысл этих строк казался мне тогда темным и, если хотите, даже странным, они довольно долго не обещали превратиться в нечто целое и как будто были обычными бродячими строчками, пока не пробил их час и они не попали в тот горн, откуда вышли такими, какими вы видите их здесь.

Осенью этого же года я написала еще три не лирические вещи. Сначала хотела присоединить их к «Китежанке» и написать книгу «Маленькие поэмы», но одна из них, «Поэма без героя», вырвалась, перестала быть маленькой, а главное, не терпит никакого соседства; две другие, «Россия Достоевского» и «Пятнадцатилетние руки», претерпели иную судьбу: они, по-видимому, погибли в осажденном Ленинграде, и то, что я восстановила по памяти уже здесь, в Ташкенте, безнадежно фрагментарно. Поэтому «Китежанка» осталась в гордом одиночестве, как говорили наши отцы.

Прямо под ноги пулям,
 Расталкивая года,
 По январям и июлям
 Я проберусь туда...
 Никто не увидит ранку,
 Крик не услышит мой,
 Меня, китежанку,
 Позвали домой.
 И гнались за мною
 Сто тысяч берез,
 Стеклою стеною
 Струился мороз.
 У давних пожарищ
 Обугленный склад.
 «Вот пропуск, товарищ,
 Пустите назад...»
 И воин спокойно
 Отводит штык.
 Как пышно и знойно
 Тот остров возник!
 И красная глина,
 И яблочный сад...
 O salve, Regina! —
 Пылает закат.
 Тропиночка круто
 Взбиралась, дрожа.
 Мне надо кому-то
 Здесь руку пожать...
 Но хриплой шарманки
 Не слушаю стон.
 Не тот китежанке
 Послышался звон.

Окопы, окопы,—
 Заблудишься тут!
 От старой Европы
 Остался лоскут,
 Где в облаке дыма
 Горят города...
 И вот уже Крыма
 Темнеет гряда.

Я плакальщиц стаю
Веду за собой.
О, тихого края
Плащ голубой!..
Над мертвой медузой
Смущенно стою;
Здесь встретила с Музой,
Ей клятву даю.
Но громко смеется,
Не верит: «Тебе ль?»
По капелькам льется
Душистый апрель.
И вот уже славы
Высокий порог,
Но голос лукавый
Предостерег:
«Сюда ты вернешься,
Вернешься не раз,
Но снова споткнешься
О крепкий алмаз.
Ты лучше бы мимо,
Ты лучше б назад,
Хулима, хвалима,
В отеческий сад».

3

Вечерней порою
Сгущается мгла.
Пусть Гофман со мною
Дойдет до угла.
Он знает, как гулок
Задушенный крик
И чей в переулок
Забрался двойник.
Ведь это не шутки,
Что двадцать пять лет
Мне видится жуткий
Один силуэт.
В какой бы кровати
И где б ни спала,
Из страшных объятий
Вставала бела.
«Так, значит, направо?
Вот здесь, за углом?»

Спасибо!» — Канава
И маленький дом.
Не знала, что месяц
Во все посвящен.
С веревочных лестниц
Срывается он,
Спокойно обходит
Покинутый дом,
Где ночь на исходе
За круглым столом
Гляделась в обломок
Разбитых зеркал
И в груди потемок
Зарезанный спал.

4

Чистейшего звука
Высокая власть,
Как будто разлука
Натешилась всласть.
Знакомые зданья
Из смерти глядят —
И будет свиданье
Печальней стократ
Всего, что когда-то
Случилось со мной...
Столицей распятой
Иду я домой.

5

Черемуха мимо
Прокралась, как сон,
И кто-то «Цусима!»
Сказал в телефон.
Скорее, скорее —
Кончается срок:
«Варяг» и «Кореец»
Пошли на восток...
Там ласточкой реет
Старая боль...
А дальше темнеет
Форт Шаброль,
Как прошлого века
Разрушенный склеп,

Где старый калека
Оглох и ослеп.
Суровы и хмуры,
Его сторожат
С винтовками буры.
«Назад, назад!!»

6

Великую зиму
Я долго ждала,
Как белую схиму
Ее приняла.
И в легкие сани
Спокойно сажусь...
Я к вам, китежане,
До ночи вернусь.
За древней стоянкой
Один переход...
Теперь с китежанкой
Никто не пойдет,
Ни брат, ни соседка,
Ни первый жених,—
Лишь хвойная ветка
Да солнечный стих,
Оброненный нищим
И поднятый мной...
В последнем жилище
Меня упокой.

10—12 марта 1940
Фонтанный Дом

БЕГ ВРЕМЕНИ

Пала седьмая завеса тумана,—
Та, за которой приходит весна.

Т. К.

ВЕРЕНИЦА ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

1. БЕГ ВРЕМЕНИ

Что войны, что чума? — конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

*10 июня 1961
Комарово*

2. ИМЯ

Татарское, дремучее
Пришло из никуда,
К любой беде липучее,
Само оно — беда.

1958. Лето

3

За такую скоморошину,
Откровенно говоря,
Мне свинцовую горошину
Ждать бы от секретаря.

1937

А, тебе еще мало по-русски,
И ты хочешь на всех языках
Знать, как круты подъемы и спуски
И почему у нас совесть и страх.

1962

5. К СТИХАМ

Вы так вели по бездорожью,
Как в мрак падучая звезда.
Вы были горечью и ложью,
А утешеньем — никогда.

1961 (?)

6

В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово,
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

1946

7

Взоры огненной огня
И усмешка Леля...
Не обманывай меня,
Первое апреля!

31 мая 1963

8. КОНЕЦ ДЕМОНА

Словно Врубель наш вдохновенный,
Лунный луч тот профиль чертил.
И поведал ветер блаженный
То, что Лермонтов утаил.

1961

За меня не будете в ответе,
 Можете пока спокойно спать.
 Сила — право, только ваши дети
 За меня вас будут проклинять.

1934

10

О своем я уже не заплачу,
 Но не видеть бы мне на земле
 Золотое клеймо неудачи
 На еще безмятежном челе.

13 июня 1962

11

И было сердцу ничего не надо,
 Когда пила я в тот жгучий зной...
 «Онегина» воздушная громада,
 Как облако, стояла надо мной.

14 апреля 1962
 Ленинград

12

...И на этом сквозняке
 Исчезают мысли, чувства...
 Даже вечное искусство
 Нынче как-то налегке!

1943

И скупо оно и богато,
 То сердце... Богатство тай!
 Чего ж ты молчишь виновато?
 Глаза б не глядели мои!

Десятые годы

И слава лебедью плыла
 Сквозь золотистый дым.
 А ты, любовь, всегда была
 Отчаяньем моим.

Десятые годы

Я всем прощение дарую
 И в Воскресение Христа
 Меня предавших в лоб целую,
 А не предавшего — в уста.

*1948 (на Пасху)
 Москва*

И клялись они Серпом и Молотом
 Пред твоим страдальческим концом:
 «За предательство мы платим золотом,
 А за песни платим мы свинцом».

[1960-е]

ИЗ ЗАВЕТНОЙ ТЕТРАДИ

1. ВЫХОД КНИГИ

Тот день всегда необычаен.
Скрывая скуку, горечь, злость,
Поэт — приветливый хозяин,
Читатель — благосклонный гость.

Один ведет гостей в хоромы,
Другой — под своды шалаша,
А третий — прямо в ночь истомы,
Моим — и дыба хороша.

Зачем, какие и откуда
И по дороге в никуда,
Что их влечет — какое чудо,
Какая черная звезда?

Но всем им несомненно ясно,
Каких за это ждать наград,
Что оставаться здесь опасно,
Что это не Эдемский сад.

А вот поди ж! Опять нахлынут,
И этот час неотвратим...
И мимоходом сердце вынут
Глухим сочувствием своим.

*13 августа 1961
Комарово*

2. МНОГИМ

Я — голос ваш, жар вашего дыханья,
Я — отраженье вашего лица.
Напрасных крыл напрасны трепетанья, —
Ведь все равно я с вами до конца.

Вот отчего вы любите так жадно
Меня в грехе и в немощи моей,
Вот отчего вы дали неоглядно
Мне лучшего из ваших сыновей,

Вот отчего вы даже не спросили
Меня ни слова никогда о нем
И чадными хвалами задымили
Мой навсегда опустошенный дом.
И говорят — нельзя теснее слиться,
Нельзя непоправимее любить...

Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою разлучиться,
Так я хочу теперь — забытой быть.

14 сентября 1922

3. НОВОГОДНЯЯ БАЛЛАДА

И месяц, скучая в облачной мгле,
Бросил в горницу тусклый взор.
Там шесть приборов стоят на столе,
И один только пуст прибор.

Это муж мой, и я, и друзья мои
Встречаем новый год.
Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы, жжет?

Хозяин, поднявши полный стакан,
Был важен и недвижим:
«Я пью за землю родных полян,
В которой мы все лежим!»

А друг, поглядевши в лицо мое
И вспомнив Бог весть о чем,
Воскликнул: «А я за песни ее,
В которых мы все живем!»

Но третий, не знавший ничего,
Когда он покинул свет,
Мыслям моим в ответ
Промолвил: «Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет».

1923

Вы меня, как убитого зверя,
 На кровавый подымете крюк,
 Чтоб, хихикая и не веря,
 Иноземцы бродили вокруг
 И писали в почтенных газетах,
 Что мой дар несравненный угас,
 Что была я поэтом в поэтах,
 Но мой пробил тринадцатый час.

5. НАСЛЕДНИЦА

От Саркосельских лип...

Пушкин

Казалось мне, что песня спета
 Средь этих опустелых зал.
 О, кто бы мне тогда сказал,
 Что я наследую всё это:
 Фелицу, лебедя, мосты
 И все китайские затей,
 Дворца сквозные галереи
 И липы дивной красоты.
 И даже собственную тень,
 Всю искаженную от страха,
 И покаянную рубаху,
 И замогильную сирень.

20 ноября 1959
 Ленинград

Если б все, кто помощи душевной
 У меня просил на этом свете,
 Все юродивые и немые,
 Брошенные жены и калеки,
 Каторжники и самоубийцы
 Мне прислали по одной копейке,
 Стала б я «богаче всех в Египте»,—
 Как говаривал Кузмин покойный...

Но они не слали мне копейки,
А со мной своей делились силой.
И я стала всех сильнее на свете,
Так что даже это мне не трудно.

*1961. Вербное воскресенье
Ленинград*

7

Так не зря мы вместе бедовали,
Даже без надежды раз вздохнуть.
Присягнули — проголосовали
И спокойно продолжали путь.

Не за то, что чистой я осталась,
Словно перед Господом свеча,
Вместе с вами я в ногах валялась
У кровавой куклы палача.

Нет! и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл —
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

1961

8. ПОДРАЖАНИЕ КАФКЕ

Другие уводят любимых, —
Я с завистью вслед не гляжу.
Одна на скамье подсудимых
Я скоро полвека сижу.
Вокруг пререканья и давка
И приторный запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.
И там в совещаниях важных,
Как в цепких объятиях сна,
Все три поколения присяжных
Решили: виновна она.
Меняются лица конвоя,
В инфаркте шестой прокурор...

А где-то чернеет от зноя
Огромный небесный простор,
И полное прелести лето
Гуляет на том берегу...
Я это блаженное «где-то»
Представить себе не могу.
Я глохну от зычных проклятий,
Я ватник сносила дотла.
Неужто я всех виноватей
На этой планете была?

1960

Комарово

9

Все ушли, и никто не вернулся,
Только, верный обету любви,
Мой последний, лишь ты оглянулся,
Чтоб увидеть все небо в крови.
Дом был проклят, и проклято дело,
Тщетно песня звенела нежней,
И глаза я поднять не посмела
Перед страшной судьбою моей.
Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол,
Чтоб с сиделками тридцать седьмого
Мыла я окровавленный пол.
Разлучили с единственным сыном,
В казематах пытали друзей,
Окружили невидимым тыном
Крепко слаженной слезки своей.
Наградили меня немотою,
На весь мир окаянно кляня,
Обкормили меня клеветою,
Опоили отравой меня
И, до самого края доведши,
Почему-то оставили там.
Любо мне, городской сумасшедшей,
По предсмертным бродить площадям.

[1930-е], 1960

Что нам разлука? — Лихая забава,
 Беды скучают без нас.
 Спьяну ли ввалится в горницу слава,
 Бьет ли тринадцатый час?

Или забыты, забиты, за... кто там
 Так научился стучать?
 Вот и идти мне обратно к воротам
 Новое горе встречать.

7 июля 1959
 Комарово

11

Запад клеветал и сам же верил,
 И роскошно предавал Восток.
 Юг мне воздух очень скупно мерил,
 Усмехаясь из-за бойких строк.
 Но стоял, как на коленях, клевер,
 Влажный ветер пел в жемчужный рог,
 Так мой старый друг, мой верный Север
 Утешал меня, как только мог.
 В душной изнывала я истоме,
 Задыхалась в смраде и крови,
 Не могла я больше в этом доме...
 Вот когда железная Суоми
 Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
 Радости. А ничего, живи!»

1964
 Комарово

12

Все, кого и не звали, — в Италии,
 Шлют домашним сердечный привет,
 Я осталась в моем зазеркалии,
 Где ни света, ни воздуха нет,

Где за красными занавесками
Все навек повернулось вверх дном...
Так не буду с леонардесками
Переглядываться тайком.
И дышать тишиною запретною
Никогда мной не виданных мест,
И мешаться с толпою несметною
Крутолобых Христовых Невест.

16 апреля 1963

13. НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Что отдал — то твое.

Шота Руставели

Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала,
Я в негашеной извести горю
Под сводами зловонного подвала.

Пусть назовут безмолвною зимой
И вечные навек захлопнут двери,
Но все-таки услышат голос мой
И все-таки ему опять поверят.

[1930-е], 1960

Ленинград

14. АНАФЕМА

Это и не старо, и не ново,
Ничего нет сказочного тут.
Как Отрепьева и Пугачева,
Так меня тринадцать лет клянут.
Неуклонно, тупо и жестоко
И неодолимо, как гранит,
От Либавы до Владивостока
Грозная анафема гремит.

1959

15

Шутки — шутками, а сорок
Гладких лет в тюрьме,
Пиршества из черствых корок,
Чумный страх во тьме,

Одиночество такое,
Что — сейчас в музей,
И предательство двойное
Ближних и друзей.

. . . . .

22 июля 1960
(после операции 7 июля)
Красная Конница

16

Вам жить, а мне не очень,
Тот близок поворот.
О, как он строг и точен,
Незримого расчет.

Зверей стреляют разно,
Есть каждому черед
Весьма разнообразный,
Но волка — круглый год.

Волк любит жить на воле,
Но с волком скор расчет:
На льду, в лесу и в поле
Бьют волка круглый год.

Не плачь, о друг единый,
Коль летом иль зимой
Опять с тропы волчиной
Услышишь голос мой.

1959

17. ЗАЩИТНИКИ СТАЛИНА

Это те, что кричали: «Варраву!
Отпусти нам для праздника...», те,
Что велели Сократу отраву
Пить в тюремной глухой тесноте.

Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клеветущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.

25 октября 1962

ВЕНОК МЕРТВЫМ

І. УЧИТЕЛЬ

Памяти Иннокентия Анненского

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем, предзнаменованьем
Всего, что с нами после совершилось,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленья —
И задохнулся...

1945

II

De profundis¹... Мое поколенья
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленье,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой весны,
До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть...
Две войны, мое поколенья,
Освещали твой страшный путь.

23 марта 1944
Ташкент

III

Б. Пильняку

Все это разгадаешь ты один...
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,
Тот солнечный, тот ландышевый клин

---

¹ Из бездны [взываю] (лат.).

Врывается во тьму декабрьской ночи.
И по тропинке я к тебе иду,
И ты смеешься беззаботным смехом,
Но хвойный лес и камыши в пруду
Ответствуют каким-то странным эхом...
О, если этим мертвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своем, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.

1938

Фонтанный Дом. Ночь

IV

О. М.

Я над ними склонюсь, как над чашей,
В них заветных заметок не счесть —
Окровавленной юности нашей
Это черная нежная весть.

Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,
В той ночи и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.

О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там,—
Это кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам.

Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой.

Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гу-гу...
Это голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу.

5 июля 1957

Комарово

V. ПОЗДНИЙ ОТВЕТ

Белорученька моя, чернокнижница...

М. Ц.

Невидимка, двойник, пересмешник...
Что ты прячешься в черных кустах? —
То забьешься в дырявый скворешник,
То блеснешь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой,
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной.
Поглотила любимых пучина,
И разграблен родительский дом».

. . . . .
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полночной идем.
А за нами таких миллионы
И безмолвнее шествия нет...
А вокруг погребальные звоны
Да московские хриплые стоны
Вьюги, наш заметающей след.

16 марта 1940, 1961

Фонтанный Дом — Красная Конница

VI

Памяти М. Булгакова

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.

Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.

И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,
Лишь голос мой, как флейта, прозвучит
И на твоей безмолвной тризне.

О, кто подумать мог, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней не бывших,

Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех пережившей, все забывшей,

Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.

Март 1940
Фонтанный Дом

VII. БОРИСУ ПАСТЕРНАКУ

1

Б. П.

И снова осень валит Тамсерланом,
В арбатских переулках тишина.
За полустанком или за туманом
Дорога непроезжая черна.
Так вот она, последняя! И ярость
Стихает. Все равно что мир оглох...
Могучая евангельская старость
И тот горчайший гефсиманский вздох.
Здесь всё тебе принадлежит по праву,
Стеной стоят дремучие дожди,
Отдай другим игрушку мира — славу,
Иди домой и ничего не жди.

1947 — 25 октября 1958
Ленинград

2

Как птица, мне ответит эхо.

Б. П.

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рош.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.

1 июня 1960
Москва. Боткинская больница

Словно дочка слепого Эдипа,
Муза к смерти провидца вела,
А одна сумасшедшая липа
В этом траурном мае цвела
Прямо против окна, где когда-то
Он поведал мне, что перед ним
Вьется путь золотой и крылатый,
Где он вышнею волей храним.

11 июня 1960

Москва. Боткинская больница

VIII. НАС ЧЕТВЕРО

Комаровские наброски

Ужели и гитане гибкой
Все муки Данта суждены.

О. М.

Таким я вижу облик Ваш и взгляд.

Б. П.

О, Муза Плача...

М. Ц.

...И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом, хранителем «места сего»
Стала лесная коряга.

Все мы немного у жизни в гостях,
Жить — это только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.

Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это — письмо от Марины.

19—20 ноября 1961

Больница в Гавани

IX

М. З.

Словно дальнему голосу внемлю,
А вокруг ничего, никого.
В эту черную добрую землю
Вы положите тело его.
Ни гранит, ни плакучая ива
Прах легчайший не осенят,
Только ветры морские с залива,
Чтоб оплакать его, прилетят...

1958

Комарово

X. ПАМЯТИ АНТЫ

Пусть это даже из другого цикла...
Мне видится улыбка ясных глаз,
И «умерла» так жалостно приникло
К прозванью милому, как будто первый раз
Я слышала его.

Осень 1960

Красная Конница

XI

Н. П.

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Все кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

1953

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ 30-Х ГОДОВ

1. НЕМНОГО ГЕОГРАФИИ

О. М.

Не столицей европейской
С первым призом за красоту —

Душной ссылкой енисейской,
Пересадкою на Читу,
На Ишим, на Иргиз безводный,
На прославленный Атбасар,
Пересылкою в лагерь Свободный,
В трупный сумрак прогнивших нар,—
Показался мне город этот
Этой полночью голубой,
Он, воспетый первым поэтом,
Нами грешными — и тобой.

1937

2

На стеклах нарастает лед,
Часы твердят: «Не трусь!»
Услышать, что ко мне идет,
И мертвой я боюсь.

Как идола, молю я дверь:
«Не пропускай беду!»
Кто воет за стеной, как зверь,
Кто прячется в саду?

1945

Фонтанный Дом

3

Зачем вы отравили воду
И с грязью мой смешали хлеб?
Зачем последнюю свободу
Вы превращаете в вертеп?
За то, что я не издевалась
Над горькой гибелью друзей?
За то, что я верна осталась
Печальной родине моей?
Пусть так. Без палача и плахи
Поэту на земле не быть.
Нам покаянные рубахи,
Нам со свечой идти и выть.

1935

4. С АРМЯНСКОГО

Я приснюсь тебе черной овцою
На нетвердых, сухих ногах,
Подойду, заблею, завою:
«Сладко ль ужинал, падишах?
Ты вселенную держишь, как бусу,
Светлой волей Аллаха храним..
И пришелся ль сынок мой по вкусу
И тебе и деткам твоим?»

1937(?)

5

Я знаю, с места не сдвинуться
Под тяжестью Виевых век..
О, если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.

С душистою веткой березовой
Под Троицу в церкви стоять,
С боярынею Морозовой
Сладимый медок попивать,

А после на дровнях в сумерки
В навозном снегу тонуть..
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь?

1937

6

В лесу голосуют деревья.

Н. З.

И вот, наперекор тому,
Что смерть глядит в глаза,—
Опять, по слову твоему,
Я голосую за:

То, чтоб дверью стала дверь,
Замок опять замком,
Чтоб сердцем стал угрюмый зверь
В груди... А дело в том,
Что суждено нам всем узнать,
Что значит третий год не спать,
Что значит утром узнавать
О тех, кто в ночь погиб.

1940

7

С Новым годом! С новым горем!
Вот он пляшет, озорник,
Над Балтийским дымным морем,
Кривоног, горбат и дик.
И какой он жребий вынул
Тем, кого застенки минул?
Вышли в поле умирать.
Им светите, звезды неба!
Им уже земного хлеба,
Глаз любимых не видать.

Январь 1940

ЧЕРЕПКИ

You cannot leave your mother an orphan.

Joyce¹

I

Мне, лишенной огня и воды,
Разлученной с единственным сыном...
На позорном помосте беды,
Как под тронным стою балдахинном...

---

¹ Ты не осиротишь мать свою. Джойс (англ.).

II

Семь тысяч и три километра...
Не услышишь, как мать зовет
В грозном вое полярного ветра,
В тесноте обступивших невзгод.

Там дичаешь, звереешь — ты милый! —
Ты последний и первый — ты наш.
Над моей ленинградской могилой
Равнодушная бродит весна...

III

Вот и dospорился яростный спорщик
До енисейских равнин,
Вам он бродяга, шуан, заговорщик,
Мне он — единственный сын...

IV

«...И кто-то приказал мне: —
Говори! Припомни все...»

Леон Фелипе. Дознание

Кому и когда говорила,
Зачем от людей не таю,
Что каторга сына сгноила,
Что Музу засекли мою.

Я всех на земле виноватей
Кто был и кто будет, кто есть...
И мне в сумасшедшей палате
Валяться — великая честь.

* * *

И вовсе я не пророчица,
Жизнь светла, как горный ручей,
А просто мне петь не хочется
Под звон тюремных ключей.

1930-е, 1958

СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ

Всё в жертву памяти твоей.

Пушкин

* * *

Их будет семь — я так решила,
Пора испытывать судьбу,
И первая уж совершила
Свой путь к позорному столбу..

ПЕРВАЯ

Предыстория

Я теперь живу не там...

Пушкин

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольной.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: «Henriette», «Basile», «André»
И пышные гроба: «Шумилов-старший».
Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятих, кажется, годов.

Особенно зимой, перед рассветом,
Иль в сумерки — тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут — Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.

А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем.

Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...).

Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
Под желтой керосиновой лампой,
И тот же плюш на креслах...

Все различно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене — рулетка.

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила,
Ненужный дар моей жестокой жизни...

Страну знобит, а омский каторжанин
Все понял и на всем поставил крест.
Вот он сейчас перемешает все
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем.

Так вот когда мы вздумали родиться
И безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.

*3 сентября 1940. Ленинград
Октябрь 1943. Ташкент*

ВТОРАЯ

О десятих годах

Ты — победительница жизни,
И я — товарищ вольный твой.

Н. Гумилев

И никакого розового детства...
Веснушечек, и мишек, и игрушек,
И добрых тетей, и страшных дядей, и даже
Прятелей средь камешков речных.

Себе самой я с самого начала
То чьим-то сном казалась или бредом,
Иль отраженьем в зеркале чужом,
Без имени, без плоти, без причины.
Уже я знала список преступлений,
Которые должна я совершить.
И вот я, лунатически ступая,
Вступила в жизнь и испугала жизнь.
Она передо мною стлалась лугом,
Где некогда гуляла Прозерпина:
Передо мной, безродной, неумелой,
Открылись неожиданные двери,
И выходили люди и кричали:
«Она пришла, она пришла сама!»
А я на них глядела с изумленьем
И думала: «Они с ума сошли!»
И чем сильнее они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,
Тем мне страшнее было в мире жить
И тем сильнее хотелось пробудиться.
И знала я, что заплачú сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я,— но длилась пытка счастьем.

4 июля 1955
Москва

ТРЕТЬЯ

В том доме было очень страшно жить,
И ни камина жар патриархальный,
Ни колыбелька нашего ребенка,
Ни то, что оба молоды мы были
И замыслов исполнены . . . . .
. . . . . и удача
От нашего порога ни на шаг
За все семь лет не смела отойти,—
Не уменьшали это чувство страха.
И я над ним смеяться научилась
И оставляла капельку вина
И крошки хлеба для того, кто ночью
Собакою царапался у двери
Иль в низкое заглядывал окошко,
В то время как мы за полночь старались
Не видеть, что творится в зазеркалье,

Под чьими тяжеленными шагами
Стонали темной лестницы ступеньки,
Как о пощаде жалостно моля.
И говорил ты, странно улыбаясь:
«Кого они по лестнице несут?»

Теперь ты там, где знают всё,— скажи:
Что в этом доме жило кроме нас?

1921

Царское Село

ЧЕТВЕРТАЯ

Так вот он — тот осенний пейзаж,
Которого я так всю жизнь боялась:
И небо — как пылающая бездна,
И звуки города — как с того света
Услышанные, чуждые навеки.
Как будто всё, с чем я внутри себя
Всю жизнь боролась, получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад...
А в ту минуту за плечом моим
Мой бывший дом еще следил за мною
Прищуренным, неблагосклонным оком,
Тем навсегда мне памятным окном.
Пятнадцать лет — пятнадцатью веками
Гранитными как будто притворились,
Но и сама была я как гранит:
Теперь моли, терзайся, называй
Морской царевной. Все равно. Не надо...
Но надо было мне себя уверить,
Что это все случилось много раз,
И не со мной одной — с другими тоже,—
И даже хуже. Нет, не хуже — лучше.
И голос мой — и это, верно, было
Всего страшней — сказал из темноты:
«Пятнадцать лет назад какой ты песней
Встречала этот день, ты небеса,
И хоры звезд, и хоры вод молила
Приветствовать торжественную встречу
С тем, от кого сегодня ты ушла...»

Так вот твоя серебряная свадьба:
Зови ж гостей, красуйся, торжествуй!»

Март 1942

Ташкент

ПЯТАЯ

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые.

Тютчев

Н. А. О — ой

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.
О, как я много зрелищ пропустила,
И занавес вздымался без меня
И так же падал. Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала,
И сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
А я один на свете город знаю
И ощупью его во сне найду.
И сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вокруг меня
И, может быть, еще когда-нибудь
Меня задушит...
Мне ведомы начала и концы,
И жизнь после конца, и что-то,
О чем теперь не надо вспоминать.
И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, все, что можно.
Я не в свою, увы, могилу лягу.

Но иногда весенний шалый ветер,
Иль сочетанье слов в случайной книге,
Или улыбка чья-то вдруг потянут
Меня в несостоявшуюся жизнь.
В таком году произошло бы то-то,
А в этом — это: ездить, видеть, думать,
И вспоминать, и в новую любовь
Входить, как в зеркало, с тупым сознаньем
Измены и еще вчера не бывшей
Морщинкой...

. . . . .

Но если бы откуда-то взглянула
Я на свою теперешнюю жизнь,
Узнала бы я зависть наконец...

2 сентября 1945

Фонтанный Дом (задумано еще в Ташкенте)

ШЕСТАЯ

Последний ключ — холодный ключ забвенья.
Он слаще всех жар сердца утолит.

Пушкин

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая — как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола —
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...
Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век — и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает — мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!

И вот когда горчайшее приходит
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в. границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку Бог послал,
Прекрасно обошлись без нас — и даже
Всё к лучшему...

5 февраля 1945
Фонтанный Дом

СЕДЬМАЯ

А я молчу, я тридцать лет молчу.
Молчание арктическими льдами
Стоит вокруг бессчетными ночами,
Оно идет гасить мою свечу,
Так мертвые молчат, но то понятно
И менее ужасно. . . . .

Мое молчанье слышится повсюду,
Оно судебный наполняет зал,
И самый гул молвы перекричат
Оно могло бы, и подобно чуду
Оно на всё кладет свою печать.
Оно во всем участвует, о Боже!
Кто мог придумать мне такую роль?
Стать на кого-нибудь чуть-чуть похожей,
О Господи! — мне хоть на миг позволь.

. . . . .
И разве я не выпила цикуту,
Так почему же я не умерла
Как следует — в ту самую минуту?

. . . . .
Нет, не тому, кто ищет эти книги,
Кто их украл, кто даже переплел,
Кто носит их, как тайные вериги,
Кто наизусть запомнил каждый слог

. . . . .
Нет, не к тому летит мое мечтанье,
И не тому отдам я благодать,
А лишь тому, кто смел мое молчанье
На стяге очевидном — написать,

И кто с ним жил, и кто в него поверил,
Кто бездну ту крошечную измерил

. . . . .

Мое молчанье в музыке и песне
И в чьей-то омерзительной любви,
В разлуках, в книгах...

В том, что неизвестней
Всего на свете. . . . .

. . . . .

Я и сама его подчас пугаюсь,
Когда оно всей тяжестью своей
Теснит меня, дыша и надвигаясь.
Защиты нет, нет ничего — скорей.

. . . . .

Кто знает, как оно окаменело,
Как выжгло сердце и каким огнем,
Подумаешь! Кому какое дело,
Всем так уютно и привычно в нем.
Его со мной делить согласны все вы,
Но все-таки оно всегда мое

. . . . .

Оно мою почти сожрало душу,
Оно мою уродует судьбу,
Но я его когда-нибудь нарушу,
Чтоб смерть позвать к позорному столбу.

1958—1964

Ленинград

ПЕСЕНКИ

1. ДОРОЖНАЯ, ИЛИ ГОЛОС ИЗ ТЕМНОТЫ

Кто чего боится,
То с тем и случится,—
Ничего бояться не надо.
Эта песня пета,
Пета, да не эта,
А другая, тоже
На нее похожа...
Боже!

1943

Ташкент

2. ЗАСТОЛЬНАЯ

Под узорной скатертью
    Не видать стола.
Я стихам не матерью —
    Мачехой была.
Эх, бумага белая,
    Строчек ровный ряд.
Сколько раз глядела я,
    Как они горят.
Сплетней изувечены,
    Биты кистенем,
Мечены, мечены
    Каторжным клеймом.

1955

3. ЛЮБОВНАЯ

А ведь мы с тобой
    Не любилися,
Только всем тогда
    Поделилися.
Тебе — белый свет,
    Пути вольные,
Тебе зорюшки
    Колокольные.
А мне ватничек
    И ушаночку.
Не жалея меня,
    Каторжаночку.

1955

4. ЛИШНЯЯ

Тешил — ужас. Грела — вьюга,
Вел вдоль смерти — мрак.
Отняты мы друг у друга...
Разве можно так?
Если хочешь — расколдую,
Доброй быть позволь:
Выбирай себе любую,
Но не эту боль.

Июль 1959
Комарово

5. ПРОЩАЛЬНАЯ

Не смеялась и не пела,
Целый день молчала,
А всего с тобой хотела
С самого начала:
Беззаботной первой ссоры,
Полной светлых бредней,
И безмолвной, черствой, скорой
Трапезы последней.

1959

6. ПОСЛЕДНЯЯ

Услаждала бредами,
Пением могил.
Наделяла бедами
Свыше всяких сил.
Занавес неподнятый,
Хоровод теней,—
Оттого и отнятый
Был мне всех родней.
Это все повседано
Самой глуби роз.
Но забыть мне не дано
Вкус вчерашних слез.

24 января 1964

ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ

Из сожженной тетради

And thou art distant in humanity.

*Keats*¹

Вместо праздничного поздравленья
Этот ветер, жесткий и сухой,
Принесет вам только запах тленья,
Привкус дыма и стихотворенья,
Что моей написаны рукой.

24 декабря 1959

---

¹ И ты далеко в человечестве. Д. Китс (англ.).

1. СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ

Уже красуется на книжной полке
Твоя благополучная сестра,
А над тобою звездных стай осколки
И под тобою угольки костра.
Как ты молила, как ты жить хотела,
Как ты боялась едкого огня!
Но вдруг твое затрепетало тело,
А голос, улетая, клял меня.
И сразу все зашелестели сосны
И отразились в недрах лунных вод.
А вокруг костра священнейшие весны
Уже вели надгробный хоровод.

1961

2. НАЯВУ

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

13 июня 1946

3. ВО СНЕ

Черную и прочную разлуку
Я несусь с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку:
Обещай опять прийти во сне.
Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.

15 февраля 1946

И увидел месяц лукавый,
 Притаившийся у ворот,
 Как свою посмертную славу
 Я меняла на вечер тот.

Теперь меня позабудут,
 И книги сгниют в шкафу.
 Ахматовской звать не будут
 Ни улицу, ни строфу.

27 января 1946
Ленинград

Дорогою ценой и нежданной
 Я узнала, что помнишь и ждешь.
 А быть может, и место найдешь
 Ты — могилы моей безымянной.

Август 1946
Фонтанный Дом

6. ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА

Таинственной невстречи
 Пустынны торжества,
 Несказанные речи,
 Безмолвные слова.
 Нескрещенные взгляды
 Не знают, где им лечь.
 И только слезы рады,
 Что можно долго течь.
 Шиповник Подмосковья,
 Увы! при чем-то тут...
 И это всё любовью
 Бессмертной назовут.

5 декабря 1956

7. ДРУГАЯ ПЕСЕНКА

Несказанные речи
Я больше не твержу,
Но в память той невестречи
Шиповник посажу.

Как сияло там и пело
Нашей встречи чудо,
Я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне усладой
Счастье вместо долга,
Говорила с кем не надо,
Говорила долго.
Пусть влюбленных страсти душат,
Требую ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.

1957

Комарово. Лето

8. СОН

Сладко ль видеть неземные сны?

А. Блок

Был вещим этот сон или не вещим...
Марс воссиял среди небесных звезд,
Он алым стал, искрящимся, зловещим,—
А мне в ту ночь приснился твоей приезд.

Он был во всем... И в баховской Чаконе,
И в розах, что напрасно расцвели,
И в деревенском колокольном звоне
Над чернотой распаханной земли.

И в осени, что подошла вплотную
И вдруг, раздумав, спряталась опять.
О август мой, как мог ты вестъ такую
Мне в годовщину страшную отдать!

Чем отплачу за царственный подарок?
Куда идти и с кем торжествовать?
И вот пишу, как прежде без помарок,
Мои стихи в сожженную тетрадь.

14 августа 1956

Старки—Москва

По той дороге, где Донской
 Вел рать великую когда-то,
 Где ветер помнит супостата,
 Где месяц желтый и рогатый,—
 Я шла, как в глубине морской...
 Шиповник так благоухал,
 Что даже превратился в слово,
 И встретить я была готова
 Моей судьбы девятый вал.

1956

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
 Такой на свете быть не может.
 Ни врач не исцелит, не утолит поэт,—
 Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
 Мы встретились с тобой в невероятный год,
 Когда уже иссякли мира силы,
 Все было в трауре, все никло от невзгод,
 И были свежи лишь могилы.
 Без фонарей как смоль был черен невиский вал,
 Глухонемая ночь вокруг стеной стояла...
 Так вот когда тебя мой голос вызывал!
 Что делала — сама еще не понимала.
 И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
 По осени трагической ступая,
 В тот навсегда опустошенный дом,
 Откуда унеслась стихов казненных стая.

18 августа 1956
 Старки

11. В РАЗБИТОМ ЗЕРКАЛЕ

Непоправимые слова
 Я слушала в тот вечер звездный,
 И закружилась голова,
 Как над пылающею бездной.
 И гибель была у дверей,
 И ухал черный сад, как филин,
 И город, смертно обессилен,
 Был Трои в этот час древней.

Тот час был нестерпимо ярок
И, кажется, звенел до слез.
Ты отдал мне не тот подарок,
Который издалика вез.
Казался он пустой забавой
В тот вечер огненный тебе.
А он был мировой славой
И грозным вызовом Судьбе.
И он всех бед моих предтеча,—
Не будем вспоминать о нем!..
Несостоявшаяся встреча
Еще рыдает за углом.

1956

12

Ты опять со мной, подруга осени!
Ин. Анненский

Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень — и осень в подруги
Я выбрала в этом году.

Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
И, кажется, тайно глядится Суоми
В пустые свои зеркала.

Иду между черных приземистых елок,
Там вереск на ветер похож,
И светится месяца тусклый осколок,
Как финский зазубренный нож.

Сюда принесла я блаженную память
Последней невстречи с тобой —
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.

1956

Комарово

Вижу я, лебедь тешится моя.

Пушкин

Ты напрасно мне под ноги мечешь
И величье, и славу, и власть.
Знаешь сам, что не этим излечишь
Песнопения светлую страсть.

Разве этим развеешь обиду?
Или золотом лечат тоску?
Может быть, я и сдамся для виду.
Не притронусь я дулом к виску.

Смерть стоит всё равно у порога,
Ты гони ее или зови.
А за нею темнеет дорога,
По которой ползла я в крови,

А за нею десятилетия
Скуки, страха и той пустоты,
О которой могла бы пропеть я,
Да боюсь, что расплачешься ты.

Что ж, прощай. Я живу не в пустыне.
Ночь со мной и всегдашняя Русь.
Так спаси же меня от гордыни,
В остальном я сама разберусь.

9 апреля 1958
Москва

Против воли я твой, царица, берег покинул.
«Энеида», песнь 6

Ромео не было, Эней, конечно, был.
А. Ахматова

Не пугайся,— я еще похожей
Нас теперь изобразить могу.
Призрак ты — иль человек прохожий,
Тень твою зачем-то берегу.

Был недолго ты моим Энеем,—
Я тогда отделалась костром.

Друг о друге мы молчать умеем.
И забыл ты мой проклятый дом.

Ты забыл те, в ужасе и в муке,
Сквозь огонь протянутые руки
И надежды окаянной весть.

Ты не знаешь, что тебе простили...
Создан Рим, плывут стада флотилий,
И победу славословит лесть.

2 августа 1962
Комарово

15. ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

Последнее слово

Men che dramma
Di sangue m'è rimaso, che non tremi¹

Purg. XXX

Ты стихи мои требуешь прямо...
Как-нибудь проживешь и без них.
Пусть в крови не осталось ни грамма,
Не впитавшего горечи их.

Мы сжигаем несбыточной жизни
Золотые и пышные дни,
И о встрече в небесной отчизне
Нам ночные не шепчут огни.

Но от наших великолепий
Холодочка струится волна,
Словно мы на таинственном склепе
Чьи-то, вздрогнув, прочли имена.

Не придумать разлуки бездонней,
Лучше б сразу тогда — наповал...
И, ты знаешь, что нас разлученней
В этом мире никто не бывал.

1962
Москва

---

¹ Меньше, чем на драхму, осталось у меня крови, которая бы не содрогалась.— Данте. Чистилище, 30 (итал.).

И это станет для людей
 Как времена Веспасиана,
 А было это — только рана
 И муки облачко над ней.

*18 декабря 1964. Ночь
 Рим*

АНТИЧНАЯ СТРАНИЧКА

I. СМЕРТЬ СОФОКЛА

Тогда царь понял, что умер Софокл.
Легенда

На дом Софокла в ночь слетел с небес орел,
 И мрачно хор цикад вдруг зазвенел из сада.
 А в этот час уже в бессмертье гений шел,
 Минуя вражий стан у стен родного града.
 Так вот когда царю приснился странный сон:
 Сам Дионис ему снять повелел осаду,
 Чтоб шумом не мешать обряду похорон
 И дать афинянам почтить его отраду.

1958—1961

II. АЛЕКСАНДР У ФИВ

Наверно, страшен был и грозен юный царь,
 Когда он произнес: «Ты уничтожишь Фивы».
 И старый вождь узрел тот город горделивый,
 Каким он знал его еще когда-то встарь.
 Всё, всё предать огню! И царь перечислял
 И башни, и врата, и храмы — чудо света,
 Как будто для него уже иссякла Лета,
 Но вдруг задумался и, просветлев, сказал:
 «Ты только присмотри, чтоб цел был Дом Поэта».

*Октябрь 1961
 Ленинград. Больница в Гавани*

ТАЙНЫ РЕМЕСЛА

1. ТВОРЧЕСТВО

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.
Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже слышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки,—
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

5 ноября 1936
Фонтанный Дом

2

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

21 января 1940

3. МУЗА

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гу-гу.

4. ПОЭТ

Подумаешь, тоже работа,—
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.

И чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет среди блещущих нив.

А после подслушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.

Налево беру и направо,
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой,
И все — у ночной тишины.

*Лето 1959
Комарово*

5. ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастным
И главное скрытным. О нет! —
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настезь распахнут поэт.

И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта позорное пламя
Его заклеямило чело.

А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Там все, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то назначенный час.

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят,

За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая,
Беседы блаженнейший эной.

Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен —
Поэта неведомый друг.

*23 июля 1959
Комарово*

6. ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Одно, словно кем-то встревоженный гром,
С дыханием жизни врывается в дом,
Смеется, у горла трепещет,
И кружится, и рукоплещет.

Другое, в полночной родясь тишине,
Не знаю откуда крадется ко мне,
Из зеркала смотрит пустого
И что-то бормочет сурово.

А есть и такие: среди белого дня,
Как будто почти что не видя меня,
Струятся по белой бумаге,
Как чистый источник в овраге.

А вот еще: тайное бродит вокруг —
Не звук и не цвет, не цвет и не звук, —
Гранится, меняется, вьется,
А в руки живым не дается.

Но это!.. по капельке выпило кровь,
Как в юности злая девчонка — любовь,
И, мне не сказавши ни слова,
Безмолвием сделалось снова.

И я не знавала жесточе беды.
Ушло, и его протянулись следы
К какому-то крайнему краю,
А я без него... умираю.

1 декабря 1959
Ленинград

7. ЭПИГРАММА

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!

1958

8. ПРО СТИХИ НАРБУТА

Это — выжимки бессонниц,
Это — свеч кривых нагар,
Это — сотен белых звонниц
Первый утренний удар...
Это — теплый подоконник
Под черниговской луной,
Это — пчелы, это — донник,
Это — пыль, и мрак, и зной.

Апрель 1940
Москва

9

Многое еще, наверно, хочет
Быть воспетым голосом моим!
То, что, бессловесное, грохочет,
Иль во тьме подземный камень точит,

Или пробивается сквозь дым.
У меня не выяснены счета
С пламенем, и ветром, и водой...
Оттого-то мне мои дремоты
Вдруг такие распахнут ворота
И ведут за утренней звездой.

1942

Ташкент

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ ОДА

Девятисотые годы

А в переулке забор дощатый...

Н. Г.

Настоящую оду
Нашептало... Постой,
Царскосельскую одурь
Прячу в ящик пустой,
В роковую шкатулку,
В кипарисный ларец,
А тому переулку
Наступает конец.
Здесь не Тёмник, не Шуя —
Город парков и зал,
Но тебя опишу я,
Как свой Витебск — Шагал.
Тут ходили по струнке,
Мчался рыжий рысак,
Тут еще до чугулки
Был знатнейший кабак.
Фонари на предметы
Лили матовый свет,
И придворной кареты
Промелькнул силуэт.
Так мне хочется, чтобы
Появиться могли
Голубые сугробы

С Петербургом вдали.
Здесь не древние клады,
А дощатый забор,
Интендантские склады
И извозничий двор.
Шепелявя неловко
И с грехом пополам,
Молодая чертовка
Там гадает гостям.
Там солдатская шутка
Льется, желчь не тая...
Полосатая будка
И махорки струя.
Драли песнями глотку
И клялись попадьею,
Пили допоздна водку,
Заедали кутьей.
Ворон криком прославил
Этот призрачный мир...
А на розвальнях правил
Великан-кирасир.

*3 августа 1961
Комарово*

ГОРОДУ ПУШКИНА

И царскосельские хранительные сени...

Пушкин

1

О, горе мне! Они тебя сожгли...
О, встреча, что разлуки тяжелее!..
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

*8 ноября 1945
Фонтанный Дом*

Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли,
 Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
 Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
 А лицейские гимны все так же заздравно звучат.

Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
 Я в беспомыслии дней забывала течение годов,—
 И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
 Очертанья живые моих царскосельских садов.

4 октября 1957
Москва

РИСУНОК НА КНИГЕ СТИХОВ

Он не траурный, он не мрачный,
 Он почти как сквозной дымок,
 Полуброшенной новобрачной
 Черно-белый легкий веночек.
 А под ним тот профиль горбатый,
 И парижской челки атлас,
 И зеленый, продолговатый,
 Очень зорко видящий глаз.

23 мая 1958

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь все меня переживет,
 Все, даже ветхие скворешни
 И этот воздух, воздух вешний,
 Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
 С неодолимостью нездешней.
 И над цветущей черешней
 Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаше изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Там среди стволов еще светлее,
И всё похоже на аллею
У царскосельского пруда.

*Июнь 1958
Комарово*

МУЗЫКА

Д. Д. Ш.

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.
Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.

*31 января 1958
Ленинград*

СЛУШАЯ ПЕНИЕ

Женский голос, как ветер, несется,
Черным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснется —
Все становится сразу иным.
Заливает алмазным сияньем,
Где-то что-то на миг серебрит
И загадочным одеяньем
Небывалых шелков шелестит.
И такая могучая сила
Зачарованный голос влечет,
Будто там впереди не могила,
А таинственной лестницы взлет.

*19 декабря 1961 (Никола Зимний)
Больница им. Ленина
(Вишневская пела «Бразильскую «бахиану»)*

ОТРЫВОК

...И мне показалось, что это огни
Со мною летят до рассвета,
И я не дозналась — какого они,
Глаза эти странные, цвета.

И все трепетало и пело вокруг,
И я не узнала — ты враг или друг,
Зима это или лето.

*21 июня 1959 (Троица)
Москва*

БЕЗ ДАТЫ

А человек, который для меня
Теперь никто, а был моей заботой
И утешеньем самых горьких лет,
Уже бредет, как призрак по окраинам,
По закоулкам и задворкам жизни,
Тяжелый, одурманенный безумьем,
С оскалом волчьим...

Боже, Боже, Боже!

Как пред тобой я тяжело согрешила!
Оставь мне жалость хоть.....

13 января 1945

* * *

Опять подошли «незабвенные даты»,
И нет среди них ни одной не проклятой.

Но самой проклятой восходит заря...
Я знаю: колотится сердце не зря —

От звонкой минуты пред бурей морскою
Оно наливается мутной тоскою.

И даже сегодняшний ветреный день
Преступно хранит прошлогоднюю тень,

Как тихий, но явственный стук из подполья,
И сердце на стук отзывается болью.

Я все заплатила до капли, до дна,
Я буду свободна, я буду одна.

На прошлом я черный поставила крест,
Чего же ты хочешь, товарищ зюйд-вест,

Что ломятся в комнату липы и клены,
Гудит и бесчинствует табор зеленый.

И к брюху мостов подкатила вода? —
И всё как тогда, и всё как тогда.

Все ясно — кончается злая неволя,
Сейчас я пройду через Марсово Поле,

А в Мраморном крайнее пусто окно,
Там пью я с тобой ледяное вино,

И там попрощаюсь с тобою навек,
Мудрец и безумец — дурной человек.

Лето 1944—1945, 21 июля 1959
Ленинград

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

9 июля 1959
Ленинград

* * *

Не стражай меня грозной судьбой
И великою северной скукой.
Нынче праздник наш первый с тобой,
И зовут этот праздник — разлукой.
Ничего, что не встретим варю,
Что луна не блуждала над нами,
Я сегодня тебя одарю
Небывальными в мире дарами:
Отраженьем моим на воде
В час, как речке вечерней не спится,
Взглядом тем, что падучей звезде
Не помог в небеса возвратиться,
Эхом голоса, что изнемог,
А тогда был и свежий и летний,—
Чтоб ты слышать без трепета мог
Воронья подмосковного сплетни,
Чтобы сырость октябрьского дня
Стала слаще, чем майская нега...
Вспоминай же, мой ангел, меня,
Вспоминай хоть до первого снега.

15 октября 1959
Ярославское шоссе

ИЗ ЦИКЛА «ТАШКЕНТСКИЕ СТРАНИЦЫ»

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыжи,
И Азией пахли гвоздики.

И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной,—
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.

То мог быть Стамбул или даже Багдад,
Но, увы! не Варшава, не Ленинград,—
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.

И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.

Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой...

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

*1 декабря 1959
Красная Конница*

МАРТОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Прошлогодних сокровищ моих
Мне надолго, к несчастью, хватит.
Знаешь сам, половины из них
Злая память никак не истратит:
Набок сбившийся куполок,
Грай вороний, и вопль паровоза,
И как будто отбившая срок
Ковылявшая в поле береза,
И огромных библейских дубов
Полуно́чная тайная сходка,
И из чьих-то приплывшая снов
И почти затонувшая лодка...
Побелив эти пашни чуть-чуть,

АННА АХМАТОВА. 1920-е годы

«МОЙКА. БЕЛАЯ НОЧЬ». 1927.

Художник А. Осмеркин

Там предзимье уже побродило,
Дали все в непроглядную муть
Ненароком оно превратило.
И казалось, что после конца
Никогда ничего не бывает...
Кто же бродит опять у крыльца
И по имени нас окликает?
Кто приник к ледяному стеклу
И рукою, как веткою, машет?..
А в ответ в паутином углу
Зайчик солнечный в зеркале пляшет.

*Февраль 1960
Ленинград*

ЭХО

В прошлое давно пути закрыты,
И на что мне прошлое теперь?
Что там? — окровавленные плиты,
Или замурованная дверь,
Или эхо, что еще не может
Замолчать, хотя я так прошу...
С этим эхом приключилось то же,
Что и с тем, что в сердце я ношу.

*25 сентября 1960
Комарово*

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
К широкой осени московской.
Там всё теперь сияет, всё в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

1944—1950

И в памяти черной пошарив, найдешь
 До самого локтя перчатки,
 И ночь Петербурга. И в сумраке лож
 Тот запах и душный и сладкий.
 И ветер с залива. А там, между строк,
 Минуя и ахи и охи,
 Тебе улыбнется презрительно Блок —
 Трагический тенор эпохи.

1960

Он прав — опять фонарь, аптека,
 Нева, безмолвие, гранит...
 Как памятник началу века,
 Там этот человек стоит —
 Когда он Пушкинскому Дому,
 Прощаясь, помахал рукой
 И принял смертную истому
 Как незаслуженный покой.

7 июня 1946

ИЗ «ЧЕРНЫХ ПЕСЕН»

Слова, чтоб тебя оскорбить...

И. Анненский

I

Прав, что не взял меня с собой
 И не назвал своей подругой,
 Я стала песней и судьбой,
 Сквозной бессонницей и вьюгой.

. . . . .

Меня бы не узнали вы
 На пригородном полустанке
 В той молодящейся, увы,
 И деловитой парижанке.

1961

Комарово

II

Всем обещаньям вопреки
И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне...
Ничем не мог ты мне помочь.
Зачем же снова в эту ночь
Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж,
Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж,
Как плакальщица выл...
Он больше без меня не мог:
Пускай позор, пускай острог...
Я без него могла.

1961
Комарово

ПЕТЕРБУРГ В 1913 ГОДУ

За заставой воет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка
На заплеванной мостовой.
Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.
В черном ветре злоба и воля.
Тут уже до Горячего Поля,
Вероятно, рукой подать.
Тут мой голос смолкает вещий,
Тут еще чудеса похлеще,
Но уйдем — мне некогда ждать.

1961

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не берedit,

Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

1 декабря 1961

Ленинград. Больница в Гавани

* * *

Вот она, плодоносная осень!
Поздновато ее привели.
А пятнадцать блаженнейших весен
Я подняться не смела с земли,
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.

13 сентября 1962

Комарово

ПРИ НЕПОСЫЛКЕ ПОЭМЫ

Приморские порывы ветра,
И дом, в котором не живем,
И тень заветнейшего кедра
Перед запретнейшим окном...
На свете кто-то есть, кому бы
Послать все эти строки. Что ж!
Пусть горько улыбнутся губы,
А сердце снова тронет дрожь.

1963

ТРИЛИСТНИК МОСКОВСКИЙ

1. ПОЧТИ В АЛЬБОМ

Услышишь гром и вспомнишь обо мне,
Подумаешь: она грозы желала...
Полоска неба будет твердо-алой,
А сердце будет как тогда — в огне.
Случится это в тот московский день,
Когда я город навсегда покину
И устремлюсь к желанному притину,
Свою меж вас еще оставив тень.

2. БЕЗ НАЗВАНИЯ

Среди морозной праздничной Москвы,
Где протекает наше расставанье
И где, наверное, прочтете вы
Прощальных песен первое издание —
Немного удивленные глаза:
«Что? Что? Уже? Не может быть!» — «Конечно!..»
И святочного неба бирюза,
И все кругом блаженно и безгрешно...

Нет, так не расставался никогда
Никто ни с кем, и это нам награда
За подвиг наш.

3. ЕЩЕ ТОСТ

За кротость твою и за верность мою,
За то, что мы в страшном с тобою краю,
Что мы заколдованы, прокляты мы,
Но не было в мире прекрасней зимы,
И не было в небе узорней крестов,
Воздушной цепочек, длиннее мостов...
За то, что над нами стряется потом,
За третье что-то над явью и сном.

1961—1963

ПЯТАЯ РОЗА

Дм. Б — ву

1

Звалась Soleil¹ ты или Чайной
И чем еще могла ты быть,
Но стала столь необычайной,
Что не хочу тебя забыть.

2

Ты призрачным сияла светом,
Напоминая райский сад,
Быть и петрарковским сонетом
Могла, и лучшей из сонат.

3

И губы мы в тебе омочим,
А ты мой дом благослови,
Ты как любовь была... Но, впрочем,
Тут дело вовсе не в любви.

*Нач. 3 августа (полдень),
под «Венгерский дивертисмент» Шуберта
Оконч. 30 сентября 1963. Будка*

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА

Вы напишете о нас наискосок.

И. Б.

Мне с Морозовою класть поклоны,
С падчерицей Ирода плясать,
С дымом улетать с костра Дидоны,
Чтобы с Жанной на костер опять.
Господи! Ты видишь, я устала
Воскресать, и умирать, и жить.
Все возьми, но этой розы алой
Дай мне свежесть снова ощутить.

*9 августа 1962
Комарово*

---

¹ Солнце (франц.).

Rosa moretur.

Hor. 1. 1¹

Ты, верно, чей-то муж и ты любовник чей-то,
В шкатулке без тебя еще довольно тем,
И просит целый день божественная флейта
Ей подарить слова, чтоб льнули к звукам тем.
И загладелась я не на тебя совсем,
Но сколько предо мной ночных аллей-то,
И сколько в сентябре прощальных хризантем.

. . . . .
Пусть все сказал Шекспир, милее мне Горацій,
Он сладость бытия таинственно постиг...
А ты поймал одну из сотых интонаций,
И все недолжное случилось в тот же миг.

1963

ПОЛНОЧНЫЕ СТИХИ

Семь стихотворений

Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит...

Решка

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

По волнам блуждаю и прячусь в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою — едва ли.

Лето 1963

1. ПРЕДВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

...toi qui m'as consolée.

*Gerard de Nerval*²

Меж сосен метель присмирела,
Но, пьяная и без вина,
Там, словно Офелия, пела
Всю ночь нам сама тишина.

¹ Роза медлит умирать. Г о р а ц и й, кн. 1 (лат.).

² ...Ты, который меня утешил. Ж е р а р д е Н е р в а л ь (франц.).

А тот, кто мне только казался,
Был с той обручен тишиной,
Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.

10 марта 1963
Комарово

2. ПЕРВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Какое нам в сущности дело,
Что все превращается в прах,
Над сколькими безднами пела
И в скольких жила зеркалах.
Пускай я не сон, не отрада
И меньше всего благодать,
Но, может быть, чаще, чем надо,
Придется тебе вспоминать —
И гул затихающих строчек,
И глаз, что скрывает на дне
Тот ржавый колючий веночек
В тревожной своей тишине.

6 июня 1963
Москва

3. В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

O quae beatam, Diva, tenes
Cyprum et Memphin...

Hor.¹

Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать — та, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты подвигаешь кресло ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем — не знаем сами,
Но с каждым мигом нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.

5 июля 1963
Комарово

---

¹ О, богиня, которая владычествует над счастливым островом Кипром и Мемфисом... Гораций (лат.).

4. ТРИНАДЦАТЬ СТРОЧЕК

И наконец ты слово произнес
Не так, как те... что на одно колено —
А так, как тот, кто вырвался из плена
И видит сень священную берез
Сквозь радугу невольных слез.
И вокруг тебя запела тишина,
И чистым солнцем сумрак озарился,
И мир на миг один преобразился,
И странно изменился вкус вина.
И даже я, кому убийцей быть
Божественного слова предстояло,
Почти благоговейно замолчала,
Чтоб жизнь благословенную продлить.

8—12 августа 1963

5. ЗОВ

Allegro dolente
Бетховен, op. 110

В которую-то из сонат
Тебя я спрячу осторожно.
О! как ты позовешь тревожно,
Непоправимо виноват
В том, что приблизился ко мне
Хотя бы на одно мгновенье...
Твоя мечта — исчезновенье,
Где смерть лишь жертва тишине.

1 июля 1963

6. НОЧНОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Все ушли, и никто не вернулся.

Не на листопадовом асфальте
Будешь долго ждать.
Мы с тобой в Адажио Вивальди
Встретимся опять.
Снова свечи станут тускло-желты
И закляты сном,
Но смычок не спросит, как вошел ты
В мой полночный дом.
Протекут в немом смертельном стоне
Эти полчаса,
Прочитаешь на моей ладони
Те же чудеса.

И тогда тебя твоя тревога,
Ставшая судьбой,
Уведет от моего порога
В ледяной прибой.

*10—13 сентября 1963
Комарово*

7. И ПОСЛЕДНЕЕ

Была над нами, как звезда над морем,
Ища лучом девятый смертный вал,
Ты называл ее бедой и горем,
А радостью ни разу не назвал.

Днем перед нами ласточкой кружила,
Улыбкой расцветала на губах,
А ночью ледяной рукой душила
Обоих разом. В разных городах.

И никаким не внемля славословьям,
Перезабыв все прежние грехи,
К бессоннейшим припавши изголовьям,
Бормочет окаянные стихи.

23—25 июля 1963

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

А там, где сочиняют сны,
Обоим — разных не хватило,
Мы видели один, но сила
Была в нем как приход весны.

4 мая 1965

ЧЕРЕЗ 23 ГОДА

Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебнейший вечер,—
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Все уходит — мне снишься ты,
Доплясавший свое пред ковчегом.

За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным берегом,
Голос твой из недр темноты.

И по имени! Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде,— ты.

13 мая 1963

Комарово. Холодно, сыро, мелкий дождь

* * *

Все в Москве пропитано стихами,
Рифмами проколото насквозь.
Пусть безмолвие царит над нами,
Пусть мы с рифмой поселимся врозь,
Пусть молчанье будет тайным знаком
Тех, кто с вами, а казался мной,
Вы ж соединитесь тайным браком
С девственной горчайшей тишиной,
Что во тьме гранит подземный точит
И волшебный замыкает круг,
А в ночи над ухом смерть пророчит,
Заглушая самый громкий звук.

1963

Москва

ПАМЯТИ В. С. СРЕЗНЕВСКОЙ

Почти не может быть, ведь ты была всегда:
В тени блаженных лиц, в блокаде и в больнице,
В тюремной камере и там, где злые птицы,
И травы пышные, и страшная вода.
О, как менялось всё, но ты была всегда,
И мнится, что души отъяли половину,
Ту, что была тобой,— в ней знала я причину
Чего-то главного. И все забыла вдруг...
Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! попробую.

9 сентября 1964

Комарово

В ВЫБОРГЕ

О. А. Л-ской

Огромная подводная ступень,
Ведущая в Нептуновы владенья,—
Там стынет Скандинавия, как тень,
Вся — в ослепительном одном виденье.
Безмолвна песня, музыка нема,
Но воздух жжется их благоуханьем,
И на коленях белая зима
Следит за всем с молитвенным вниманьем.

25 сентября 1964
Комарово (Озерная, днем)

* * *

Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

25 сентября 1964
Комарово

* * *

Не мудрено, что похоронным звоном
Звучит порой непокоренный стих.
Пустынно здесь! Уже за Ахероном
Три четверти читателей моих.

А вы, друзья! Осталось вас немного,
Последние, вы мне еще милей...
Какой короткой сделалась дорога,
Которая казалась всех длинней.

3 марта 1958
Большево
Комн. № 7

ИЗ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

* * *

Когда я называю по привычке
Моих друзей заветных имена,
Всегда на этой странной перекличке
Мне отвечает только тишина.

8 ноября 1943
Ташкент

* * *

И осталось из всего земного
Только хлеб насущный твой,
Человека ласковое слово,
Чистый голос полевой.

1941

* * *

От странной лирики, где каждый шаг — секрет,
Где пропасти налево и направо,
Где под ногой, как лист увядший, слава,
По-видимому, мне спасенья нет.

Осень 1944

* * *

Не повторяй — душа твоя богата —
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама —
Одна великолепная цитата.

19 сентября 1956

* * *

Мы не встречаться больше научились,
Не поднимаем друг на друга глаз,
Но даже сами бы не поручились
За то, что с нами будет через час.

1964

* * *

Любовь всех раньше станет смертным прахом,
Смирится гордость, и умолкнет лесть.
Отчаянье, приправленное страхом,
Почти что невозможно перенести.

* * *

И яростным вином блудодеянья
Они уже упились до конца.
Им чистой правды не видать лица
И слезного не ведать покаянья.

1958

* * *

А я иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник — только тень,
И веет ветер из глухого сада,
А под ногой могильная сирень.

1964

ИЗ «ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ»

Стихи на случай

Светает — это Страшный суд.
И встреча горестней разлуки,
Там мертвой славе отдадут
Меня — твои живые руки.

Июнь 1964
Москва

* * *

Не в таинственную беседку
Поведет этот пламенный мост:
Одного в золоченую клетку,
А другую на красный помост.

5 августа 1965

* * *

А как музыка зазвучала,
Я очнулась — вокруг зима;
Стало ясно, что у причала
Государыня-смерть сама.

1965

---

* * *

Кого когда-то называли люди
Царем в насмешку, Богом в самом деле,
Кто был убит — и чье орудье пытки
Согрето теплотой моей груди...

Вкусили смерть свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима — все прошли
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утес,—
Их выпили в вине, вдохнули с пылью жаркой
И с запахом священных роз.

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор — к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное Слово.

1945

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

1940—1942
Ленинград — Ташкент

Tout le monde a raison.

*La Rochefoucault*¹

Deus coservat omnia.²

Девиз в гербе на воротах дома, в котором я жила, когда писала поэму.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Ah, distinctly I remember
It was in the black december».

*«The Raven»*³

Она пришла ко мне в ночь с 26-го на 27-ое декабря 1940 г., прислав, как вестницу, еще осенью отрывок «Ты в Россию пришла ниоткуда...».

Я не звала ее. Я даже не ждала ее в этот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы.

Появлению ее предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска первой части («1913 год») и «Посвящение». В начале января я, почти не отрываясь, написала «Решку», а в Ташкенте (в два

¹ Все правы. Ларошфуко (франц.).

² Бог хранит всё (лат.).

³ А я отчетливо помню: это было в стилом декабре. Эдгар По. «Ворон» (англ.).

приема) — «Эпилог», ставший третьей частью поэмы, и сделала много вставок в две первые части.

Всю эту поэму я посвящаю памяти ее первых слушателей, погибших в Ленинграде во время осады, чему не противоречат первоначальные посвящения, которые продолжают жить в поэме своей жизнью.

Их голоса я слышу теперь, когда я читаю вслух мою поэму, и этот тайный хор стал для меня навсегда фоном поэмы и ее оправданием.

8 апреля 1943 г.
Ташкент

Часть первая

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД

Di rider finirai
Pria dell'aurora.
*Don Giovanni*¹

Во мне еще как песня или горе
Последняя зима перед войной.

Белая стая

ПОСВЯЩЕНИЕ

...А так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
И, как снежинка на моей руке,
Доверчиво и без упрека тает.
И темные ресницы Антиноя
Вдруг поднялись, и там зеленый дым,
И ветерком повеяло родным,—
Не море ли? — нет, это только хвоя
Могильная, и в накипаньи пен
Все ближе, ближе... «Marche funèbre»...

Шопен...

26 декабря 1940 г.
Фонтанный Дом

---

¹ Смеяться перестанешь // Раньше, чем наступит заря. *Дон Жуан* (итал.).

ВСТУПЛЕНИЕ

Из года сорокового
Как с башни на все гляжу.
Как будто прощаюсь снова
С тем, с чем давно простилась,
Как будто перекрестилась
И под темные своды схожу.

1941. Август (воздушная тревога)
Осажденный Ленинград

I

In my hot youth — when George the Third was King...
*Don Juan*¹

Я зажгла заветные свечи
И вдвоем с ко мне не пришедшим
Сорок первый встречаю год.
Но... Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя,
«И вино, как отравя, жжет»².

Это всплески жуткой беседы,
Когда все воскресают бреды,
А часы все еще не бьют.
Нету меры моей тревоге,
Я, как тень, стою на пороге,
Стерегу последний уют.

И я слышу звонок протяжный,
И я чувствую холод влажный,
Каменею, стыну, горю...
И, как будто припомнив что-то,
Повернувшись вполоборота,
Тихим голосом говорю:

---

¹ В моей пылкой юности — когда Георг III был королем. *Дон Жуан* (англ.).

² Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравя, жжет.

(«Новогодняя баллада») — Прим. Анны Ахматовой.

Вы ошиблись: Венеция дождей —
Это рядом, но маски в прихожей
И плащи, и жезлы, и венцы
Вам сегодня придется оставить,
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы.

Этот Фаустом, тот Дон Жуаном,
А какой-то еще с тимпаном
Козлоногую приволок.
И для них расступились стены,
Вдалеке завывали сирены,
И, как купол, вспух потолок.

Ясно все: не ко мне, так к кому же!
Не для них здесь готовился ужин,
И не их собирались простить.
Хром последний, кашляет сухо...
Я надеюсь, нечистого духа
Вы не смели сюда ввести.

Я забыла ваши уроки,
Краснобай и лжепророки,
Но меня не забыли вы!

Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет —
Страшный праздник мертвой листвы.

* * *

Только ряженных ведь я боялась:
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них без лица и названья
Затесалась. Откроём собранье
В новогодний торжественный день.

Ту полночную гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...

Постой,
Ты, как будто, не значишься в списках,
В колдунах, звездочетах, ливисках¹ —

---

¹ См. Ю в е н а л. Сатира VI.—Прим. Анны Ахматовой.

Полосатой наряжен верстой,
Размалеванный пестро и грубо,
Ты — ровесник Мамврийского Дуба,
Вековой собеседник луны.
Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы:
Хаммураби, Ликурги, Солоны
У тебя поучиться должны.

Существо это странного нрава...
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.

И ни в чем не повинен — ни в этом,
Ни в другом и ни в третьем. Поэтам
Вообще не пристали грехи.
Проплясать пред Ковчегом Завета
Или сгнуться... да что там, — про это
Лучше их рассказали стихи.

Крик: «Героя на авансцену!»
Не волнуйтесь — дылде на смену
Неприменно выйдет сейчас
И споет о священной мести...
Что ж вы все убегаете вместе,
Словно каждый нашел по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с черной рамой,
Из которой глядит тот самый
До сих пор неоплаканный час.

* * *

Молодого ль месяца шутки?!
Или вправду там кто-то жуткий
Между печкой и шкафом стоит?! —
Бледен лоб и глаза закрыты...
Значит — хрупки могильные плиты,
Значит — мягче воска гранит.
Вздор, вздор, вздор! — от такого вздора
Я седую сделаюсь скоро
Или стану совсем другой.
Что ты манишь меня рукою?..

За одну минуту покоя
Я посмертный отдам покой.

Это все наплывает не сразу...
Как одну музыкальную фразу
Слышу несколько сбивчивых слов.
После... лестницы плоской ступени,
Вспышка газа и в отдаленьи
Ясный голос: «Я к смерти готов!».

II

Ты сладострастней, ты телесней
Живых, блистательная тень.

Баратынский

Распахнулась атласная шубка...
Не сердись на меня, голубка,—
Не тебя, а себя казню.
Видишь там, за вьюгой крупчатой,
Театральные арапчата
Затевают опять возню.

Как парадно звенят полозья
И волочится полость козья.
Мимо, тени! Он там один.
На стене его тонкий профиль.
Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?

Ты сбежала ко мне с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.
Так пляши одна без партнера,
Я же роль античного хора
На себя согласна принять.

Может быть, мне было б приятно
Вмять тебя в полотно обратно,
Если бы не такая ночь,
Когда нужно платить по счету,
А дурманящую дремоту
Мне трудней, чем смерть превозмочь.

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О, мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка,
Ты — один из моих двойников!..

К прочим титулам надо и этот
Приписать. О, подруга поэтов!
Я — наследница славы твоей.
Здесь под музыку дивного метра —
Ленинградского дикого ветра,
Вижу танец придворных костей.

. . . . .

Опływают венчальные свечи,
Под фатой поцелуйные плечи...
Храм гремит: «Голубица, гряди!»
Горы пармских фиалок в апреле
И свиданья в Мальтийской Капелле,
Как проклятье в твоей груди.

Дом пестрей комедьянтской фуры, —
Облупившиеся амуры
Охраняют Венерин алтарь.
Спальню ты убрала, как беседку, —
Деревенскую девку-соседку
Не признает веселый скобарь.

И подсвечники золотые,
И на стенах лазурных святые —
Полукрадено это добро.
Вся в цветах, как «Весна» Боттичелли,
Ты друзей принимала в постели,
И томился дежурный Пьеро.

* * *

Твоего я не видела мужа —
Я — к стеклу прикипавшая стужа,
Или бой крепостных часов.
Ты не бойся — дома не мечу.
Выходи ко мне смело навстречу —
Гороскоп твой давно г о т о в.

III

Падают Брянские, растут у Манташева,
Нет уже юноши, нет уже нашего.

В. Хлебников

Были святки кострами согреты,
И валялись с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве или против течения —
Только прочь от своих могил.

В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.

* * *

И всегда в духоте морозной —
Предвоенной, блудной и грозной
Потаенный носился гул.
Но тогда он был слышен глухо,
Он почти не касался слуха
И в сугробах невских тонул.

А сейчас бы домой скорее
Камероновой галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять¹ мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад.

Там за островом, там за садом,
Разве мы не встретимся взглядом
Не глядевших на казнь очей?
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее

смерть

с л о в о

И разгадку жизни моей?

---

¹ Музы.— Прим. Анны Ахматовой.

* * *

Кто за полночь под окнами бродит,
На кого беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь,—
Тот и видел, как стройная маска
На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой не одна!

Уж на лестнице пахнет духами,
И гусарский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди
Позвонит, если смелости хватит,—
Он тебе, он своей «Травиате»
Поклониться пришел. Гляди!

Ни в проклятых Мазурских болотах,
Ни на синих Карпатских высотах...
Он на твой порог
    Поперек...
Да простит тебя Бог.

* * *

Это я — твоя старая совесть
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
Положила и на цыпочках ушла.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Всё в порядке: лежит поэма
И, как свойственно ей, молчит.
Ну, а вдруг как вырвется тема,
Кулаком в окно застучит?
И на зов этот издалика
Вдруг откликнется страшный звук —
Клокотание, стон и клёкот,
И виденье скрещенных рук?..*

26/27 декабря 1940 г.
Ночь

Часть вторая

РЕШКА

(Intermezzo)

...Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость.

«Домик в Коломне»

В. Г. Гаршину

I

Мой редактор мной недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон:
«Как же можно!.. три темы сразу...
Дочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен,

II

Кто зачем и когда встречался,
Кто погиб и кто жив остался,
И кто автор и кто герой.
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой?..»

III

Я сначала сдалась, но снова
Выпадало за словом слово.
Музыкальный ящик гремел.
И над тем ребристым флаконом
Языком кривым и зеленым
Неизвестный мне яд горел.

IV

И во сне мне казалось, что это
Я пишу для кого-то либретто;
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон — это тоже вещьца:
«Soft embalmer»,¹ Синяя птица
Эльсинорских террас парапет.

---

¹ Китс. «Ода ко сну». — Прим. Анны Ахматовой.

V

И сама я была не рада,
 Этой адской арлекинады
 Издалека заслышав вой.
 Все надеялась я, что мимо
 Пронесется, как хлопья дыма,
 Сквозь таинственный сумрак хвой.

VI

Не отбиться от ружляди пестрой,—
 Это старый чудит Калиостро,
 За мою к нему нелюбовь.
 И мелькают летучие мыши,
 И бегут горбуны по крыше,
 И цыганочка лижет кровь¹.

VII

Карнавальной полночью римской
 И не пахнет. Напев Херувимской
 За высоким окном дрожит.
 В дверь мою никто не стучится.
 Только зеркало зеркалу снится,
 Тишина тишину сторожит.

VIII

Но была для меня та тема,
 Как раздавленная хризантема
 На полу, когда гроб несут.
 Между «помнить» и «вспомнить», други,
 Расстояние как от Луги
 До страны атласных баут.

IX

Бес попутал в укладке рыться...
 Ну, а все же может случиться,
 Что во всем виновата я.
 Я — тишайшая, я — простая,
 «Подорожник», «Белая Стая»...
 Оправдаться, но как, друзья!..

---

¹ «У цыган» Н. Гумилева.—Прим. Анны Ахматовой.

Х

Так и знай — обвинят в плагиате...
 Разве я других виноватей?
 Впрочем, это в последний раз...
 Я согласна на неудачу
 И смущенье свое не прячу
 Под укромный противогаз.

ХІ

Но сознаюсь, что применила
 Симпатические чернила,
 Что зеркальным письмом пишу,
 Что другой мне дороги нету,—
 Чудом я набрела на эту
 И расстаться с ней не спешу.

ХІІ

Та столетняя чаровница¹
 Вдруг очнулась и веселиться
 Захотела. Я не при чем.
 Кружевной роняет платочек,
 Томно жмурится из-за строчек
 И брюлловским манит плечом.

ХІІІ

Я пила ее в капле каждой
 И, бесовскою черной жаждой
 Одержима, не знала, как
 Мне разделаться с бесноватой,
 Я грозила ей Звездной Палатой
 И гнала на родной чердак,—

ХІV

В темноту под Манфредовы ели,
 И на берег, где мертвый Шелли,
 Прямо в небо глядя, лежал.

---

¹ Романтическая поэма.— Прим. Анны Ахматовой.

И все жаворонки всего мира
Разрывали бездну эфира,
И факел Георг¹ держал.

XV

Но она твердила упрямо:
Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль.
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль.

XVI

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу.
Мы с тобой еще попируем,
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу.

3—5 января 1941 г.
Фонтанный Дом
Ленинград
Днем

Часть третья ЭПИЛОГ

I suppose all sorts of dreadful
things will happen to us.

*Hemingway*²

Городу и другу

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей,—
Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей.

---

¹ Лорд Байрон.— Прим. Анны Ахматовой.

² Я уверена, что с нами случится все самое ужасное. Хемингуэй (англ.).— Перевод Анны Ахматовой.

Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен,
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью тянет он.
А земля под ногой горела,
И такая звезда глядела
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...

. . . . .

Это где-то там, у Тобрука,
Это где-то здесь — за углом...
Ты мой грозный и мой последний,
Светлый слушатель темных бредней,
Упованье, прощенье, честь.
Предо мной ты горишь, как пламя,
Надо мной ты стоишь, как знамя,
И целуешь меня, как лесть.

Положи мне руку на темя,—
Пусть теперь остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастье не минует,
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах.

. . . . .

А не ставший моей могилой
Ты, гранитный, кремешный, милый,—
Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо —
Я с тобою неразлучима:
Тень моя на стенах твоих,—
Отраженье мое в каналах,—
Звук шагов в эрмитажных залах
И на гулких сводах мостов.
И на старом Волковом Поле,
Где могу я плакать на воле
В чаще новых твоих крестов.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске шпилей, в отблеске вод,
Не дождался желанных вестниц —

Над тобой лишь твоих прелестниц,
Белых ноченек хоровод.
А веселое слово «дома»
Никому теперь незнакомо —
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький,
Как отравленное вино.

* * * * *

Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась,
И над Ладогой и над лесом,
Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась...
А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя «Седьмая»,
На неслыханный мчалась пир,
Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая ленинградка
Возвращалась в родной эфир.

1942

Ташкент (окончено 18 августа)

ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

Триптих

(1940—1965)

Deus conservat omnia.*

Девиз в гербе Фонтанного Дома

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иных уж нет, а те далече...

Пушкин

Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный Дом в ночь на 27 декабря 1940 г., прислав как вестника еще осенью один небольшой отрывок («Ты в Россию пришла ниоткуда...»).

Я не звала ее. Я даже не ждала ее в тот холодный и темный день моей последней ленинградской зимы.

Ее появлению предшествовало несколько мелких и незначительных фактов, которые я не решаюсь назвать событиями.

В ту ночь я написала два куска первой части («1913») и «Посвящение». В начале января я почти неожиданно для себя написала «Решку», а в Ташкенте (в два приема) — «Эпилог», ставший третьей частью поэмы, и сделала несколько существенных вставок в обе первые части.

Я посвящаю эту поэму памяти ее первых слушателей — моих друзей и сограждан, погибших в Ленинграде во время осады.

---

* Бог хранит всё (лат.). В окончательном варианте «Поэмы без героя» сноски, обозначенные цифрами, отсылают к ахматовским «Примечаниям редактора» в конце поэмы.

Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи.

8 апреля 1943
Ташкент

До меня часто доходят слухи о превратных и нелепых толкованиях «Поэмы без героя». И кто-то даже советует мне сделать поэму более понятной.

Я воздержусь от этого.

Никаких третьих, седьмых и двадцать девятых смыслов поэма не содержит.

Ни изменять ее, ни объяснять я не буду.

«Еже писахъ — писахъ».

Ноябрь 1944
Ленинград

ПОСВЯЩЕНИЕ

27 декабря 1940

Вс. К.

. . . . .
...а так как мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике.
И вот чужое слово проступает
И, как тогда снежинка на руке,
Доверчиво и без упрека тает.
И темные ресницы Антиноя¹
Вдруг поднялись — и там зеленый дым,
И ветерком повеяло родным...
Не море ли?

Нет, это только хвоя
Могильная, и в накипаньи пен
Все ближе, ближе...

Marche funèbre... *
Шопен...

Ночь
Фонтанный Дом

---

* Траурный марш (франц.).

«АННА АХМАТОВА. БЕЛАЯ НОЧЬ, ЛЕНИНГРАД». 1939—1940.
Портрет работы А. Осмеркина

Владимир Казимирович ШИЛЕНЬКО. 1920-е годы

ВТОРОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

О. С.

Ты ли, Путаница-Психея²,
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной,
Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету
И иною дышишь весной.
Не диктуй мне, сама я слышу:
Теплый ливень уперся в крышу,
Шепоточек слышу в плюще.
Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плаще.
Сплю —
она одна надо мною,—
Ту, что люди зовут весной,
Одиночеством я зову.
Сплю —
мне снится молодость наша,
Та, ЕГО миновавшая чаша;
Я ее тебе наяву,
Если хочешь, отдам на память,
Словно в глине чистое пламя
Иль подснежник в могильном рву.

25 мая 1945
Фонтанный Дом

ТРЕТЬЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

(*Le jour des rois*) *³

Раз в Крещенский вечерок...

Жуковский

Полно мне леденеть от страха,
Лучше кликну Чакону Баха,
А за ней войдет человек...
Он не станет мне милым мужем,
Но мы с ним такое заслужим,
Что смутится Двадцатый Век.
Я его приняла случайно
За того, кто дарован тайной,
С кем горчайшее суждено,

---

* День царей (франц.).

Он ко мне во дворец Фонтанный
Опоздает ночью туманной
Новогоднее пить вино.
И запомнит Крещенский вечер,
Клен в окне, венчальные свечи
И поэмы смертный полет...
Но не первую ветвь сирени,
Не кольцо, не сладость молений —
Он погибель мне принесет.
5 января 1956

ВСТУПЛЕНИЕ

ИЗ ГОДА СОРОКОВОГО,
КАК С БАШНИ, НА ВСЕ ГЛЯЖУ.
КАК БУДТО ПРОЩАЮСЬ СНОВА
С ТЕМ, С ЧЕМ ДАВНО ПРОСТИЛАСЬ,
КАК БУДТО ПЕРЕКРЕСТИЛАСЬ
И ПОД ТЕМНЫЕ СВОДЫ СХОЖУ.

25 августа 1941
Осажденный Ленинград

Часть первая

ДЕВЯТЬСОТ ТРИНАДЦАТЫЙ ГОД

Петербургская повесть

*Di rider finirai
Prigla dell'aurora.*

Don Giovanni *

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз.

1914

С Татьяной нам не ворожить...
Пушкин

Новогодний вечер. Фонтанный Дом. К автору вместо того, кого ждали, приходят тени из тринадцатого года под видом ряженых. Белый зеркальный зал. Лирическое отступление — «Гость из будущего». Маскарад. Поэт. Призрак.

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,
И с тобой, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год.

---

* Смеяться перестанешь // Раньше чем наступит заря. Дон Жуан (итал.).

Но...

Господняя сила с нами!

В хрустале утонуло пламя,

«И вино, как отравы, жжет» *.

Это всплески жесткой беседы,

Когда все воскресают бреды,

А часы все еще не бьют...

Нету меры моей тревоге,

Я сама, как тень на пороге,

Стерегу последний уют.

И я слышу звонок протяжный,

И я чувствую холод влажный,

Каменею, стыну, горю...

И как будто припомнив что-то,

Повернувшись влоборота,

Тихим голосом говорю:

«Вы ошиблись: Венеция дождей —

Это рядом... Но маски в прихожей

И плащи, и жезлы, и венцы

Вам сегодня придется оставить.

Вас я вздумала нынче прославить,

Новогодние сорванцы!»

Этот Фаустом, тот Дон-Жуаном,

Дапертутто ⁴, Иоканааном ⁵,

Самый скромный — северным Гланом,

Иль убийцею Дорианом,

И все шепчут своим дианам

Твердо выученный урок.

А для них расступились стены,

Вспыхнул свет, завыли сирены

И, как купол, вспух потолок.

Я не то что боюсь огласки...

Что мне Гамлетовы подвязки,

Что мне вихрь Саломеиной пляски,

Что мне поступь Железной Маски,

Я еще пожелезней тех...

И чья очередь испугаться,

Отшатнуться, отпрянуть, сдаться

И замаливать давний грех?

---

* Отчего мои пальцы словно в крови
И вино, как отравы жжет?

(«Новогодняя баллада», 1923). — Прим. Анны Ахматовой.

Ясно все:

Не ко мне, так к кому же? *

Не для них здесь готовился ужин,

И не им со мной по пути.

Хвост запрягал под фалды фрака...

Как он хром и изящен...

Однако

Я надеюсь, Владыку Мрака

Вы не смели сюда ввести?

Маска это, череп, лицо ли —

Выражение злобной боли,

Что лишь Гойя смел передать.

Общий баловень и насмешник,

Перед ним самый смрадный грешник —

Воплощенная благодать...

Веселиться — так веселиться,

Только как же могло случиться,

Что одна я из них жива?

Завтра утро меня разбудит,

И никто меня не осудит,

И в лицо мне смеяться будет

Закононая синева.

Но мне страшно: войду сама я,

Кружевную шаль не снимая,

Улыбнусь всем и замолчу.

С той, какою была когда-то

В ожерелье черных агатов

До долины Иосафата ⁶

Снова встретиться не хочу...

Не последние ль близки сроки?..

Я забыла ваши уроки,

Краснобай и лжепророки! —

Но меня не забыли вы.

Как в прошедшем грядущее зреет,

Так в грядущем прошлое тлеет —

Страшный праздник мертвой листвы.

Б Звук шагов, тех, которых нету,

Е По сияющему паркету

И сигары синий дымок.

Л И во всех зеркалах отразился

Ы Человек, что не появился

Й И проникнуть в тот зал не мог.

* Три «к» выражают замешательство автора.—Прим. Анны Ахматовой.

Он не лучше других и не хуже,
З Но не вьет летейской стужей,
А И в руке его теплота.
Л Гость из Будущего! — Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Повернув налево с моста?

С детства ряженных я боялась,
Мне всегда почему-то казалось,
Что какая-то лишняя тень
Среди них «без лица и названья»
Затесалась...

Откроем собрание
В новогодний торжественный день!
Ту полночную Гофманиану
Разглашать я по свету не стану
И других бы просила...

Постой,
Ты как будто не значишься в списках,
В калиострах, магах, лизисках⁷,
Полосатой наряжен верстой,—
Размалеван⁴ пестро и грубо —
Ты...

ровесник Мамврийского дуба⁸,
Вековой собеседник луны.
Не обманут притворные стоны,
Ты железные пишешь законы,
Хаммураби, ликурги, солоны⁹
У тебя поучиться должны.

Существо это странного нрава.
Он не ждет, чтоб подагра и слава
Впопыхах усадили его
В юбилейные пышные кресла,
А несет по цветущему вереску,
По пустыням свое торжество.

И ни в чем не повинен: ни в этом,
Ни в другом и ни в третьем...
Поэтам

Вообще не пристали грехи.
Проплясать пред Ковчегом Завета¹⁰
Или сгнуться!..

Да что там!
Про это
Лучше их рассказали стихи.

Крик петуший нам только снится,
За окошком Нева дымится,
Ночь бездонна — и длится, длится
Петербургская чертовня...
В черном небе звезды не видно,
Гибель где-то здесь, очевидно,
Но беспечна, пряна, бесстыдна
Маскарадная болтовня...

Крик:

«Героя на авансцену!»
Не волнуйтесь: дылде на смену
Неприменно выйдет сейчас
И споет о священной мести...

Что ж вы все убегаете вместе,
Словно каждый нашел по невесте,
Оставляя с глазу на глаз
Меня в сумраке с черной рамой,
Из которой глядит тот самый,
Ставший наигорчайшей драмой
И еще не оплаканный час?

*Это все наплывает не сразу.
Как одну музыкальную фразу,
Слышу шепот: «Прощай! Пора!
Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
Ты — Голубка, солнце, сестра!»
На площадке две слитые тени...
После — лестницы плоской ступени,
Вопль: «Не надо!» и в отдаленьи
Чистый голос:*

«Я к смерти готов».

*Факелы гаснут, потолок опускается. Белый (зеркальный) зал¹¹ снова
делается комнатой автора. Слова из мрака:*

Смерти нет — это всем известно,
Повторять это стало пресно,
А что есть — пусть расскажут мне.
Кто стучится?
Ведь всех впустили.
Это гость зазеркальный? Или
То, что вдруг мелькнуло в окне...
Шутки ль месяца молодого,
Или вправду там кто-то снова
Между печкой и шкафом стоит?

Бледен лоб и глаза открыты...
Значит, хрупки могильные плиты,
Значит, мягче воска гранит...
Вздор, вздор, вздор! — От такого вздора
Я седую сделаюсь скоро
Или стану совсем другой.
Что ты манишь меня рукою?!

За одну минуту покоя
Я посмертный отдам покой.

ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДКУ

Интермедия

Где-то вокруг этого места («...но беспечна, пряна, бесстыдна маскарадная болтовня...») бродили еще такие строки, но я не пустила их в основной текст:

«Уверяю, это не ново...
Вы дитя, синьор Казанова...»
«На Исакьевской ровно в шесть...»
«Как-нибудь побредем по мраку,
Мы отсюда еще в „Собаку“...»¹²
«Вы отсюда куда?» —
«Бог весть!»

Санчо Пансы и Дон-Кихоты
И, увы, содомские Лоты¹³
Смертоносный пробуют сок,
Афродиты возникли из пены,
Шевельнулись в стекле Елены,
И безумья близится срок.
И опять из Фонтанного Грота¹⁴,
Где любовная стонет дремота,
Через призрачные ворота
И мохнатый и рыжий кто-то
Козлоногую приволок.
Всех наряднее и всех выше,
Хоть не видит она и не слышит —
Не клянет, не молит, не дышит,
Голова madame de Lamballe,

А смиренница и красотка,
Ты, что козью пляшешь чечетку,
Снова гулишь томно и кротко:
«Que me veut mon Prince Carnaval?» *

И в то же время в глубине залы, сцены, ада или на вершине гетевского Брокена появляется Она же (а может быть — ее тень):

Как копытца, топчут сапожки,
Как бубенчик, звенят сережки,
В бледных локонах злые рожки,
Окаянной пляской пьяна,—
Словно с вазы чернофигурной
Прибежала к волне лазурной
Так парадно обнажена.
А за ней в шинели и в каске
Ты, вошедший сюда без маски,
Ты, Иванушка древней сказки,
Что тебя сегодня томит?
Сколько горечи в каждом слове,
Сколько мрака в твоей любви,
И зачем эта струйка крови
Берedit лепесток ланит?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?

1913

Спальня Героини. Горит восковая свеча. Над кроватью три портрета хозяйки дома в ролях. Справа она — Ковлоногая, посредине — Путаница, слева — портрет в тени. Одним кажется, что это Коломбина, другим — Донна Анна (из «Шагов Командора»). За мансардным окном арапчата играют в снежки. Метель. Новогодняя полночь. Путаница оживает, сходит с портрета, и ей чудится голос, который читает:

Распахнулась атласная шубка!
Не сердись на меня, Голубка,
Что коснусь я этого кубка:
Не тебя, а себя казню.

---

* Чего хочет от меня мой принц Карнавал? (франц.)

Все равно подходит расплата —
 Видишь там, за вьюгой крупчатой
 Мейерхольдовы арапчата
 Затевают опять возню?
 А вокруг старый город Питер,
 Что народу бока повытер
 (Как тогда народ говорил),—
 В гривах, в сбруях, в мучных обозах,
 В размалеванных чайных розах
 И под тучей вороньих крыл.
 Но летит, улыбаясь мнимо,
 Над Мариинскою сценой prima,
 Ты — наш лебедь непостижимый,
 И острит опоздавший сноб.
 Звук оркестра, как с того света
 (Тень чего-то мелькнула где-то),
 Не предчувствием ли рассвета
 По рядам пробежал озноб?
 И опять тот голос знакомый,
 Будто эхо горного грома,—
 Ужас, смерть, прощенье, любовь...
 Ни на что на земле не похожий,
 Он несется, как вестник Божий,
 Настигая нас вновь и вновь.
 Сучья в иссиня-белом снеге...
 Коридор Петровских Коллегий¹⁵
 Бесконечен, гулок и прям
 (Что угодно может случиться,
 Но он будет упрямо сниться
 Тем, кто нынче проходит там).
 До смешного близка развязка;
 Из-за ширм Петрушкина маска *¹⁶,
 Вкруг костров кучерская пляска,
 Над дворцом черно-желтый стяг...
 Все уже на местах, кто надо;
 Пятым актом из Летнего сада
 Пахнет... Признак цусимского ада
 Тут же.— Пьяный поет моряк...
 Как парадно звенят полозья
 И волочится полость козья...
 Мимо, тени! — Он там один.

---

* Вариант: Чрез Неву за пятак на салазках.— Прим. Анны Ахматовой.

На стене его твердый профиль.
Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице:
Плоть, почти что ставшая духом.
И античный локон над ухом —
Всё таинственно в пришлеце.
Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале
Или все это было сном?
С мертвым сердцем и мертвым взором
Он ли встретился с Командором,
В тот пробравшись проклятый дом?
И его поведано словом,
Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы,—
И в каких хрусталях полярных,
И в каких сияньях янтарных
Там, у устья Леты — Невы.
Ты сбежала сюда с портрета,
И пустая рама до света
На стене тебя будет ждать.
Так плясать тебе — без партнера!
Я же роль рокового хора
На себя согласна принять.

*На щеках твоих алые пятна;
Шла бы ты в полотно обратно;
Ведь сегодня такая ночь,
Когда нужно платить по счету...
А дурманящую дремоту
Мне трудней, чем смерть, превозмочь.*

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов!
Что глядишь ты так смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка*,
Ты — один из моих двойников.

---

* Вариант: Козлоногая кукла, актерка.— Прим. Анны Ахматовой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

И под аркой на Галерной...

А. Ахматова

В Петербурге мы сойдемся снова,
Словно солнце мы похоронили в нем.

О. Мандельштам

То был последний год...

М. Лозинский

Петербург 1913 года. Лирическое отступление: последнее воспоминание о Царском Селе. Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет:

Были святки кострами согреты,
И валились с мостов кареты,
И весь траурный город плыл
По неведомому назначенью,
По Неве иль против течения,—
Только прочь от своих могил.
На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
Оттого, что по всем дорогам,
Оттого, что ко всем порогам
Приближалась медленно тень,
Ветер рвал со стены афиши,
Дым плясал вприсядку на крыше
И кладбищем пахла сирень.
И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый,
Город в свой уходил туман.
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка,
Как пред казнью бил барабан...
И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул...
Но тогда он был слышен глуше,
Он почти не тревожил души
И в сугробах невских тонул.

Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

А теперь бы домой скорее
Камероновой Галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять* мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад,
Что над юностью встал мятежной,
Незабвенный мой друг и нежный,
Только раз приснившийся сон,
Чья сияла юная сила,
Чья забыта навек могила,
Словно вовсе и не жил он.
Там за островом, там за садом
Разве мы не встретимся взглядом
Наших прежних ясных очей,
Разве ты мне не скажешь снова
Победившее смерть слово
И разгадку жизни моей?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Любовь прошла, и стали ясны
И близки смертные черты.

Вс. К.

Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адамины. В него будет прямое попадание авиабомбы в 1942 году. Горит высокий костер. Слышны удары колокольного звона от Спасана-Крови. На Поле за метелью призрак дворцового бала. В промежутке между этими звуками говорит сама Тишина:

Кто застыл у померкших окон,
На чьем сердце «палевый локон»,
У кого пред глазами тьма?
«Помогите, еще не поздно!
Никогда ты такой морозной
И чужою, ночь, не была!»

---

* Музы.— Прим. Анны Ахматовой.

Ветер, полный балтийской соли,
Бал метелей на Марсовом Поле
И невидимых звон копыт...

И безмерная в том тревога,
Кому жить осталось немного,
Кто лишь смерти просит у Бога
И кто будет навек забыт.

Он за полночь под окнами бродит,
На него беспощадно наводит
Тусклый луч угловой фонарь,—

И дождался он. Стройная маска
На обратном «Пути из Дамаска»
Возвратилась домой... не одна!

Кто-то с ней «без лица и названья»...
Недвусмысленное расставанье
Сквозь косое пламя костра

Он увидел. Рухнули зданья...

И в ответ обрывок рыданья:
«Ты — Голубка, солнце, сестра! —

Я оставлю тебя живою,
Но ты будешь моей вдовою,
А теперь...

Прощаться пора!»

На площадке пахнет духами,
И драгунский корнет со стихами
И с бессмысленной смертью в груди

Позвонит, если смелости хватит...

Он мгновенье последнее тратит,
Чтобы славить тебя.

Гляди:

Не в проклятых Мазурских болотах,
Не на синих Карпатских высотах...

Он — на твой порог!

Поперек.

Да простит тебя Бог!

*(Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик: он выбрал эту,—
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...)*

Это я — твоя старая совесть
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
Положила —
и на цыпочках ушла...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВСЕ В ПОРЯДКЕ: ЛЕЖИТ ПОЭМА
И, КАК СВОЙСТВЕННО ЕЙ, МОЛЧИТ.
НУ, А ВДРУГ КАК ВЫРВЕТСЯ ТЕМА,
КУЛАКОМ В ОКНО ЗАСТУЧИТ,—
И ОТКЛИКНЕТСЯ ИЗДАЛЕКА
НА ПРИЗЫВ ЭТОТ СТРАШНЫЙ ЗВУК —
КЛОКОТАНИЕ, СТОН И КЛЕКОТ
И ВИДЕНЬЕ СКРЕЩЕННЫХ РУК?..

Часть вторая РЕШКА

...я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость.

Пушкин

In my beginning is my end.

T. S. Eliot *

Место действия — Фонтанный Дом. Время — 5 января 1941 г. В окне приврак оснеженного клена. Только что пронеслась адская арлекинада тринадцатого года, разбудив безмолвие великой молчальницы-эпохи и оставив за собою тот свойственный каждому праздничному или похоронному шествию беспорядок — дым факелов, цветы на полу, навсегда потерянные священные сувениры... В печной трубе воет ветер, и в этом вое можно угадать очень глубоко и очень умело спрятанные обрывки Реквиема. О том, что мерещится в зеркалах, лучше не думать.

...жасминный куст,
Где Данте шел и воздух пуст.

Н. К.

I

Мой редактор был недоволен,
Клялся мне, что занят и болен,
Засекретил свой телефон
И ворчал: «Там три темы сразу!

---

* В моем начале мой конец. Т.-С. Э л и о т (англ.).

Дочитав последнюю фразу,
Не поймешь, кто в кого влюблен,

II

Кто, когда и зачем встречался,
Кто погиб, и кто жив остался,
И кто автор, и кто герой,—
И к чему нам сегодня эти
Рассуждения о поэте
И каких-то призраков рой?»

III

Я ответила: «Там их трое —
Главный был наряжен верстою,
А другой как демон одет,—
Чтоб они столетьям достались,
Их стихи за них постарались,
Третий прожил лишь двадцать лет,

IV

И мне жалко его». И снова
Выпадало за словом слово,
Музыкальный ящик гремел.
И над тем флаконом надбитым
Языком кривым и сердитым
Яд неведомый пламенел.

V

А во сне все казалось, что это
Я пишу для Артура либретто,
И отбоя от музыки нет.
А ведь сон — это тоже вещьца,
Soft embalmer²⁰, Синяя птица,
Эльсинорских террас парапет.

VI

И сама я была не рада,
Этой адской арлекинады
Издалика заслышав вой.

Все надеялась я, что мимо
Белой залы, как хлопья дыма,
Пронесется сквозь сумрак хвой.

VII

Не отбиться от рухляди пестрой.
Это старый чудит Калиостро —
Сам изящнейший сатана,
Кто над мертвым со мной не плачет,
Кто не знает, что совесть значит
И зачем существует она.

VIII

Карнавальная полночь римской
И не пахнет. Напев Херувимской
У закрытых церквей дрожит.
В дверь мою никто не стучится,
Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

IX

И со мною моя «Седьмая» *,
Полумертвая и немая,
Рот ее сведен и открыт,
Словно рот трагической маски,
Но он черной замазан краской
И сухой землей набит.

X 21**

Враг пытал: «А ну, расскажи-ка».
Но ни слова, ни стопа, ни крика
Не услышать ее врагу.
И проходят десятилетия,
Пытки, ссылки и казни — петъ я
В этом ужасе не могу.

---

* Элегия.— Прим. Анны Ахматовой.

** Не имея возможности опубликовать IX—XVI строфы, Анна Ахматова в рукописи «Бега времени» заменила их строчками точек.

XI

И особенно, если снится
То, что с нами должно случиться:
Смерть повсюду — город в огне,
И Ташкент в цвету подвенечном...
Скоро там о верном и вечном
Ветр азийский расскажет мне.

XII

Торжествами гражданской смерти
Я по горло сыта. Поверьте,
Вижу их, что ни ночь, во сне.
Отлучить от стола и ложа —
Это вздор еще, но негоже
Выносить, что досталось мне.

XIII

Ты спроси моих современниц,
Каторжанок, «стопятниц», пленниц,
И тебе порасскажем мы,
Как в беспамятном жили страхе,
Как растили детей для плахи,
Для застенка и для тюрьмы.

XIV

Посинелые стиснув губы,
Обезумевшие Гекубы
И Кассандры из Чухломы,
Загремим мы безмолвным хором,
Мы, увенчанные позором:
«По ту сторону ада мы...»

XV

Я ль растаю в казенном гимне?
Не дари, не дари, не дари мне
Диадему с мертвого лба.
Скоро мне нужна будет лира,
Но Софокла уже, не Шекспира.
На пороге стоит — Судьба.

XVI

Не боюсь ни смерти, ни срама,
Это тайнопись, криптограмма,
Запрещенный это прием.
Знают все, по какому краю
Лунатически я ступаю
И в какой направляюсь дом.

XVII

Но была для меня та тема
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Между «помнить» и «вспомнить», други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут²².

XVIII

Бес попутал в укладке рыться...
Ну, а как же могло случиться,
Что во всем виновата я?
Я — тишайшая, я — простая,
«Подорожник», «Белая стая»...
Оправдаться... но как, друзья?

XIX

Так и знай: обвинят в плагиате...
Разве я других виноватей?
Впрочем, это мне все равно.
Я согласна на неудачу
И смущенье свое не прячу...
У шкатулки ж тройное дно.

XX

Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила...
Я зеркальным письмом пишу,
И другой мне дороги нету —
Чудом я набрела на эту
И расстаться с ней не спешу.

XXI

Чтоб посланец давнего века
Из заветнейших снов Эль Греко
Объяснил мне совсем без слов,
А одной улыбкою летней,
Как была я ему запретней
Всех семи смертельных грехов.

XXII

И тогда из грядущего века
Незнакомого человека
Пусть посмотрят дерзко глаза,
Чтобы он отлетающей тени
Дал охапку мокрой сирени
В час, как эта минет гроза.

XXIII

А столетняя чаровница *
Вдруг очнулась и веселиться
Захотела. Я ни при чем.
Кружевной роняет платочек,
Томно жмурится из-за строчек
И брюлловским манит плечом.

XXIV

Я пила ее в капле каждой
И бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой:
Я грозила ей Звездной Палатой ²³
И гнала на родной чердак **,

XXV

В темноту, под Манфредовы ели,
И на берег, где мертвый Шелли,
Прямо в небо глядя, лежал,—
И все жаворонки всего мира ²⁴
Разрывали бездну эфира
И факел Георг ²⁵ держал.

---

* Романтическая поэма.—Прим. Анны Ахматовой.

** Место, где, по представлению читателей, рождаются все поэтические произведения.—Прим. Анны Ахматовой.

XXVI

Но она твердила упрямо:
«Я не та английская дама
И совсем не Клара Газуль²⁶,
Вовсе нет у меня родословной,
Кроме солнечной и баснословной,
И привел меня сам Июль.

XXVII

А твоей двусмысленной славе,
Двадцать лет лежавшей в канаве,
Я еще не так послужу,
Мы с тобой еще попируем,
И я царским моим поцелуем
Злую полночь твою награжу».

*3—5 января 1941
Фонтанный Дом; в Ташкенте и после*

Часть третья

ЭПИЛОГ

Быть пусту месту сему...
?

Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

Анненский

Люблю тебя, Петра творенье!

Пушкин

Моему городу

Белая ночь 24 июня 1942 г. Город в развалинах. От Гавани до Смольного всё как на ладони. Кое-где догорают застарелые пожары. В Шереметевском саду цветут липы и поет соловей. Одно окно третьего этажа (перед которым увечный клен) выбито, и за ним зияет черная пустота. В стороне Кронштадта ухают тяжелые орудия. Но в общем тихо. Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит:

Так под кровлей Фонтанного Дома,
Где вечерняя бродит истома
С фонарем и связкой ключей,—

Я аукалась с дальним эхом,
Неуместным смущая смехом
Непробудную сонь вещей,
Где, свидетель всего на свете,
На закате и на рассвете
Смотрит в комнату старый клен
И, предвидя нашу разлуку,
Мне иссохшую черную руку,
Как за помощью тянет он.
Но земля под ногой гудела
И такая звезда глядела *
В мой еще не брошенный дом
И ждала условного звука...
Это где-то там — у Тобрука,
Это где-то здесь — за углом.
Ты не первый и не последний
Темный слушатель светлых бредней,
Мне какую готовишь месть?
Ты не выпьешь, только пригубишь
Эту горечь из самой глубины —
Этой нашей разлуки весть.
Не клади мне руку на темя —
Пусть навек остановится время
На тобою данных часах.
Нас несчастье не минует
И кукушка не закукует
В опаленных наших лесах...

* * *

*А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей
Я не знаю, который год,
Ставший горстью лагерной пыли,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет.
А потом он идет с допроса,
Двум посланцам Девки Безносой
Суждено охранять его.
И я слышу даже отсюда —
Неужели это не чудо! —
Звуки голоса своего:*

---

* Марс летом 1941 г.— Прим. Анны Ахматовой.

За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом,
Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.

* * *

А не ставший моей могилой,
Ты, крамольный, опальный, милый,
Побледнел, помертвел, затих.
Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отраженье мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных залах,
Где со мною мой друг бродил,
И на старом Волковом Поле²⁷,
Где могу я рыдать на воле
Над безмолвием братских могил.
Все, что сказано в Первой части
О любви, измене и страсти
Сбросил с крыльев свободный стих,
И стоит мой Город «защитый»...
Тяжелы надгробные плиты
На бессонных очах твоих.
Мне казалось, за мной ты гнался,
Ты, что там погибать остался
В блеске шпилей, в отблеске вод.
Не дождался желанных вестниц...
Над тобой — лишь твоих прелестниц,
Белых ноченек хоровод.
А веселое слово — дома —
Никому теперь незнакомо,
Все в чужое глядят окно.
Кто в Ташкенте, а кто в Нью-Йорке,
И изгнания воздух горький —
Как отравленное вино.
Все вы мной любоваться могли бы,
Когда в брюхе летучей рыбы
Я от злой погони спаслась

И над полным врагами лесом,
Словно та, одержимая бесом,
Как на Брокен ночной неслась...

И уже предо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «Quo vadis?» * кто-то сказал,
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загремел сумасшедший Урал.
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской Земли.
От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отщепеная зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток **.

Окончено в Ташкенте 18 августа 1942

---

* Куда идешь? (лат.)

** Раньше поэма кончалась так:

А за мною, тайной сверкая
И назвавши себя «Седьмая»²⁸,
На неслышанный мчалась пир,
Притворившись нотной тетрадкой,
Знаменитая ленинградка
Возвращалась в родной эфир.— Прим. Анны Ахматовой.

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

- ¹ *Антиной* — античный красавец.
- ² «*Ты ли, Путаница-Психея*» — героиня одноименной пьесы Юрия Беляева.
- ³ *Le jour des rois* (ф р а н ц.) — канун Крещенья: 5 января.
- ⁴ *Данертутто* — псевдоним Всеволода Мейерхольда.
- ⁵ *Иоканаан* — святой Иоанн Креститель.
- ⁶ *Долина Иосафата* — предполагаемое место Страшного Суда.
- ⁷ *Лизиска* — псевдоним императрицы Мессалины в римских при- тонах.
- ⁸ *Мамврийский дуб* — см. Книгу Бытия.
- ⁹ *Хаммураби, Ликург, Солон* — законодатели.
- ¹⁰ *Ковчег Завета* — см. Библию (Книга Царств).
- ¹¹ *Зал* — Белый зеркальный зал (работы Кваренги) в Фонтанном Доме, через площадку от квартиры автора.
- ¹² «*Собака*» — «Бродячая собака» — артистическое кабаре в десяти- тых годах (1912—1914 до войны).
- ¹³ *Содомские Лоты* — см. Книгу Бытия.
- ¹⁴ *Фонтанный грот* — построен в 1757 г. Аргуновым в саду Шере- метевского дворца; был разрушен в начале 10-х годов.
- ¹⁵ *Коридор Петровских Коллегий* — коридор Петербургского уни- верситета.
- ¹⁶ *Петрушкина маска* — «Петрушка» — балет Стравинского.
- ¹⁷ «*Голубица, гряди!*» — церковное песнопение; пели, когда не- ве- ста вступала на ковер в храме.
- ¹⁸ *Мальтийская капелла* — построена по проекту Кваренги в 1798—1800 гг. во внутреннем дворе Воронцовского дворца, в котором потом помещался Пажеский Корпус.
- ¹⁹ *Скобарь* — обидное прозвище псковичей.
- ²⁰ *Soft embalmer* (а н г л.) — «нежный утешитель». См. сонет Китса «*To the Sleep*» («*К сну*»).
- ²¹ *Пропущенные строфы* — подражание Пушкину. См. «Об Евге- нии Онегине»: «смиренно сознаюсь также, что в «Дон-Жуане» есть две пропущенные строфы», — писал Пушкин.
- ²² *Баута* — в Италии — маска с капюшоном.
- ²³ *Звездная Палата* — тайное судилище в Англии, которое поме- щалось в зале, где на потолке было изображено звездное небо.
- ²⁴ См. знаменитое стихотворение Шелли «*To the Skilark*» (а н г л.) — «*К жаворонку*».
- ²⁵ *Георг* — лорд Байрон.
- ²⁶ *Клара Газуль* — псевдоним Мериме.
- ²⁷ *Волково Поле* — старое название Волкова кладбища.
- ²⁸ «*Седьмая*» — Ленинградская симфония Шостаковича. Первую часть этой симфонии автор вывез на самолете из осажденного города 29 сентября 1941 г.

< СТРОФЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ПОЭМУ >

* * *

Что бормочешь ты, полночь наша?
Всё равно умерла Параша,
Молодая хозяйка дворца.
Тянет ладаном из всех окон,
Срезан самый любимый локон,
И темнеет овал лица.
Не достроена галерея —
Эта свадебная затея,
Где опять под подсказку Борей
Это всё я для вас пишу.

5 января 1941

* * *

А за правой стенкой, откуда
Я ушла, не дождавшись чуда,
В сентябре в ненастную ночь —
Старый друг не спит и бормочет,
Что он больше, чем счастья, хочет
Позабыть про царскую дочь.

1955

* * *

Я иду навстречу виденью
И борюсь я с собственной тенью —
Беспощаднее нет борьбы.

Рвется тень моя к вечной славе,
Я как страж стою на заставе
И велю ей идти назад...

. . . . .
. . . . .

Как теперь в Москве говорят.

Я хочу растоптать ногами
Ту, что светится в светлой раме,
Самозванку

Над плечами ее не крылья

Октябрь 1956
Будка

* * *

Верьте мне вы или не верьте,
Где-то здесь в обычном конверте
С вычислением общей смерти
Промелькнет измятый листок.
Он не спрятан, но зашифрован,
Но им целый мир расколдован
И на нем разумно основан
Небытья незримый поток.

Март 1961

* * *

Я еще не таких забывала,
Забывала, представь, навсегда.
Я таких забывала, что имя
Их не смею теперь произнести,
Так могуче сиянье над ними,
(Превратившихся в мрамор, в камею)
Превратившихся в знамя и честь.

26 августа 1961
Комарово

* * *

Не кружился в Европах бальных,
Рисовал оленей на скальных,
Гильгамеш ты, Геракл, Гесер —
Не поэт, а миф о поэте,
Взрослым был ты уже на рассвете
Отдаленнейших стран и вер.

* * *

Институтка, кузина, Джульетта!..
Не дожидаться тебе корнета,
В монастырь ты уйдешь тайком.

Нем твой бубен, моя цыганка,
И уже почернела ранка
У тебя под левым соском.

* * *

Вкруг него дорогие тени.
Но напрасны слова молений,
Милых губ напрасен привет.
И сияет в ночи алмазной,
Как одно виденье соблазна,
Тот загадочный силуэт.

* * *

И с ухватками византийца
С ними там Арлекин-убийца,
А по-здешнему — мэтр и друг.
Он глядит, как будто с картины,
И под пальцами клавишины,
И безмерный уют вокруг.

* * *

Ты приедешь в черной карете,
Царскосельские кони эти
И упряжка их à l'anglaise
На минуту напомнят детство
И отвергнутое наследство

• • • • •

* * *

Словно память «Народной воли».
Тут уже до Горячего поля,
Вероятно, рукой подать.
И смолкает мой голос вещий.
Тут еще чудеса похлеще,
Но уйдем — мне некогда ждать.

* * *

И уже, заглушая друг друга,
Два оркестра из тайного круга
Звуки шлют в лебединую сень

• • • • •

Но где голос мой и где эхо,
В чем спасенье и в чем помеха,
Где сама я и где только тень? —
Как спастись от второго шага...

* * *

Вот беда в чем, о дорогая,
Рядом с этой идет другая,
Слышишь легкий шаг и сухой,
А где голос мой и где эхо,—
Кто рыдает, кто пьян от смеха —
И которая тень другой?

ПРОЗА О ПОЭМЕ

ИЗ ПИСЬМА К NN

...Вы, зная обстановку моей тогдашней жизни, можете судить об этом лучше других.

Осенью 1940 года, разбирая мой старый (впоследствии погибший во время осады) архив, я наткнулась на давно бывшие у меня письма и стихи, прежде не читанные мною («Бес попутал в укладке рыться»). Они относились к трагическому событию 1913 г., о котором повествуется в «Поэме без героя».

Тогда я написала стихотворный отрывок «Ты в Россию пришла ниоткуда» в связи с стихотворением «Современница». Вы даже, может быть, еще помните, как я читала Вам оба эти стихотворения в Фонтанном Доме в присутствии старого шереметевского клена («а свидетель всего на свете...»).

В бессонную ночь 26—27 декабря этот стихотворный отрывок стал неожиданно расти и превращаться в первый набросок «Поэмы без героя». История дальнейшего роста поэмы кое-как изложена в бормотании под заглавием «Вместо предисловия».

Вы не можете себе представить, скольких диких, нелепых и смешных толков породила эта «Петербургская повесть».

Строже всего, как это ни странно, ее судили мои современники, и их обвинения сформулировал в Ташкенте Х., когда он сказал, что я свожу какие-то старые счета с эпохой (10-е годы) и людьми, которых или уже нет, или которые не могут мне ответить. Тем же, кто не знает некоторые «петербургские обстоятельства», поэма будет непонятна и неинтересна.

Другие, в особенности женщины, считали, что «Поэма без героя» — измена какому-то прежнему «идеалу» и, что еще хуже, разоблачение моих давних стихов «Четки», которые они «так любят».

Так в первый раз в жизни я встретила вместо потока патоки искреннее негодование читателей, и это, естественно, вдохновило меня. Затем... я совсем перестала

писать стихи, и все же в течение 15 лет эта поэма неожиданно, как припадки какой-то неизлечимой болезни, вновь и вновь настигала меня (случалось это всюду — в концерте при музыке, на улице, даже во сне). Всего сильнее она терзала меня в декабре 1959 года в Ленинграде — снова превращаясь в трагический балет, что явствует из дневниковых записей (13 декабря) и строфы о Блоке. И я не могла от нее оторваться, дополняя и исправляя по-видимому оконченную вещь.

(Но была для меня та тема,
Как раздавленная хризантема
На полу, когда гроб несут.
Я пила ее в капле каждой
И, бесовскою черной жаждой
Одержима, не знала, как
Мне разделаться с бесноватой)

И неудивительно, что Х., как Вам известно, сказал мне: «Ну, Вы пропали, она Вас никогда не отпустит».

Но... я замечаю, что письмо мое длиннее, чем ему следует быть, а мне еще надо...

27 мая 1955
Москва

ГЛАВА МОГЛА БЫ НАЗЫВАТЬСЯ ВТОРОЕ ПИСЬМО

...увлекшись сообщением последних новостей 1955 <года>, я действительно несколько затянула последнее письмо, потом я, кажется, потеряла его, потому что Вы никогда не упомянули о нем во время наших многочисленных московских встреч. С тех пор случилось нежданное и великое — стихи вернулись в мир. В том письме я, между прочим, писала Вам о моей Поэме. Теперь могу прибавить, что она действительно вела себя очень дурно, так что я одно время предполагала совсем отказаться от нее, как хозяин пса, кусавшего кого-нибудь на улице, делает незнакомое лицо и удаляется, не ускоряя шаг. Но из этого тоже ничего не вышло (а мне с самого начала казалось, что ей пошло бы быть анонимной, а приписать ее уже умершему поэту было бы совсем бессовестно) —

а) потому что никто не хотел взять ее на себя, б) потому что все, с кем я заводила беседу на эту тему, — утверждали, что у их родственников есть списки, сделан-

ные моей рукой со всеми мне присущими орфографическими ошибками (ложь, конечно).

Однако вышеупомянутое письмо не пропало для благодарного потомства, и если этому уготована та же участь, не теряйте надежды увидеть его напечатанным в Лос-Анджелесе или Тимбукту с священной надписью

ALL RIGHTS RESERVED¹

Мне лично приходится любоваться этой надписью на моих никому мною не переуступленных писаниях... Однако это детали. Гораздо хуже то, что делает сама Поэма. По слухам, она старается подмять под себя никакого к ней отношения не имеющие другие мои произведения, искажая этим и мой (какой ни есть) творческий путь, и мою биографию.

Затем я еще раз убеждаюсь, что женщине лучше кокетничать, когда она находится *Du bon côté de la quarantain*², а не наоборот, а я, грешница, из чистейшего кокетства все в том же злополучном письме к Вам любовно перечислила все случаи, когда Поэма была встречена в *штыки*. По-видимому, такой «откровенности» автора соблазнительно поверить.

Конечно, каждое сколько-нибудь значительное произведение искусства можно (и должно) толковать по-разному (тем более это относится к шедеврам). Например, «Пиковая дама» и просто — светская повесть 30-х годов 19 в., и некий мост между 18 и 19 веками (вплоть до обстановки комнаты графини), и библейское «Не убий» (отсюда всё «Преступление и наказание»), и трагедия старости, и новый герой (разночинец), и психология игрока (очевидно, беспощадное самонаблюдение), и проблема языка (каждый говорит по-своему, особенно интересен *русский* язык старухи — до-карамзинский; по-французски, надо думать, она говорит не так), но ... я, простите, забалтываюсь — меня нельзя подпускать к Пушкину... Но когда я слышу, что Поэма и «трагедия совести» (В. Шкловский в Ташкенте), и объяснение, отчего произошла Революция (И. Шток в Москве), и «Реквием по всей Европе» (голос из зеркала), трагедия искупления и еще невесть что, мне становится страшно... (и «исполненная мечта символистов» — В. М. Жирмунский в Комарове; 1960 г.). Многим в ней чудится трагический балет (однако Л. Я. Гинзбург считает, что ее магия — запрещенный прием — why?³).

¹ Все права сохранены (англ.).

² По лучшую сторону сорокалетия (франц.).

³ Почему? (англ.)

Не дожить до конца столетья...
Двадцать первое, двадцать третье...
Будто стружка летит с верстака!

Это, извините, стихи трезвейшего и знаменитого физика-атомщика, но ...довольно — боюсь, что в третьем письме мне придется извиняться за эти цитаты, как я извиняюсь в этом за цитаты 1955 г.

Но что мне делать с старой шаманкой, которая защищается «заклинаниями» и «Посвящениями» из музыки и огня. Это она заставляет меня испытывать весьма лестные для авторского самолюбия ощущения курицы, высидевшей лебединое яйцо и беспомощно хлопающей крыльями на берегу в то время, как лебеденок уже далеко уплыл. По старой дружбе не скрою от Вас, что знатные иностранцы спрашивали меня — действительно ли я автор этого произведения. К чести нашей Родины должна сознаться, что по сю сторону границы таких сомнений не возникало.

Просто люди с улицы приходят и жалуются, что их измучила Поэма. И мне приходит в голову, что мне ее действительно кто-то продиктовал, причем приберег лучшие строфы под конец. Особенно меня убеждает в этом та демонская легкость, с которой я писала Поэму: редчайшие рифмы просто висели на кончике карандаша, сложнейшие повороты сами выступали из бумаги.

22 августа 1961
Комарово

Что вставить во второе письмо

- 1) О Белкинстве.
- 2) Об уходе Поэмы в балет, в кино и т. п. Мейерхольд. (Демонский профиль).
- 3) О тенях, кот. мерещатся читателям.
- 4) «Не с нашим счастьем», как говорили москвичи в конце дек. 1916, обсуждая слухи о смерти Распутина.
- 5) ...и я уже слышу голос, предупреждающий меня, чтобы я не проваливалась в нее, как провалился Пастернак в «Живаго», что и стало его гибелью, но я отвечаю — нет, мне грозит нечто совершенно иное. Я сейчас прочла свои стихи (довольно избранные). Они показались мне невероятно суровыми (какая уж там нежность ранних!), обнаженными, нищими, но в них нет жалоб, плача над собой и всего невыносимого. Но кому они нужны! Я бы, положив руку на сердце, ни за что не стала бы их читать, если бы их написал кто-нибудь другой. Они ничего не дают чита-

телю. Они похожи на стихи человека, 20 л. просидевшего в тюрьме. Уважаешь судьбу, но в них нечему учиться, они не несут утешения, они не так совершенны, чтобы ими любоваться, за ними, по-моему, нельзя идти. И этот суровый черный, как уголь, голос, и ни проблеска, ни луча, ни капли... Все кончено бесповоротно. Может быть, если их соединить с последней книжкой (1961 г.), это будет не так заметно или может создаться иное впечатление. Величья никакого я в них не вижу. Вообще это так голо, так в лоб — так однообразно, хотя тема несчастной любви отсутствует. Как-то поярче — «Выцветшие картинки», но боюсь, что их будут воспринимать как стилизацию — не дай Бог! — (а это мое первое по времени Царское, до-версальское, до-расстрелиевское). А остальное! — углем по дегтю. Боже! — неужели это стихи? Сама трагедия не должна быть такой. Так и кажется, что люди, собравшиеся, чтобы их читать, должны потихоньку говорить друг другу: «Пойдем выпьем» или что-нибудь в этом роде.

Мир не видел такой нищеты,
Существа он не видел бесправней,
Даже ветер со мною на — ты
Там, за той оборвавшейся ставней.

Как я завидую Вам в Вашем волшебном Подмосковии, с каким тяжелым ужасом вспоминаю Коломенское, без которого почти невозможно жить, и Лавру, кот. когда-то защищал князь Долгорукий-Роща (как сказано на доске над Воротами), а при первом взгляде на иконостас ясно, что в этой стране будут и Пушкин, и Достоевский.

И один Бог знает, что я писала: то ли балетное либретто, то ли киношный сценарий. Я так и забыла спросить об этом у Алеши Баталова. Об этой моей деятельности я подробнее пишу в другом месте.

Примечание

Единственное место, где я упоминаю о ней в моих стихах — это —

Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет.
(Cinque, IV)

т. е. предлагаю оставить ее кому-то на память.

Читателей поражает, что нигде не видны швы новых заплат, но я тут ни при чем.

МОЖЕТ БЫТЬ ИЗ ДНЕВНИКА

...Я сразу услышала и увидела ее всю — какая она сейчас (кроме войны, разумеется), но понадобилось двадцать лет, чтобы из первого наброска выросла вся поэма.

На месяцы, на годы она закрывалась герметически, я забывала ее, я не любила ее, я внутренне боролась с ней. Работа над ней (когда она подпускала меня к себе) напоминала проявление пластинки. Там уже все были. Демон всегда был Блоком, Верстовой Столб — Поэтом вообще, Поэтом с большой буквы (чем-то вроде Маяковского) и т. д. Характеры развивались, менялись, жизнь приводила новые действующие лица. Кто-то уходил. Борьба с читателем продолжалась все время. Помощь читателя (особенно в Ташкенте) тоже. Там мне казалось, что мы пишем ее все вместе. Иногда она вся устремлялась в балет (два раза), и тогда ее было ничем не удержать. Я думала, что она там и останется навсегда. Я писала некое подобие балетного либретто, но потом она возвращалась и все шло по-старому.

Первый росток (первый толчок), который я десятилетиями скрывала от себя самой, — это, конечно, запись Пушкина: «Только первый любовник производит впечатление на женщину, как первый убитый на войне»! Всеволод был не первым убитым и никогда моим любовником не был, но его самоубийство было так похоже на другую катастрофу..., что они навсегда слились для меня.

Вторая картина, выхваченная прожектором памяти из мрака прошлого, это мы с Ольгой после похорон Блока, ищущие на Смоленском кладбище могилу Всеволода (1913). «Это где-то у стены», — сказала Ольга, но найти не могли. Я почему-то запомнила эту минуту навсегда.

17 декабря 1959

Ленинград

* * *

Эта поэма — своеобразный бунт вещей *. (Ольгины) вещи, среди которых я долго жила, вдруг потребовали своего места под поэтическим солнцем. Они ожили как бы на мгновение, но оставшийся от этого звук продолжал вибрировать долгие годы, ритм, рожденный этим шоком, то затихая, то снова возникая, сопровождал меня в столь непохожие друг на друга периоды моей жизни, когда я делала совсем другое и думала о другом. Поэма оказалась вмести-

тельнее, чем я думала вначале. Она незаметно приняла в себя события и чувства разных временных слоев, и теперь, когда я, наконец, избавилась от нее — я вижу ее совершенно единой и цельной. И мне не мешает, что, как я сказала в Ташкенте:

Рядом с этой идет другая...

Март 1959
Красная Конница

* Вещей? — Не только вещей — и знаменитый Белый Зал через площадку по той же лестнице (работы Кваренги) принял посильное в ней участие. Там, среди таинственных зеркал, за которыми когда-то прятался и подслушивал Павел I (Семейные рассказы Шереметевых со слов В. К. Шилейки), оказались неприглашенными ряженые 1941 г., а Фонтанный Грот из Шереметевского Сада (уничтожен в ... году), очевидно, не первый раз возникает в бреду, и оттуда фавн приносит (L'argès midi и т. д.) козлоногую.

20 августа 1962
Комарово

* * *

Поэма опять двойтса. Все время звучит второй шаг. Что-то идущее рядом — другой текст, и не понять, где голос, где эхо и которая тень другой, поэтому она так вместительна, чтобы не сказать бездонна. Никогда еще брошенный в нее факел не осветил ее дна. Я, как дождь, проникаю в самые узкие щелочки, расширяю их — так появляются новые строфы. За словами мне порой чудится петербургский период русской истории:

Да будет пусто место сне...

дальше Суздаль — Покровский монастырь — Евдокия Федоровна Лопухина. Петербургские ужасы: могила царевича Алексея, смерть Петра, Павла, Параша Жемчугова, дуэль Пушкина, наводнение, тюремные очереди 1937—8, блокада. Все это должно звучать в еще не существующей музыке.

Опять декабрь, опять она стучится в мою дверь и клянется, что это в последний раз. Опять я вижу ее в пустом зеркале, куда ушел гость из будущего, и во сне.

1961
Ордынка

ЕЩЕ О ПОЭМЕ

Х.У. (икс-игрек) сказал сегодня, что для Поэмы всего характернее следующее: еще *первая* строка строфы вызывает, скажем, изумление, *вторая* — желание спорить, *третья* — куда-то завлекает, *четвертая* — пугает, *пятая* — глубоко умиляет, а *шестая* — дарит последний покой или сладостное удовлетворение — читатель меньше всего ждет, что в следующей строфе для него уготовано опять все только что перечисленное. Такого о Поэме я еще не слышала. Это открывает какую-то новую ее сторону.

2 марта 1963. Ленинград после Москвы.

(Значит, еще до 10-го марта в Комарове, когда возникла одна элегия.)

* * *

Вообще все, что этот человек говорит о моих стихах, несколько не похоже на то, что о них говорили или писали (на многих языках) в течение полувека. Ему как будто дано слышать их во сне или видеть в каком-то заколдованном зеркале.

Про отдельные стихи он знает то, чего не знает никто, и я всегда боюсь читать ему новое. Он никогда (ни разу) не задал мне ни одного вопроса о моих стихах или обстоятельствах, с которыми они связаны, — об их месте в моей жизни. В его отношении есть что-то суровое и сдержанно-целомудренное.

Это так не похоже на все остальное, с чем приходится бороться почти каждый день...

1964

Москва, ул. Мира

* * *

Больше всего будут спрашивать, кто же «Владыка Мрака» (про верстовой столб уже спрашивали...), т. е. попросту черт. Он же в «Решке»: «Сам изящнейший Сатана». Мне не очень хочется говорить об этом, но для тех, кто знает всю историю 1913 г., — это не тайна. Скажу только, что он, вероятно, родился в рубашке, он один из тех, кому все можно. Я сейчас не буду перечислять, что было можно ему, но если бы я это сделала, у современного читателя волосы бы стали дыбом.

Того же, кто упомянут в ее заглавии и кого так жадно искала сталинская охранка, в Поэме действительно нет, но многое основано на его отсутствии.

Не надо узнавать его в герое «Царскосельского лирического отступления» (III глава), а тем более не надо вводить в Поэму ни в чем не повинного графа Комаровского только за то, что он был царскоселом, его инициалы В. К. и он покончил с собой осенью 1914 в сумасшедшем доме.

Таинственный «Гость из Будущего», вероятно, предпочтет остаться неназванным, а так как он один из всех «не веет летейской стужей», я им не заведу.

Но ведь это нужно только для музыкальных характеристик, как в «Карнавале» Шумана, или для совсем пустого любопытства.

Кто-то «без лица и названья» («Лишняя тень» I главы), конечно — никто, постоянный спутник нашей жизни и виновник стольких бед.

Итак, эта шестая страница неизвестно чего почти неожиданно для меня самой сталаместилищем этих авторских тайн. Но кто обязан верить автору? И отчего думать, что будущих читателей (если они окажутся) будут интересовать именно эти мелочи. В таких случаях мне почему-то вспоминается Блок, который с таким воодушевлением в своем дневнике записывает всю историю «Песни Судьбы». Мы узнаем имена всех, кто слушал первое чтение в доме автора, кто что сказал и почему (см. 9, с. 106).

Видно, Александр Александрович придавал очень важное значение этой пьесе. А я почти за полвека не слышала, чтобы кто-нибудь сказал о ней доброе или вообще какое-нибудь слово (бранить Блока вообще не принято).

* * *

Кроме попытки увода Поэмы в предместья (Вяземская Лавра, букинисты, церковные ограды и т. д.) к процессу заземления относится и попытка дать драгуну какую-то биографию, какую-то предысторию (невеста-смолянка, кузина, ушедшая в монастырь — «Великий Постриг», и заколовшаяся от его измены цыганка). Обе пришли из балета, и их обратно в Поэму не пустили («Две тени милые»). Может быть, они возникнут в одной из музык. Но самой Поэме обе девушки оказались совершенно не нужны. Другая линия его настоящей биографии для меня

слишком мало известна и вся восходила бы к сборнику его стихов (Михаил Кузмин).

Биография героини (полу-Ольга,— полу-Т. Вечеслова) записана в одной из моих записных книжек — там балетная школа (Т. В.), полонез с Нижинским, Дягилев, Париж, Москва — балаганы, художник, la danse russe в Царскосельском дворце и т. д. Всего этого Поэма не захотела. Интересно, чего же она еще захочет?

* * *

По слухам, в Америке очень смеялись над тем, что автор описывает свой полет «в брюхе летучей рыбы». Для них, видите ли, самолет то же, что для нас трамвай. Дельно! — однако меня уполномочили поставить этих весельчаков в известность (вероятно, чтобы еще потешить их), что «летучая рыба» была не одна, а вокруг нее было еще восемь истребителей, а под ней — немецкие позиции знаменитого ленинградского кольца, и случилось все это 28 сентября 1941 года.

19 февраля 1961
Красная Конница

< ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК >

План «Прозы о поэме» (Может быть, это будет новое «Вместо предисловия»).

1. Где и когда я ее писала.

2. Как она меня преследовала.

3. О самой Поэме. Провал попыток заземления (запись из пестрой тетради). Ее уходы в балет. Бумеранг.— Карусель.— Поэма Канунов. (Примеры).

4. Ее связь с петербургской гофманианой.

5. Подтекст. «Другая» — траурная — обломки ее в «Триптихе».

Писать широко и свободно. Симфония.

* * *

Определить, когда она начала звучать во мне, невозможно. То ли это случилось, когда я стояла с моим спутником на Невском (после генеральной репетиции «Маска-

рада» 25 февраля 1917 г.), а конница лавой неслась по мостовой, то ли, когда я стояла уже без моего спутника на Литейном мосту, в то время, когда его неожиданно развели среди бела дня (случай беспрецедентный), чтобы пропустить к Смольному миноносцы для поддержки большевиков (25 окт. 1917 г.). Как знать?!

* * *

Вообще же это апофеоз 10-х годов во всем их великолепии и их слабости.

* * *

Ощущение Канунов, Сочельников — ось, на которой вращается вся вещь, как волшебная карусель... Это то дыхание, которое приводит в движение все детали и самый окружающий воздух. (Ветер завтрашнего дня).

* * *

...поэма перерастает в мои воспоминания, которые по крайней мере один раз в год (часто в декабре) требуют, чтобы я с ними что-нибудь сделала.

Это бунт вещей,
Это сам Кашей
На расписанный сел сундук...

* * *

Я начала ее в Ленинграде (в мой самый урожайный 1940 год), продолжала в «Константинополе для бедных», который был для нее волшебной колыбелью, — Ташкенте, потом в последний год войны опять в Фонтанном Доме, среди развалин моего города, в Москве и между сосенок Комарова. Рядом с ней, такой пестрой (несмотря на отсутствие красочных эпитетов) и тонущей в музыке, шел траурный Requiem, единственным аккомпанементом которого может быть только Тишина и редкие отдаленные удары похоронного звона. В Ташкенте у нее появилась еще одна попутчица — пьеса «Энума Элиш» — одновременно шутовская и пророческая, от которой и пепла нет. Лирика ей не мешала, и она не вмешивалась в нее.

* * *

Рядом с этой идет «Другая»..., которая так мешает чуть ни с самого начала (во всяком случае в Ташкенте), — это просто пропуски, это незаполненные (Ромео не было, Эней, конечно, был) пробелы, из которых иногда почти чудом удается выловить что-то и вставить в текст.

* * *

Другое ее свойство: этот волшебный напиток, лиясь в сосуд, вдруг густеет и превращается в мою биографию, как бы увиденную кем-то во сне или в ряде зеркал. («И я рада или не рада, что иду с тобой...»). Иногда я вижу ее всю сквозную, излучающую непонятный свет (похожий на свет белой ночи, когда все светится изнутри), распахиваются неожиданные галереи, ведущие в никуда, звучит второй шаг, эхо, считая себя самым главным, говорит свое, а не повторяет чужое, тени притворяются теми, кто их отбросил. Все двойится и тройится — вплоть до дна шкатулки.

И вдруг эта фата-моргана обрывается. На столе просто стихи, довольно изящные, искусные, дерзкие. Ни таинственного света, ни второго шага, ни взбунтовавшегося эха, ни теней, получивших отдельное бытие, и тогда я начинаю понимать, почему она оставляет холодными некоторых своих читателей. Это случается, главным образом, тогда, когда я читаю ее кому-нибудь, до кого она не доходит, и она, как бумеранг (прошу извинить за избитое сравнение), возвращается ко мне, но в каком виде (!?), и ранит меня самое.

17 мая 1961

Комарово

* * *

О поэме.

Она кажется всем другой:

— Поэма совести (Шкловский)

— Танец (Берковский)

— Музыка (почти все)

— Исполненная мечта символистов (Жирмунский)

— Поэма Канунов, Сочельников (Б. Филиппов)

— Поэма — моя биография

— Историческая картина, летопись эпохи (Чуковский)

— Почему произошла Революция (Шток)

— Одна из фигур русской пляски (раскинув руки и вперед (Пастернак). Лирика, отступая и закрываясь платочком...

* * *

«Триптих» ничем не связан ни с одним из произведений 10-х годов, как хочется самым четвероногим читателям, которые в «простоте» своей полагают, что это способ легче всего отмахнуться от 40-х. «Это старомодно — так когда-то писали». Кто, когда?

Может быть, это очень плохо, но так никто никогда не писал (и между прочим в 10-ых годах).

В. М. Жирмунский очень интересно говорил о поэме. Он сказал, что это исполнение мечты символистов. Т. е. это то, что они проповедовали в теории, но никогда не осуществляли в своих произведениях (магия ритма, волшебство видения), что в их поэмах ничего этого нет.

Например, (Блок о Комиссаржевской): В. Ф. Ком<иссаржевская> голосом своим вторила мировому оркестру. Оттого ее требовательный и нежный голос был подобен голосу весны, он звал нас безмерно дальше, чем содержание произносимых слов.

Вот эту возможность звать голосом неизмеримо дальше, чем это делают произносимые слова, Жирмунский и имеет в виду, говоря о «Поэме без героя». Оттого столь различно отношение к Поэме читателей. Одни сразу слышат это эхо, этот второй шаг. Другие его не слышат (...).

Все это я сообразила очень недавно, и, возможно, это и станет моим разлучением с Поэмой.

* * *

Сегодня М. А. З<енкевич> долго и подробно говорил о «Триптихе». Она (т. е. поэма), по его мнению, — Трагическая Симфония — музыка ей не нужна, потому что содержится в ней самой. Автор говорит как Судьба (Ананке), подымаясь надо всем — людьми, временем, событиями. Сделано очень крепко. Слово акмеистическое, с твердо очерченными границами. По фантастике близко к «Заблудившемуся Трамваю». По простоте сюжета, который можно пересказать в двух словах, — к «Медному Всаднику».

«Итак, если слова Берковского не просто комплимент, — «Поэма без героя» обладает всеми качествами и свойствами совершенно нового и не имеющего в истории литерату-

ры (и тени) прецедента — произведения, потому что ссылка на музыку не может быть приложена ни к одному известному нам литературному произведению. О музыке в связи с «Триптихом» начали говорить очень рано, еще в Ташкенте (называли «Карнавал» Шумана — Ж. Санд), но там характеристики даны средствами самой музыки. Установление им же ее танцевальной сущности (о которой говорил и Пастернак — фигуры «Русской») объясняет ее двукратный уход в балетное либретто.

* * *

В наше время кино так же вытеснило и трагедию, и комедию, как в Риме пантомима. Классические произведения греческой драматургии переделывались в либретто для пантомимов (период империи). Может быть, не случайная аналогия! Не то же ли самое «Ромео и Джульетта» (Прокофьев) и «Отелло» (Хачатурян), превращенные в балеты.

* * *

Если можно шекспировскую трагедию и пушкинскую поэму («Ромео и Джульетта» и «Мавра») переделывать в балет, то я не вижу препятствия, чтобы сделать то же с «Поэмой без героя». Что в ней присутствует музыка, я слышу уже 15 лет и почти от всех читателей этой вещи. Ряд вставных номеров подразумевается. Целая танцевальная сюита в 1-ой части. Музыку (реальную) взять у... Я уверена — она у него есть (или будет). Декорация и костюмы мог бы сделать Дм. Бушен, который был почти свидетелем многих событий 10-ых годов. (Или Юрка Анненков, который тоже кое-что помнит).

* * *

25 ноября... Так возясь то с балетом, то с киносценарием, я все не могла понять, что собственно я делаю. Следующая цитата разъяснила дело: «This book may be read as a poem or verse play»¹ — пишет Peter Veereck (1961 г. «The Tree Witch»)² и затем технически объясняет, каким образом поэма превращается в пьесу. То же и одновременно я делала с «Триптихом». Его «The Tree Witch» — современник моей поэмы и, возможно, такая близость...

1961

---

¹ Эта книга может быть читаема как поэма или пьеса в стихах (англ.).

² Питер Вирек («Дриада») (англ.).

* * *

Когда в июне 1941 г. я прочла М. Ц<ветаевой> кусок поэмы (первый набросок), она довольно язвительно сказала: «Надо обладать большой смелостью, чтобы в 41 году писать об арлекинах, коломбинах и пьеро», очевидно полагая, что поэма — мирискусническая стилизация в духе Бенуа и Сомова, т. е. то, с чем она, может быть, боролась в эмиграции, как с старомодным хламом. Время показало, что это не так.

* * *

Попытка заземлить ее (по совету покойного Галкина) кончилась полной неудачей. Она категорически отказалась идти в предместья. Ни цыганки на заплеванной мостовой, ни паровика, идущего до Скорбящей, ни о Х<лебникове>, ни Горячего Поля, она не хочет ничего этого. Она не пошла на смертный мост с Маяковским, ни в пропахшие березовым веником пятикопеечные бани, ни в волшебные блоковские портерные, где на стенах корабли, а вокруг тайна и петербургский миф — она упрямо осталась на своем роковом углу у дома, который построили в начале 19 в. братья Адамини, откуда видны окна Мраморного Дворца, а мимо под звуки барабана возвращаются в свои казармы курносые павловцы. В то время, как сквозь мягкую мокрую новогоднюю метель на Марсовом Поле сквозят обрывки ста майских парадов и

Все таинства Летнего Сада —
Наводнения, свиданья, осада...

* * *

Еще одно интересное: я заметила, что чем больше я ее объясняю, тем она загадочнее и непонятнее. Что всякому ясно, что до дна объяснить ее я не могу и не хочу (не смею) и все мои объяснения (при всей их узорности и изобретательности) только запутывают дело, — что она пришла ниоткуда и ушла в никуда, ничего не объяснила...

* * *

И только сегодня мне удалось окончательно формулировать особенность моего метода (в Поэме). Ничто не сказано в лоб. Сложнейшие и глубочайшие вещи изложены не на десятках страниц, как они привыкли, а в двух строчках, но для всех понятных.

1962

* * *

И наконец произошло нечто невероятное: оказалось возможным раззеркалить ее, во всяком случае, по одной линии. Так возникло «лирическое отступление» в Эпilogue и заполнились точечные строфы «Решки». Стала ли она понятнее, — не думаю! — Осмысленнее вероятно.

Но по тому высокому счету (выше политики и всего...) помочь ей все равно невозможно. Где-то в моих прозаических заметках мелькают какие-то лучи — не более.

18 декабря 1962
Садово-Каретная

«ИЗ НАБРОСКОВ ЛИБРЕТТО БАЛЕТА ПО «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ»»

...на этом маскараде были «все». Отказа никто не прислал. И не написавший еще ни одного любовного стихотворения, но уже знаменитый Осип Мандельштам («Пепел на левом плече»), и приехавшая из Москвы на свой «Нездешний вечер» и все на свете перепутавшая Марина Цветаева... Тень Врубеля — от него все демоны XX в., первый он сам... Таинственный, деревенский Клюев, и заставивший звучать по-своему весь XX век великий Стравинский, и демонический Доктор Дапертутто, и погруженный уже пять лет в безнадежную скуку Блок (трагический тенор эпохи), и пришедший как в «Собаку» Велимир I... И Фауст — Вячеслав Иванов, и прибежавший своей танцующей походкой и с рукописью своего «Петербурга» под мышкой — Андрей Белый, и сказочная Тамара Карсавина. И я не поручусь, что там в углу не поблескивают очки Розанова и не клубится борода Распутина, в глубине залы, сцены, ада (не знаю чего) временами гремит не то горное эхо, не то голос Шаляпина. Там же иногда пролетает не то царскосельский лебедь, не то Анна Павлова, а уж добрыковский Маяковский, наверно, курит у камина... (но в глубине «мертвых» зеркал, которые оживают и начинают светиться каким-то подозрительно мутным блеском, и в их глубине одноногий старик-шарманщик (так наряжена Судьба) показывает всем собравшимся их будущее — их конец). Последний танец Нижинского, уход Мейерхольда. Нет только того, кто непременно должен был быть, и не только быть, но и стоять на площадке и встречать гостей... А еще:

Мы выпить должны за того,
Кого еще с нами нет.

6—7 января 1962

ПРИМЕЧАНИЯ

При составлении настоящего двухтомника избранных произведений Анны Ахматовой была поставлена основная задача, решить которую стремилась до конца жизни и сама А. А. Ахматова, приводя в порядок свое поэтическое хозяйство.

Сравнивая ее последний прижизненный сборник «Бег времени» (1965) с многочисленными рабочими планами, сохранившимися в архивах, приходишь к убеждению, что показать себя в полном объеме творчества, в силу тогдашних цензурных условий, Ахматова не могла. В «Бег времени», задуманный вначале как итоговая книга стихотворений, не только не вошли многие произведения 1930-х годов, «Реквием» и две части «Поэмы без героя», но и сам сборник, в результате многих цензурных мытарств, стоивших автору очередного инфаркта, превратился в традиционный «изборник», включавший семь якобы «канонических» книг Ахматовой.

В настоящее время исследователями творчества Ахматовой проделана немалая работа, в результате которой читателям стали доступны многие, прежде неизвестные стихотворения поэта. Однако каноны, искусственно созданные при жизни Ахматовой, после ее смерти не только сохраняют свою призрачную силу, но и имеют тенденцию к «окаменению» в результате многочисленных переизданий книг Ахматовой без учета ее последней авторской воли.

Стремление разрушить навязанные «каноны» и дать представление о такой Ахматовой, какой она хотела себя видеть в своих книгах, было главной задачей при составлении первого тома данного издания. Стихи, выходящие за рамки ее восьми книг, а также черновые наброски разных лет, сохранившиеся в государственных и частных собраниях, печатаются во втором томе в хронологическом порядке.

За основу расположения стихотворений и поэм в первом томе взят план двухтомника, составленный Ахматовой в 1962 году (ГПБ, ф. 1073):

- I том I. Из книги *Вечер + (Предвечерие)* 1909—1912
- II. Из книги *Четки* 1912—1914
- III. Из книги *Белая Стая + (У самого моря)* 1914—1917
- II том IV. Из книги *Анно Домини + Подорожник* 1921—1923
- V. Из книги *Тростник (бывшая Ива)* 1924—1940 + *Requiem* 1935—1940
- VI. Из книги *Нечет* 1940—1945
- VII. *Седьмая книга* 1945—1962 + *Бег времени* 1940—1962

Следуя этому плану, поэмы не собираются в одном разделе, как делалось в предыдущих посмертных изданиях, а становятся органической частью той или иной книги. Исключение составляет «Поэма без героя», которая не терпит никакого соседства и образует самостоятельный раздел в конце тома. Здесь дана первая (ташкентская) редакция поэмы 1940-х годов, окончательная редакция (1940—1965), строфы, не вошедшие в основной текст поэмы, и так называемая «Проза о Поэме».

До 1923 года вышло пять стихотворных книг Ахматовой. После этого, в течение 43 лет, ей не удалось выпустить ни одной новой книги. Книга «Тростник» (стихотворения 1923—1940 годов) под названием «Ива» вышла в 1940 году только в составе сборника «Из шести книг». В 1946 году Ахматова сдала в издательство «Советский писатель» рукопись новой книги «Нечет», куда входили стихи 1940—1946 годов. Постановление 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленин-

град» погубило эту книгу: рукопись была возвращена в 1952 году Ахматовой. В дальнейшем ею был составлен новый план книги «Нечет», включивший стихи 1940—1962 годов и поэму «Путем всея земли». Однако и этот план остался нереализованным. В конечном итоге «Нечет» вошел в качестве отдельного раздела в «Седьмую книгу» в составе последнего сборника Ахматовой «Бег времени».

В настоящем издании вместо подцензурной, составленной в какой-то степени вопреки авторской воле «Седьмой книги», печатаются две книги — «Нечет» и «Бег времени», подлинные составы которых восстановлены по авторским спискам, хранящимся в ГПБ и в ЦГАЛИ.

Многие стихи, написанные в 1920—1940-е годы, Ахматова хранила только в своей памяти или доверяла запомнить их близким людям. В конце жизни, восстанавливая по памяти забытые или уничтоженные стихи, Ахматова часто их переделывала; измененными они нередко всплывали и в памяти ее друзей. Таким образом, поэзия Ахматовой последних лет приобретает отчетливый фольклорный характер, и отдельные стихотворения («Стансы» и др.) имеют несколько вариантов. Поскольку настоящее издание не является академическим, составитель при выборе той или иной редакции одних и тех же стихотворений, напечатанных самой Ахматовой в разных сборниках, в качестве основной, в ряде случаев полагался на собственный вкус. Та же проблема выбора «основного» текста возникает и в случае существования печатных и неподцензурных вариантов одного и того же текста. При этом в ряде случаев последняя авторская воля сознательно нарушается, ибо «руки автора были связаны».

Особую сложность представляет вопрос о датировках ахматовских стихотворений. Ахматова считала дату и место написания существенно важными элементами художественного текста, недаром ее стихи почти всегда имеют датировку и указание на место написания. Однако в книгах даты под стихами присутствуют далеко не всегда, а в ряде случаев поставлены заведомо неверные, чтобы в иных случаях отвлечь внимание цензуры. В соответствии с ахматовским принципом максимальной точности датировок в настоящем издании все даты проверены и в ряде случаев уточнены по автографам и другим доступным источникам.

Некоторые стихи 20—40-х годов Ахматова решила записать только в последние годы. Поздние списки датированы с обычной для Ахматовой точностью, но время создания стихов нередко указывается лишь приблизительно. Эти предположительные авторские датировки даются в настоящем издании в угловых скобках.

После смерти Ахматовой ее произведения были изданы и прокомментированы такими специалистами в области ахматовской текстологии, как Л. К. Чуковская, В. М. Жирмунский, В. А. Черных, Р. Д. Тименчик, С. В. Дедюлин. Примечания к данному изданию носят менее академический характер: указываются только первые публикации текстов, а также некоторые публикации, имеющие разночтения; больше внимания уделяется обстоятельствам, связанным с написанием того или иного стихотворения, характеру посвящений, характеристике лирических адресатов, проблемам поэтических переключек, внутренним цитатам, иллюзиям. Разумеется, попытки расшифровки ахматовской «тайнописи» могут показаться субъективными, но нельзя забывать, что сама эта «тайнопись» есть определенный поэтический прием, нуждающийся в комментировании.

Коротко о себе — сб.: Анна Ахматова «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта). Л., 1976, с. 19—22.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ВЕЧЕР

Первая книга стихов А. А. Ахматовой «Вечер» вышла в издательстве «Цех поэтов» в марте 1912 г. Она была отпечатана тиражом 300 экземпляров и содержала 46 стихотворений.

Дебют Анны Ахматовой был встречен критикой сочувственно. Первые рецензенты отмечали, что «Ахматова уже сложившийся художник, поэт, соединяющий в себе два положительных качества: совершенство женственности с трогательно-изысканной интимностью»; было подчеркнуто, что «на молодого поэта оказали влияние, во-первых, Кузмин <...>. И далее, как ни странно с первого взгляда — И. Ф. Анненский» (Ник. Бернер, журнал «Путь», 1912, № 7, с. 66). Бернеру вторил в своей рецензии В. Гиппиус: «Не трудно найти литературную генеалогию А. Ахматовой. Конечно, должны вспоминаться (из русских поэтов) И. Анненский и Кузмин, Сологуб и Блок» (журнал «Новая жизнь», 1912, № 3, с. 270).

Если слова критиков о влиянии Анненского радовали Ахматову, то упорное желание сделать из нее ученицу Кузмина, объяснимое не только тем, что «Вечеру» было предпослано его покровительственное предисловие, но и тем, что в первом сборнике Ахматовой действительно были образцы чуть ли не сознательного подражания Кузмину («Алиса», «Маскарад в парке» и др.), не доставляло Ахматовой удовольствия. Видимо, поэтому Ахматова никогда не переиздавала «Вечер» целиком, а, включив его в состав второй книги «Четки» (1914), изъяла из «Вечера» одиннадцать стихотворений, «казненных, как писал Н. В. Недоброво, быть может, с излишним жестокосердием».

Работу над «Вечером» Ахматова продолжала до конца жизни, неизменно включая его во все издания, но каждый раз в измененном составе. В сборнике «Стихотворения» (Библиотека советской поэзии. М., 1961) Ахматова впервые включила в состав «Вечера» 5 стихотворений из так называемой «Киевской тетради» (другое название — «Предвечерие»), написанных в основном в 1909 году, но впоследствии значительно переделанных автором. Эти стихотворения открывают «Вечер» и в последнем прижизненном сборнике Ахматовой «Бег времени» (1965), однако в целом состав «Вечера» в этой книге сокращен (и не всегда, вероятно, по воле автора) по сравнению со сборником 1940 года «Из шести книг», который следует признать наиболее соответствующим авторской воле. По этому сборнику с прибавлением 7 стихотворений из «Предвечерия», вошедших в состав «Бега времени», печатается «Вечер» в настоящем издании.

В последние годы отношение Ахматовой к ее первым стихам было довольно прохладным. В одной из автобиографических заметок (ГПБ) она писала: «У поэта существуют тайные отношения со всем, что он когда-то сочинил, и они часто противоречат тому, что думает о том или ином стихотворении читатель. Мне, например, из моей первой книги «Вечер» (1912) сейчас по-настоящему нравятся только строки:

Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.

Мне даже кажется, что из этих строчек выросло очень многое в моих стихах. <...> То же, о чем до сих пор так часто упоминают критики, оставляет меня совершенно равнодушной».

Однако равнодушной к судьбе своей первой книги Ахматова никогда не была. Уже после выхода сборника «Бег времени» (1965),

замышляя новое издание своих сочинений, она придумала к «Вечеру» стихотворный эпиграф, написанный как бы от имени Гумилева (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 114, с. 169):

К ВЕЧЕРУ (1910)

Лилия ты, лебедь или дева.
Я твоей поверил красоте,—
Профиль Твой Господь в минуту гнева
Начертал на ангельском щите.

Царское Село (зачеркнуто)
Париж

Эпиграф — из стихотворения «La vigne en Fleur» («Виноградник в цвету») французского поэта Андре Терье (1833—1907).

«Молюсь оконному лучу...». Впервые — журн. «Звезда», 1961, № 5, в составе цикла «Два стихотворения из первой тетради». В автографе (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) заглавие: «Из первой (Киевской) тетради», дата — 1909 г.

Два стихотворения — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1958, без общего заглавия.

«Читая Гамлета...». Впервые оба стихотворения — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1961. В рукописной книге «Нечет» (ГПБ) дата: 1909—1945. 1. «У кладбища направо пыл пыльный пустырь...» — журн. «Ленинград», 1946, № 1—2, с. 13. Третья строка в этой публикации: «Ты сказал мне: «Офелия, иди в монастырь...». В так называемой «Черной тетради» (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) сохранился отрывок более ранней редакции этого стихотворения:

Мы прощались, пройдя через пыльный пустырь,
И вдали голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака».

Киев. 1909

«И когда друг друга проклинали...» — журн. «Звезда», 1961, № 5, с. 146. В «Черной тетради» (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) сохранился автограф 1950-х годов, восстанавливающий, по-видимому, первоначальную редакцию стихотворения — одного из шедевров ранней лирики Ахматовой. Эта редакция носила более личный характер, что, видимо, и помешало тогда Ахматовой включить стихотворение в состав «Вечера». Однако, публикуя его спустя полвека после написания, она, в сущности, оставляет текст в первоизданном виде, убирая лишь некоторые, чересчур личные, мотивировки. Приводим редакцию 1909 года полностью:

...И когда друг друга проклинали
В бешенстве тоскующего зла,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала
И что память яростная мучит,
Пытка сильных, огненный недуг,
И в ночи зловещей сердце учит
Спрашивать: «О, где ушедший друг?»
А когда сквозь волны фимиама
Хор гремит, ликуя и грозя,
В душу смотрят строго и упрямо
Те же неизбежные глаза.

Первое возвращение — журн. «Наш современник», 1960, № 3, с. 179. В рукописи книги «Нечет» (ГПБ) дата: 1910. Ц<арское> С<ело> — 1945. В списке стихотворений Ахматовой, сделанном

в 1940-х годах Н. Л. Дилакторской, сохранился более ранний вариант:

На землю саван тягостный возложен.
Томительно гудят колокола.
И снова дух смятенный потревожен
Истомной скукой Царского Села.

Любовь — «Вечер», с. 13. Датируется по авторизованному списку дат, хранящемуся в собрании Н. Л. Дилакторской.

В Царском Селе. Вместе все стихотворения — «Вечер», с. 14—16. I. «По аллее проводят лошадок...»; II. «А там мой мраморный двойник...» — Литературный альманах «Аполлон», СПб., 1912, с. 42. III. «Смуглый отрок бродил по аллеям...» — «Вечер», с. 16. В сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1958 вошло под названием «Пушкин» с вариантом второй строки: «У озерных грустил берегов». Об этом стихотворении Ахматова говорила В. Я. Виленкину: «Просто вспомнила, что в царскосельском парке никаких «глухих берегов» не было и гораздо больше там было сосен, чем елей» («Вопросы литературы», 1983, № 6, с. 152—153). Пятая строка читалась: «Иглы елей густо и колко...»

«И мальчик, что играет на волынке...»; «Любовь покоряет обманно...» — «Вечер», с. 17—18. Даты по списку Н. Л. Дилакторской.

«Сжала руки под темной вуалью...» — журн. «Новая жизнь», 1911, № 7, с. 5. Дата по списку Н. Л. Дилакторской.

«Память о солнце в сердце слабеет...» — журн. «Новая жизнь», 1911, № 7, с. 5, под названием: «Может быть!». Вторая строфа впервые в сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1961, с. 24. Дата по списку Н. Л. Дилакторской.

«Высоко в небе облачко серело...»; «Сердце к сердцу не приковано...» — «Вечер», с. 21, 44.

«Дверь полуоткрыта...» — журн. «Gaudeamus», 1911, № 8, с. 1.

«Хочешь знать, как всё это было?..» — «Вечер», с. 24, с вариантом последней строки: «Да?!».

Песня последней встречи — «Вечер», с. 25—26.

«Как соломинкой, пьешь мою душу...»; «Я сошла с ума, о мальчик странный...» — «Вечер», с. 27—28, 29. Даты по списку Н. Л. Дилакторской.

«Я живу, как кукушка в часах...» — «Вечер», с. 78, под заглавием «Кукушка».

Похороны — «Вечер», с. 79—80.

«Мне с тобою пьяным весело...» — «Вечер», с. 41. Дата по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77).

Обман — «Вечер», с. 35—40. Цикл посвящен Марии Александровне Эмунчилла («Наничке»), двоюродной сестре Ахматовой, в 1915 г. ставшей женой ее старшего брата Андрея Андреевича Горенко. Начиная с 3-го издания «Четок» (1916 г.) — посвящение «М. А. Горенко». I. «Весенним солнцем это утро пьяно...» — журн. «Gaudeamus», 1911, № 9, с. 1. Дата по списку Н. Л. Дилакторской. II. «Жарко веет ветер душный...» — журн. «Gaudeamus», 1911, № 10, с. 2. В ИМЛИ хранится альбом племянницы Н. С. Гумилева — Марии, куда Ахматова вписала это стихотворение с дарственной надписью: «Марусе»; датировано июнем 1910 г. В предпоследней строчке разночтение: «Что сегодня мне приснится». III. «Синий вечер. Ветры кротко стихли...» — «Вечер», с. 37—38. Дата по авторизованному списку стихов (ЦГАЛИ). IV. «Я написала слова...» — «Вечер», с. 39—40.

«Муж хлестал меня узорчатым...» — журн. «Русская мысль», 1911, № 12, с. 216. Содержание стихотворения не следует понимать буквально и связывать его с реальными обстоятельствами биографии Ахматовой: это относится и к другим ее ранним стихам.

Песенка — «Вечер», с. 45—46. Последняя строфа впервые в сб.: Анна Ахматова. «Из шести книг», с. 300.

«Я пришла сюда, бездельница...» — журн. «Новая жизнь», 1912, № 1, с. 5.

Белой ночью; «Под навесом темной риги жарко...»; «Хорони, хорони меня, ветер!..»; Музе — «Вечер», с. 49—52, 57—58.

«Три раза пытаться приходила...» — «Вечер», с. 85—86. В черновом автографе (ЦГАЛИ) с заголовком «Двойник» и подзаголовком «Сегодня ночью».

Сероглазый король — журн. «Аполлон», 1911, № 4, с. 20. В сб. «Из шести книг» (1940) перед последним двустишием вставлено:

И покажу ей над башней дворца
Траурный флаг по кончине отца.

Романс на слова этого стихотворения — одного из самых популярных в раннем творчестве Ахматовой — исполнял А. Вертинский, что, по словам Н. Ильиной, раздражало Ахматову, как и вообще успех, выпавший на долю этого стихотворения. Анна Андреевна говорила о нем тоном оправдания: «Мне же было тогда двадцать лет, и это была попытка баллады» (Н. Ильина. Судьбы. Из давних встреч. М., 1980, с. 224).

Рыбак — «Вечер», с. 68—69.

Сад — «Вечер», с. 81—82; в строке 12 было: «Недавние следы».

Подражание И. Ф. Анненскому — «Вечер», с. 75—76. Первоначальная редакция стихотворения:

И с тобой, моей первой причудой,
Я простился. Чернела вода.
Просто молвила: «Я не забуду».
Я так странно поверил тогда.

Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?

И всегда открывается книга
В том же месте. Не знаю зачем!
Я люблю только радости мига
И цветы голубых хризантем.

О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня...
Никогда не пойму, ты близка мне
Или только любила меня.

Текст, публикуемый в данном издании, впервые — в сб. «Из шести книг», с. 314—315. Дата по списку Н. Л. Дилакторской. Анненский, Иннокентий Федорович (1855—1909) — поэт, литературный критик, переводчик античных авторов.

«Мурка, не ходи, там сыч...» — кн.: Анна Ахматова. «Подорожник». Пг., 1921, с. 39. В составе книги «Вечер» впервые в сборнике «Бег времени» (1965). В сб.: «Стихотворения» (М., 1958, с. 18) — с заголовком «В детской». Дата в ранних изданиях и по списку Н. Л. Дилакторской — 1914; в сб. «Бег времени» — 1911.

«Меня покинул в новолунье...» — журн. «Нива», 1913, № 5, с. 67. Дата по списку Н. Л. Дилакторской; в «Четках» дата —

1912. Текст публикуется по 1-му изданию «Четок» (1914, с. 7). В первоначальной редакции стихотворение начиналось: «Меня покинул в полнолуние...»; там же вариант 9-й строки: «Пусть узок путь мой, пусть опасен...»

«Туманом легким парк наполнился...» — «Вечер», с. 77, без даты; автограф (ЦГАЛИ) также не датирован. В списке Н. Л. Дилакторской дата: Апрель 1911. В автографе есть вариант 2-й строки: «Тревожно вспыхивает газ». *Иванова-Шварсалон, Вера Константиновна* (1890—1920) — дочь писательницы Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, падчерица, позднее жена поэта В. И. Иванова.

«Я и плакала и каялась...» — сб. «Из шести книг», с. 317.

ЧЕТКИ

Из всех книг Ахматовой «Четки» имели самый шумный успех и в то же время самую противоречивую прессу. Второй сборник поэта должен был на практике осуществить постулаты нового литературного направления — акмеизма, по словам самой Ахматовой, «противопоставлявшего себя Символизму». Но далеко не все рецензенты согласны были видеть в успехе «Четок» только творческую победу одной из представительниц «Цеха поэтов». Так, стоявший принципиально вне направлений поэт Борис Садовской в рецензии с характерным названием «Конец акмеизма» противопоставляет Ахматову «Цеху», справедливо находя в этой книге мотивы, роднящие ее с трагической лирикой Александра Блока: «Г-жа Ахматова, несомненно, талантливый поэт, именно поэт, а не поэтесса. В поэзии Ахматовой чувствуется что-то родственное Блоку, его нежной радости и острой тоске; можно сказать, что в поэзии Ахматовой острая башня блоковских высот как игла пронзает одинокое нежное сердце». И далее, отделяя Ахматову от акмеизма, Б. Садовской писал: «Лирика Ахматовой — сплошное горе, покаяние и мука, истый же акмеист <...> должен быть самодоволен как Адам до грехопадения. В самом задании акмеизма отсутствует трагедия, отсутствует переживание запредельного, другими словами, отсутствуют в нем элементы подлинной лирики».

В 1964 году, выступая в Москве на вечере, посвященном пятидесятилетию выхода «Четок», поэт Арсений Тарковский говорил: «...С «Четками» для Ахматовой наступила пора народного признания. До Революции ни одна книга нового русского поэта не была переиздана столько раз, как «Четки». Слава распахнула перед ней ворота сразу, в один день, в один час. <...> место было пусто с тех пор, как перестала существовать Сафо. Поэзия Ахматовой распространилась не только в будущее, но как бы и в прошлое, и разрыв между последним стихотворением греческой поэтессы и первым русской перестал казаться столь большим». Подобные славословия ранних стихов несколько раздражали Ахматову, — в них она усматривала недооценку своего позднего творчества. «Хвалы эти мне не по чину, И Сафо совсем ни при чем...» — эти ее стихи кажутся прямым ответом похвальному слову Тарковского. И все-таки «Четки» как были, так и остались пусть не самой совершенной, но, безусловно, самой знаменитой книгой поэта.

Эпиграф — из стихотворения Е. Баратынского «Оправдание»; впервые — в сб. «Из шести книг» (1940).

Смятение — журн. «Гиперборей», 1913, № 5, с. 3.

Прогулка — «Четки», изд. 1-е, СПб., 1914, с. 10. По словам Л. Ю. Брик, это стихотворение любил В. В. Маяковский — декламировал и даже напевал его, иронически подшучивая над своим чувством к нему.

«Я не любви твоей прошу...» — журн. «Звезда», 1946, № 1, с. 70. В автографе (ЦГАЛИ) дата: Июль 1914; с вариантом 17-й строки: «В мою томительную ночь...». По неизвестным причинам Ахматова не включала это стихотворение ни в одно издание «Четок», кроме «Бега времени». Слепнево — усадьба в Бежецком уезде Тверской губернии, принадлежавшая свекрови Ахматовой, А. И. Гумилевой. Ахматова проводила там каждое лето с 1911 по 1917 г. и написала около сотни стихотворений, а также большую часть поэмы «У самого моря». Стихотворение «Я не любви твоей прошу...» — последнее, написанное Ахматовой перед первой мировой войной, о чем свидетельствует мемуарная заметка, сохранившаяся в записной книжке «Лермонтов» (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 114, с. 99):

«1 августа <1965>

И все-таки он явился.

Сегодня — Илья. Вчера всю ночь катался на своей колеснице по небу. 51 год тому назад началась та война — как помню тот день (в Слепневе) утром еще спокойные стихи («От счастья я не исцеляю»), а вечером вся жизнь вдребезги. Недоумевающий Лева повторял: «Баба Ана — пачет, мама — пачет, тетя Хуха — пачет».

И завывали бабы по деревне.

Это один из главных дней».

В списке Н. Л. Дилакторской стихотворение датируется 20 июля 1914 г.

Вечером — журн. «Гиперборей», 1913, № 8, с. 4, без заглавия.

«Все мы бражники здесь, блудницы...» — журн. «Аполлон», 1913, № 3, с. 36, под заглавием «Cabaret artistique» (франц.—«Артистическое кабаре»). В черновом автографе (ЦГАЛИ)—заголовок: «В «Бродячей собаке», с зачеркнутым подзаголовком «Посвящается друзьям», с пометой «В вагоне». В рабочих рукописях «Бега времени» (ЦГАЛИ) Ахматова заменила 1-ю строчку: «Все мы вышли из небылицы». «Бродячая собака» — литературно-художественное кабаре, которое помещалось во втором дворе дома № 5 на Михайловской площади (ныне площадь Искусств). Существовало с 13 декабря 1911 г. до весны 1915 г. Здесь Ахматова познакомилась с Артуром Лурье, который, вероятно, является героем стихотворения (к нему же обращен цикл «Смятение»). Лурье, Артур Сергеевич (1891—1966) — композитор, один из завсегдатаев «Бродячей собаки», где исполнялись его первые музыкальные произведения («Формы в воздухе» и др.). В 1914 г. А. Лурье написал цикл романсов на стихи Ахматовой из книги «Четки».

«После ветра и мороза было...» — «Четки» (1914), с. 15. Строки 5—6 взяты Ахматовой эпиграфом к I-й главе Первой части «Поэмы без героя».

«Косноязычно славивший меня...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 8, с. 6. В автографе (ИРЛИ) стихотворение обращено к В. К. Шилейко. Шилейко, Владимир (Вольдемар) Казимирович (1891—1930) — выдающийся ученый-востоковед, семитолог; талантливый поэт. Второй муж Ахматовой. Еще до женитьбы он посвящал ей стихи, в которых Ахматова видела преувеличенные и неуместные

восхваления своей поэтической личности. Стихотворение «Косноязычно славивший меня» является ответом, скорее всего, на стихотворение Шилейко начала 1910-х годов:

Уста Любви истомлены,
Истончены ее уборы,
Ее безвинной пелены
Коснулись хищные и воры.
И больно видеть, что она
В пирах ликующего света
Глухим вином напоена
И ветхой ризою одета.
Поёт и тлеет злая плоть.
Но знаю верой необманной:
Свою любимую Господь
Возвысит в день обетованный —
И под огнями суеты
Она взойдет стезей нестыдной,
Благословеннее звезды
В сиянье славы очевидной.

Это стихотворение записано Ахматовой в т. н. «полосатой тетради» (альбом «В ста зеркалах», ГПБ). В последних строчках стихотворения Ахматовой впервые появляется переключка с темой богоборчества позднего П. А. Вяземского:

Свой катехизис сплошь прилежно изуча,
Вы Бога знаете по книгам и преданьям,
А я узнал его по собственным страданьям
И где отца искал, там встретил палача.

«...И на ступеньки встретить...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 5, с. 6.

«Безвольно пощады просят...» — альм. «Жатва», 1913, № 4, с. 5. В литературе об Ахматовой бытует мнение, что это стихотворение адресовано А. Блоку, но на экземпляре сборника стихов 1958 г., подаренного Ахматовой ближайшей подруге В. С. Срезневской, оно имеет посвящение: С. С. <Сергею Судейкину?> *Короткое, звонкое имя* — возможно, «Пим» — домашнее прозвище Судейкина.

«В последний раз мы встретились тогда...» — «Четки» (1917), с. 29. Стихотворение, по-видимому, посвящено поэту графу Василию Алексеевичу Комаровскому (1881—1914) и является ответом на его стихотворение, напечатанное в «Аполлоне», 1913, № 8:

Видел тебя красивой лишь раз. Как дымное море,
Сини глаза. Счастливо лицо. Печальна походка.
Май в то время зацвел, и воздух светом и солью
Был растворен. Сияла Нева. Теплом и весною
Робкою грудью усталые люди дышали.
Ты была влюблена, повинувшись властному солнцу,
И ждала — а сердце, сгорая, пело надеждой.
Я же, случайно увидев только завесу,
Помню тот день. Тебя ли знаю и помню?
Или это лишь молодость — общая чаша?

Комаровский покончил с собой вскоре после начала Первой мировой войны. Возможно, отсюда идет тема «его миновавшей чаши» во втором посвящении к «Поэме без героя».

«Покорно мне воображенья...» — «Четки» (1914), с. 19. Это первое стихотворение из ряда посланий, обращенных к Н. В. Недоброву. Недоброво Николай Владимирович (1882—1919) — друг и вдохновитель Ахматовой, автор лучшей статьи о ее творчестве (см. «Русская мысль», 1915, № 7, отд. 2, с. 50—68). Выражая общее мнение друзей Ахматовой, Ю. Л. Сазонова-Слонимская писала через много лет: «Нам представляется, что в стихах Ахматовой «прекрасных

рук счастливый пленник» она обращалась к Недоброво, а не к Блоку, как принято считать. Блок не был пленником прекрасных рук и, во всяком случае, это не могло быть его отличительным признаком. О прекрасных руках жены Недоброво говорилось часто, и это как бы было ее особенностью. Н. В. Недоброво мог быть назван пленником по своей обычной покорности жене, которую он полушутя называл «императрицей». Эпитет «знаменитый», не применимый к мало печатавшемуся Недоброво, мог быть либо дружеским преувеличением, либо просто желанием направить критику по ложному следу». Кроме того, в определении «знаменитый современник» угадывается элемент легкой иронии над увлечением Недоброво своей родословной, которую он возводил к Пушкину. И не случайно Ахматова почти цитирует фразу из пушкинского письма: «Я скучаю в моем псковском уединении».

Отрывок — альм. «Жатва», 1913, № 4, с. 3. Дата по списку Н. Л. Дилакторской.

«Горят твои ладони...» — «Четки» (1923), с. 21.

«Не будем пить из одного стакана...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 8, с. 5. Обращено к М. Л. Лозинскому (см. Л. К. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой). Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955) был другом Ахматовой на протяжении всей ее жизни. Ахматова советовалась с ним по всем вопросам при подготовке своих книг к печати. По выходе «Белой стаи» она подарила Лозинскому экземпляр с надписью: «Михаилу Леонидовичу Лозинскому Белая стая от его друга Ахматовой. Малый дар за великий труд. 15 сентября 1917. Петербург».

«У меня есть улыбка одна...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 8, с. 4.

«Настоящую нежность не спутаешь...» — «Четки» (1914), с. 23.

«Проводила друга до передней...» — кн.: Анна Ахматова. «Подорожник». Пг., 1921, с. 50. В состав «Четок» перенесено в сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения», М., 1961.

«Столько просьб у любимой всегда...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 5, с. 7. Дата по списку Н. Л. Дилакторской. Стихи адресованы поэту Николаю Гумилеву (1886—1921), мужу Ахматовой. За два года, прошедшие со дня свадьбы (25 апреля 1910 г.), их отношения вполне определились, как отношения двух совершенно разных людей и поэтов. Стихотворение насквозь пронизано иронией в адрес человека, который, по мнению героини, уделял слишком много внимания созданию своей поэтической биографии.

«Здравствуй! Легкий шелест слышишь...» — «Четки» (1914), с. 30. На слова этого стихотворения С. Прокофьев написал романс.

«Цветов и неживых вещей...» — журн. «Новая жизнь», 1914, № 2, с. 3, с 9-й строкой: «А мальчик мне сказал, таясь». В стихотворении наблюдаются детали слепневского быта.

«Каждый день по-новому тревожен...» — журн. «Новая жизнь», 1914, № 1, с. 3.

«Мальчик сказал мне: «Как это больно!..» — журн. «Русская мысль», 1913, № 13, с. 130.

«Высокие своды костела...» — «Четки» (1914), с. 36. В основе этого стихотворения лежит событие, которое Ахматова в «Прозе о Поэме» назвала «катастрофой». Описано во Владикавказской газете в декабре 1911 г.: «В ночь на 23 декабря в казарме 3-й батареи 21-й артиллерийской бригады в 1-й части города выстре-

лом в грудь из револьвера системы «Наган» кончил жизнь самоубийством вольноопределяющийся этой батареей, сын директора С.-Петербургского кадетского корпуса Михаил Александрович Линдеберг. <...> Причины, побудившие его кончить жизнь, говорят, — романтические» (Цит. по статье Р. Тименчика «Рижский эпизод в "Поэме без героя" Анны Ахматовой». — «Даугава», 1984, № 2, с. 121). М. А. Линдеберг похоронен на лютеранской части Волкова кладбища в Петербурге. В «Поэме без героя» Линдеберг как бы скрытый и зашифрованный двойник героя-самоубийцы Всеволода Князева.

«Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!..» — «Четки» (1914), с. 38. Стихотворение написано в Берлине после посещения Ахматовой знаменитого берлинского «Зверинца» («Zoo»). — «И снова голосом серсбряным олень» — переключка с Андерсенном («Снежная королева»).

Голос памяти — журн. «Гиперборей», 1913, № 8, с. 3, без посвящения. Посвящение впервые в «Четках» (1914). Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина (1885—1945) — актриса, близкая подруга Ахматовой. «Кто для белой смерти твой покинул плен?» — намек на самоубийство поэта Всеволода Князева (скончался 5 апреля 1913 г. в Риге). Ахматова считала Судейкину виновницей смерти влюбленного в нее поэта. Эта тема послужила впоследствии сюжетом «Петербургской повести» в «Поэме без героя». Сама Судейкина думала иначе. На вопрос О. Н. Арбениной, из-за нее ли покончил с собой Князев, Судейкина ответила: «К сожалению, не из-за меня».

«Я научилась просто, мудро жить...» — журн. «Русская мысль», 1913, № 2, с. 86. Во Флоренции Ахматова была вместе с Гумилевым; они провели там 10 дней (записи П. Н. Лукницкого, ГПБ).

«Здесь всё то же, то же, что и прежде...» — журн. «Гиперборей», 1912, № 1, с. 6.

Бессонница — журн. «Русская мысль», 1913, № 2, с. 86.

«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...» — «Ежемесячный журнал», 1914, № 2, с. 6, с разночтениями строчек 5—6:

Так больно было уколиться
О ствол речного тростника.

«Углем наметил на левом боку...» — «Четки» (1914), с. 46.

«Помолись о нищей, о потерянной...» — журн. «Гиперборей», 1912, № 1, с. 5.

«Вижу выцветший флаг над таможенной...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 5, с. 5, под заглавием «Возвращение». Написано на даче «Отрада» («Новый Херсонес») в трех верстах от Севастополя, на берегу Стрелецкой бухты, где Ахматова проводила каждое лето с 7 до 14 лет. Гумилев писал <1913 г.> Ахматовой: «Я весь день вспоминаю твои строки о «приморской девчонке», они мало того что нравятся мне, они меня пьянят. Так просто сказано так много, и я совершенно убежден, что из всей послесимволистической поэзии ты да, пожалуй (по-своему), Нарбут окажетесь самыми значительными» («Новый мир», 1986, № 9, с. 220).

«Плотно сомкнуты губы сухие...»; «Дал Ты мне молодость трудную...» — «Четки» (1914), с. 52, 53.

8 ноября 1913 года — «Четки» (1914), с. 54, без заглавия. 8 ноября ст. ст. — день архангела Михаила. Обращено к М. Л. Лозинскому.

«Ты пришел меня утешить, милый...» — «Четки» (1914), с. 55. Написано в квартире на наб. Средней Невки, 12, где жил отец Ахматовой, Андрей Антонович Гóренко.

«Умирая, томлюсь о бессмертии...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 5, с. 4.

«Ты письмо мое, милый, не комкай...» — журн. «Заветы», 1913, № 5, с. 6, с разночтениями.

Исповедь — «Четки» (1914), с. 60. Не тот ли голос... — ср. стихотворение И. Анненского «Дочь Иaira».

«В ремешках пенал и книги были...» — «Четки» (1914), с. 61. Аня Гóренко и Н. Гумилев познакомились 24 декабря 1903 г., в рождественский сочельник. В последние годы Ахматова относилась к этому стихотворению резко отрицательно; в разговоре с М. И. Будыко назвала его «ханжеским». В библиотеке Ахматовой (ИРЛИ) хранится экземпляр книги Е. А. Баратынского «Стихотворения» (М., 1835), подаренный ей В. К. Шилейко 23 апреля 1915 г. В этой книге рукой самой Ахматовой отмечена поэтическая параллель с 1-й строкой стихотворения «Мой дар убог и голос мой не громок».

«Со дня Купальницы - Аграфены...» — «Четки» (1914), с. 62. Дата по списку Н. Л. Дилакторской. Обращено к А. Лурье. Тема царя Давида часто присутствует в стихах, связанных с Лурье.

«Я с тобой не стану пить вино...» — «Четки» (1914), с. 63. В автографе (ЦГАЛИ) дата — 26 января 1914. Как и предыдущее, обращено к А. Лурье, который был моложе Ахматовой на три года.

«Вечерние часы перед столом...» — «Четки» (1914), с. 64.

«Будешь жить, не зная лиха...» — «Четки» (1923), с. 58. В этом стихотворении впервые появляются элементы хорошего начала, связанного с темой нищих в Царском Селе, которая станет основополагающей в композиции книги «Белая стая».

«Как вплелась в мои темные косы...» — «Четки» (1914), с. 67, с разночтениями.

«Я пришла тебя сменить, сестра...» — журн. «Аполлон», 1913, № 3, с. 35.

Стихи о Петербурге — «Четки» (1914), с. 71. О том, что герой этого цикла, по-видимому, Н. В. Недоброво, косвенно свидетельствует его стихотворение «Светлое воскресенье четырнадцатого года», основу которого составляет та же тема взаимной свободы:

...Свободна ото льда и пароходов,
Вся в тонких струйках искрится Нева
И, пышно поделаясь на рукава,
Объемлет и, колеблясь в чистых водах,
Лелеет радостные острова!

А сердце полным роздыхом природы,
Овеянным благословенным днем,
Во мне расширено до той свободы,
Что ничему теперь не тесно в нем.

И сердцем той, кто без того свободна,
Так радостно свободу подтвердить!
Господь сошел весь мир освободить,
И никакая жертва не бесплодна.

«Знаю, знаю — снова лыжи...» — «Четки» (1914), с. 76. Венеция — «Четки» (1914), 77. Слепнево указано у Н. Л. Дилакторской.

«Протертый коврик под иконой...» — альм. «Жатва», 1913, № 4, с. 4, с опечаткой «простёртый».

Гость — «Четки» (1914), с. 80. Дата по автографу ЦГАЛИ.
«Я пришла к поэту в гости...» — журн. «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 1, с. 5, под заглавием «Александру Блоку».
«Простишь ли мне эти ноябрьские дни?..» — «Четки» (1923), с. 75. Дата по списку Н. Л. Дилакторской. Впервые записано Ахматовой как дарственная надпись на 2-м издании «Четок» (1915) М. Л. Лозинскому (архив М. Л. Лозинского).

БЕЛАЯ СТАЯ

В 1916 году, накануне выхода «Белой стаи» Осип Мандельштам писал в рецензии на сборник стихов «Альманах муз»: «В последних стихах Ахматовой произошел перелом к гиратической важности, религиозной простоте и торжественности: я бы сказал, после женщины настал черед жены. Помните: «смирренная, одетая убого, но видом величаявая жена». Голос отречения крепнет все более и более в стихах Ахматовой, и в настоящее время ее поэзия близится к тому, чтобы стать одним из символов величия России».

«Белая стая» вышла в свет в сентябре 1917 года в издательстве «Гиперборей» тиражом 2000 экз. В нее вошли 83 стихотворения и поэма «У самого моря».

Во всех немногочисленных, по условиям смутного времени, отзывах на третью книгу поэта отмечалось ее стилевое отличие от двух первых. А. Л. Слонимский видел в стихотворениях, составивших «Белую стаю», «новое углубленное восприятие мира», которое, по его мнению, было связано с возобладанием в третьей книге духовного начала над «чувственным», «очень женственным», причем духовное начало утверждается, по мнению критика, в «каком-то пушкинском взгляде со стороны» («Вестник Европы», 1917, № 12, с. 406). Другой видный критик, К. В. Мочульский, «резкий перелом ахматовского творчества» связывал с пристальным вниманием поэта к явлениям русской действительности 1914—1917 годов: «Поэт оставляет далеко за собой круг интимных переживаний, уют «темно-синей комнаты», клубок разноцветного шелка изменчивых настроений, изысканных эмоций и прихотливых напевов. Он становится строже, суровее и сильнее. Он выходит под открытое небо — и от соленого ветра и степного воздуха растет и крепнет его голос. В его поэтическом репертуаре появляются образы Родины, отдается глухой гул войны, слышится тихий шепот молитвы» («Современные записки», Париж, 1922, № 10, с. 386).

Одиночество лирических героинь «Вечера» и «Четок» в третьей книге Ахматовой сменяет хоровое многоголосье. Таким образом поэт как бы подключается к народному сознанию. Хоровое начало, полифонизм становится отныне основным структурообразующим элементом художественной системы Ахматовой.

Эпиграф — из стихотворения И. Анненского «Милая». Впервые — в сб. «Из шести книг».

«Думали: нищие мы, нету у нас ничего...» — «Белая стая» (1917), с. 9. Дата — по списку Н. Л. Дилакторской. В. М. Жирмунский, отмечая сходство этого стихотворения со стихотворением Блока «Голос из хора», обращал внимание на единство темы, впервые роднящее двух великих поэтов России: «ощущение зыбкости привычного им уклада, бытового и общественного, в его мнимом благополучии и самоуспокоенности и предчувствие грядущих личных и социальных бед, у Блока — с перспективой философско-исторической и

соответственно этому с пророческой интонацией, у Ахматовой — в форме более интимной, простой и персональной, с элементами народной образности и лексики <...>. Характерна и краткая, отрывочная, по видимости — небрежная и незаконченная форма маленького стихотворения, которая заставила Ахматову сомневаться, печатать ли ей этот отрывок. Впоследствии она поместила его как введение к «Белой стае» и рассматривала как лучшее из своих ранних стихотворений» (В. М. Жирмунский. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973, с. 65—66).

«Твой белый дом и тихий сад оставлю...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 9—10, с. 4, в цикле «Восьмистишия». В последних строках — переключка с Пушкиным. У Пушкина («Египетские ночи»):

Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою?

Даты в этом и последующих стихотворениях уточнены по книге: А. Ахматова. Белая стая. Пг., «Гиперборей», 1917, с дарственной надписью: «Вячеславу Вячеславовичу Срезневскому с уважением и любовью в память многих бесед в памятные дни 1917. Анна Ахматова». В этой книге (хранится в частном собрании, Москва) даты и место написания стихотворений проставлены чернилами рукой Ахматовой. Срезневский В. В. — врач-психиатр, муж подруги Ахматовой Валерии Сергеевны Срезневской (1888—1964). У Срезневских Ахматова жила в Петрограде на Боткинской, 9, с января 1917 до осени 1918 года.

Уединение — «Ежемесячный журнал», 1914, № 12, с. 3, без заглавия. «И часто в окна комнаты моей...» — Комната, в которой жила Ахматова в слепневском доме, окнами выходила на север.

Песня о песне. — «Белая стая» (1917), с. 12.

«Слаб голос мой, но воля не слабеет...» — «Ежемесячный журнал». 1914, № 3, с. 3. По списку Н. Л. Дилакторской стихотворение написано в Оспедалетто и датируется весной 1912 года. В апреле 1912 г. Ахматова вместе с Н. С. Гумилевым прожили около недели в Оспедалетто, у родных М. А. Кузьминой-Караваевой.

«Был он ревнивым, тревожным и нежным...» — «Невский альманах. Жертвам войны. Писатели и художники». Пг., 1915, с. 11. Во всех публикациях до «Бега времени» печаталось: «Как Божие солнце, меня любил...»

«Тяжела ты, любовная память!..» — «Альманахи стихов, выходящие в Петрограде», вып. 1, Пг., 1915, с. 5.

Поэт и критик В. Ф. Ходасевич, мнение которого Ахматова ценила, посвятил этому стихотворению статью «Бесславная слава» (опубл. в газ. «Понедельник власти народа» 12 марта 1918 г.): «У Ахматовой, действительно, «бесславная слава», похожая на моду. Если модниц и модников прогонит она прочь от себя, то эта слава смоеется забвением, воистину «осиянным». Говорю это потому, что люблю Ахматову, а поклонников ее не люблю».

«Потускнел на небе синий лак...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 9—10, с. 3, в цикле «Восьмистишия». В первом издании «Белой стаи» (1917) стихотворение заканчивалось так:

Сивозь листву растрепанной ольхи
Солнце косо землю освещает.

мила с рукописью статьи Недоброво о ее творчестве, была согласна не со всеми суждениями автора о поэзии. Во второй строфе стихотворения она полемизирует со следующей мыслью Недоброво: «Тот, кому поэзия — спаситель жизни, из боязни очутиться вдруг беззащитным, не распустит своих творческих способностей на наблюдательские прогулки по окрестностям и не станет писать о том, до чего ему мало дела, но для себя сохранит все свое искусство» и берет себе в союзники Пушкина; его строки о пророческой миссии Поэта она перефразирует в концовке стихотворения.

О т в е т — журн. «Аполлон», 1916, № 4—5, с. 40. Представляет собой ответ на стихотворение В. А. Комаровского:

АННЕ АХМАТОВОЙ («ВЕЧЕР» И «ЧЕТКИ»)

В полуночи, осыпанной золою,
В услови сердечной тесноты,
Над темною и серою землею
Вам эвкалипт раскрыл свои цветы.

И утренней порой голубоокой
Тоской весны еще не крепкий ствол,
Он нежностью, исторгнутой жестоко,
Среди камней недоуменно цвел.

Вот славы день. Искусно или больно
Перед людьми разбито на куски,
И что взято рукою богомольно,
И что дано бесчувствием руки.

Стихотворение носит поздравительный характер в связи с выходом «Четок» в марте 1914 г. Опубликовано в «Аполлоне», 1916, № 8.

«Был блаженной моей колыбелью...» — «Белая стая» (1917), с. 30. Солея — в православной церкви возвышение перед иконостасом.

9 декабря 1913 года — журн. «Северные записки», 1913, № 1, с. 23. В ЦГАЛИ (ф. 13, ед. хр. 77, с. 67) — с посвящением Н.В.Н. (Николаю Владимировичу Недоброво).

«Как ты можешь смотреть на Неву...» — газ. «День», 1914, 29 июня, в цикле «Три восьмистишия». В записи Л. Я. Гинзбург (1935 г.) есть место, свидетельствующее о конфликте Ахматовой с издательством в 1930-е годы — редакторы-перестраховщики умудрялись выискивать «крамольную» религиозность даже там, где речь шла совсем о другом: «При предварительном отборе, между прочим, не включили стихотворение со строчкой «Черных ангелов крылья остры» — очевидно, думая, что чугунные ангелы (с арки на Галерной) слетают с неба» (Л. Я. Гинзбург. О старом и новом. Л., 1982, с. 415).

«Под крышей промерзшей пустого жилья...» — сб. «Альманах муз», Пг., 1916, с. 22. В автографе (архив М. Л. Лозинского) есть еще первая строфа, не вошедшая в основной текст:

Никто мне не скажет, что жертва мала,
Что славнее прожили другие.
Я Господу сердце свое отдала,
А милого друга — России.

Н. С. Гумилев и Б. В. Анреп в это время были на фронте.

«Целый год ты со мной неразлучен...» — альм. «В год войны», Пг., 1915, с. 11. Автограф приложен к письму Ахматовой к Н. Гумилеву от 13 июля 1914 г. (ГПБ). Посвящение — впервые в сб. «Из шести книг».

«Черная вилась дорога...» — журн. «Нива», 1913, № 10, с. 94, под заглавием «Песенка». В «Беге времени» дата 1916 г. явно ошибочна.

«Как люблю, как любила глядеть я...» — альм. «Шиповник», № 1, М., 1922, с. 12. В журнале «Зритель», <Одесса>, 1922, № 1, был вариант второй строки: «На пустынные берега», затем устраненный из-за слишком явного цитирования Пушкина.

«Древний город словно вымер...» — журн. «Вершины», 1915, № 17, с. 6. В сборнике Ахматовой «Избранное» (Ташкент, 1943) — под заглавием «Киев». В июне 1914 г. Ахматова гостила у матери в Дарнице под Киевом, где встречалась с Н. В. Недоброво, к которому, очевидно, обращено это стихотворение (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 114, с. 128).

«И мнится, — голос человека...» — журн. «Аргус», 1917, № 11—12, с. 81.

Разлука — газ. «День», 1914, 29 июня, в цикле «Три восьмистишия», без заглавия.

«Чернеет дорога приморского сада...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 9—10, с. 3, в цикле «Восьмистишия». Адресовано Н.В.Н. (Николаю Владимировичу Недоброво).

«Не в лесу мы, довольно аukatь...» — журн. «Голос жизни», 1914, № 7, с. 8.

«Господь немилостив к жнецам и садоводам...» — «Белая стая» (1917), с. 43.

«Всё обещало мне его...» — газ. «Русское слово», 1917, 1 апреля. В автографе (ЦГАЛИ) зачеркнуто посвящение Б. А. (Б. Анрепу).

«Как невеста получаю...» — журн. «Русская мысль», 1915, № 12, с. 1, с другим порядком строф и без кавычек во второй строфе. В туберкулезном санатории Хювинккя около Хельсинки Ахматова лечилась осенью 1915 г. Со строкой «Я гощу у смерти белой» перекликается неопубликованное двестишье 1960-х гг.:

Скоро будет с обратным визитом
Государыня-смерть сама.

Посвящение Н.В.Н. поставлено рукой Ахматовой на экземпляре сб. «Из шести книг», подаренного З. Б. Томашевской с дарственной надписью 4 апреля 1956 г.

«Божий Ангел, зимним утром...» — журн. «Голос жизни», 1915, № 13, с. 10, с рисунком Н. Альтмана на тему стихотворения.

«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» — журн. «Северные записки», 1916, № 1, с. 35. Это стихотворение — редкий пример двойного посвящения. В упомянутом экземпляре З. Б. Томашевской — посвящение Н.В.Н., т. е. Николаю Владимировичу Недоброво; в экземпляре сборника стихотворений 1958 г., подаренного В. С. Срезневской, проставлено посвящение М. К.-К., т. е. Михаилу Владимировичу Кузьмину-Караваеву, соседу Ахматовой в Слепневе, который, по словам Ахматовой, «когда-то из-за нее стрелялся» (Л. К. Чуковская. Записки об А. Ахматовой, т. 2). Посвящения, впрочем, не противоречат друг другу, так как к Кузьмину-Караваеву относится только первая часть стихотворения. Л. Я. Гинзбург в своих записях сообщает: «Об этом стихотворении хорошо говорил когда-то Григорий Александрович Гуковский: — В стихах о Петербурге всегда упоминалась река — Нева. А вот Ахматова увидела в Петербурге реки, дельту. И написала: «Широких рек сияющие льды...» («День поэзии». М., 1977, с. 216—217).

«О тебе вспоминаю я редко...» — журн. «Рубикон», 1914, № 6, с. 31.

«Как площади эти обширны...» — «Свободный журнал», 1918, № 1, с. 8. Вероятно, речь идет о последнем свидании Анрепа с Ахматовой, перед его отъездом из России.

Побег — журн. «Голос жизни», 1914, № 7, с. 7. Ольга Александровна Кузьмина-Караваева (по мужу Оболенская) (1889—1987) — внучка совладелицы усадьбы Слепнево Варвары Ивановны Лампе (урожд. Львовой). После революции эмигрировала и жила в Париже.

«Когда в мрачнейшей из столиц...» — «Белая стая» (1918), с. 52. Стихотворение адресовано Б. Анрепу. Крест, о котором здесь упоминается, — «деревянный престольный крест», который Анреп подобрал в полуразрушенной заброшенной церкви в Карпатах, в Галиции и подарил Ахматовой (Б. Анреп. «О черном кольце»).

Царскосельская статуя — журн. «Аполлон», 1917, № 1, с. 53, без посвящения. Посвящение впервые — в сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения», М., 1958.

«Вновь подарен мне дремотой...» — журн. «Аполлон», 1917, № 1, с. 54. Как и предыдущее стихотворение, написано в октябре 1916 г. в Севастополе после свидания в Бахчисарае с Н. Недоброво, который приезжал туда из Ялты, где лечился от туберкулеза. Невольно предсказав смерть друга в этих стихах, она считала себя отчасти виновной в его смерти, последовавшей 3 декабря 1919 г. Ахматова узнала о ней от О. Э. Мандельштама, который только в 1920 г. сумел пробраться из Крыма в Петроград. Чувство вины усугублялось тем, что для верующего человека, каким она была, говорить о живом человеке как о мертвом — греховно. Страдальческая тень Недоброво не отпускала ее всю жизнь; чувство вины перед ним — один из источников темы взыскующей совести во всей ее последующей поэзии.

«Всё мне видится Павловск холмистый...» — «Белая стая» (1917), с. 58, без посвящения. Посвящение впервые в сб. «Стихотворения» (1961) Ахматова переносит на статую Аполлона-Кифареда в Павловском парке образ Фамиры-Кифареда из финальной сцены одноименной трагедии И. Анненского. *Красногрудая птичка*, по Анненскому, — нимфа, мать Кифареда, превращенная богами в птицу за кровосмесительную страсть к сыну. За такой образной формой Ахматова скрывает в этом стихотворении обстоятельства реальной семейной жизни Недоброво.

«Бессмертник сух и розов...» — сб. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с. 6. Начиная со сб. «Стихотворения» (1958) 8-я строка печаталась в измененной редакции: «Со мной сегодня птицы говорят». Нами принята редакция из сборника «Из шести книг», так как изменение вызвано не художественными соображениями.

«Подошла. Я волненья не выдал...» — журн. «Голос жизни», 1914, № 7, с. 8. Дата и место написания по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77, с. 199).

Майский снег — журн. «Русская мысль», 1917, № 1, с. 136, без эпиграфа. Эпиграф указывает на следующие строки: «Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими я омочаю постель мою» (Псалтирь. Псалом VI, 7).

«Зачем притворяешься ты...» — журн. «Северные записки», 1915, № 10, с. 40, без 1-й строфы. Полный текст в 1-м издании «Белой стая» (1917) с вариантом 4-й строки: «Мне с неба кровавой зарницей?»

«Пустых небес прозрачное стекло...» — журн. «Голос жизни», 1914, № 7, с. 8, под заглавием «Новгород», с разночтениями.

Июль 1914 — журн. «Аполлон», 1914, № 6—7, с. 9—10. В автографе (ЦГАЛИ) — более ранняя редакция первой части; 1-я строфа без изменений, далее:

Стало солнце немилостью Божьей,
Сушит реку, спалило траву.
Приходил одноногий прохожий
И сказал: «Отойдешь к Покрову!».

Богородица белый расстелет
Над скорбями безгласными плат.
Это счастье со мною разделит
Мой единственный ласковый брат.

Слепнево. 11 июля 1914

«Тот голос, с тишиной великой споря...» — «Белая стая» (1917), с. 69.

«Мы не умеем прощаться...» — «Белая стая» (1917), с. 70. В рукописном плане кн. «Подорожник» (ГПБ) входит в список стихотворений, обращенных к Б. Анрепу.

Утешение — журн. «Аполлон», 1914, № 6—7, с. 10. Эпиграф — из поэмы Н. Гумилева «Мик».

«Для того ль тебя носила...» — «Белая стая» (1918), с. 72. Обращено к младшему брату Ахматовой Виктору Андреевичу Горенко (1896—1979), которого в семье ошибочно считали погибшим. Социальный смысл стихотворения в восприятии его современников был шире, чем чисто биографический, скрытый от читателей.

Молитва — сб. «Война в русской поэзии», Пг., 1915, с. 99. Текст публикуется по «Бегу времени». Дата и место написания представлены рукой Ахматовой в экземпляре «Белой стаи» (1917), подаренном В. В. Срезневскому.

Духов день — на 51-й день после Пасхи.

«Где, высокая, твой цыганенок...» — «Ежемесячный журнал», 1914, № 7, с. 2, с вариантом 2-й строфы:

Сердце матери — темная пытка.
Ах, ее я снести не могла!
В белый рай распахнулась калитка,
Магдалина сыночка взяла.

«С столько раз я проклинала...» — журн. «Северные записки», 1915, № 10, с. 42, с разночтением в 1-й строке: «сколько».

«Ни в лодке, ни в телеге...» — «Белая стая» (1917), с. 78.

«Вижу, вижу лунный лук...» — журн. «Вершины», 1914, № 1, с. 9. Дата по автографу (ЦГАЛИ).

«Бесшумно ходили по дому...» — журн. «Северные записки», 1914, № 12, с. 82. Текст публикуется по «Белой стае» (1917).

«Подошла я к сосновому лесу...» — журн. «Отечество», 1914, № 7, с. 31. В сб. «Из шести книг» — под заглавием «Моей сестре». В июне 1914 г. Ахматова гостила в Дарнице под Киевом у своей матери и младшей сестры Ии (1894—1922).

«Так раненого журавля...» — газ. «День», 1915, 22 марта.

«Буду тихо на погосте...» — сб. «Сад поэтов». Полтава, 1916, с. 5. Обращено к сыну Льву. Родился 1 октября (18 сентября ст. ст.) 1912 г. В это время жил у бабушки Анны Ивановны Гумилевой в Слепневе.

«Высокомерьем дух твой помрачен...» — «Белая стая» (1917), с. 28. Обращено к Б. Анрепу. В мемуарах «О черном кольце» Анреп так поясняет обстоятельства его написания: «Январь 1917 года я провел в Петрограде и уехал в Лондон с первым поездом

после революции Керенского. В ответ на то, что я говорил, что не знаю, когда вернусь в Россию, что я люблю спокойную английскую цивилизацию разума, так я думал тогда, а не религиозный политический бред, А. А. написала это стихотворение».

«Приду туда, и отлетит томленье...» — газ. «Русское слово», 1917, 1 апреля. Начиная со сборника «Стихотворения» (1958), 4-я строка печаталась в другой редакции: «Хранилища бессмертного труда». В данном издании текст публикуется по сб. «Из шести книг».

«Стал мне реже сниться, слава Богу...» — журн. «Северные записки», 1914, № 6, с. 34, без 2-й строфы. По устному сообщению вдовы поэта Б. К. Лившица, Екатерины Константиновны, Осип Эмильевич Мандельштам говорил ей, что это стихотворение обращено к нему. *Иона* — Ионинский монастырь в Киеве. Ахматова приехала в Киев 17 мая после поездки с Гумилевым по северной Италии.

«Будем вместе, милый, вместе...» — «Белая стая» (1923), с. 79. Обращено к Н. Гумилеву.

Памяти 19 июля 1914 — газ. «Во имя свободы», Пг., 1917, 25 мая. 19 июля / 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России.

«Перед весной бывают дни такие...» — журн. «Северные записки», 1916, № 1, с. 32, с посвящением Н. Г. Чулковой. Снято в «Бегах времени». Чулкова Надежда Григорьевна (1874—1961) — приятельница Ахматовой, жена писателя Г. И. Чулкова.

«То пятое время года...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 9—10, с. 5, в цикле «Восьмистишия».

«Выбрала сама я долю...» — журн. «Русская мысль», 1915, № 12, с. 2.

Сон — журн. «Аполлон», 1916, № 4—5, с. 41, без заглавия.

Белый дом — журн. «Голос жизни», 1914, № 7, с. 7, с вариантом 3-й строки: «Я утру ноябрьскому рада».

«Долго шел через поля и села...» — журн. «Северные записки», 1915, № 10, с. 44. Обращено к Б. Анрепу.

«Широк и желт вечерний свет...» — журн. «Русская мысль», 1915, № 2, с. 1. Обращено к Б. Анрепу. До сб. «Из шести книг» печаталось с вариантом 3-й строки: «Ты опоздал на десять лет».

«Я не знаю, ты жив или умер...» — сб. «Пряник осиротевшим детям», Пг., 1916, с. 30. Обращено к Б. Анрепу.

«Нет, царевич, я не та...» — журн. «Северные записки», 1915, № 10, с. 43. Обращено к Б. Анрепу.

«Из памяти твоей я выну этот день...» — сб. «Альманах муз», 1916, с. 23. До сб. «Стихотворения» (1958) печаталось с вариантом 5-й строки: «При имени моем ты будешь вспоминать». Обращено к Б. Анрепу. Б. Анреп писал: «Во время одного из наших свиданий в 1915 г. я говорил о своем неверии и о тщете религиозной мечты. А. А. строго меня отчитывала, указывала на путь веры, как на залог счастья: «Без веры нельзя». Последняя строка отсылает к стихотворению Ф. И. Тютчева «Наш век»:

...Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он
И жаждет веры... но о ней не просит...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит пред замкнутою дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

Ввод цитаты из Тютчева расширяет контекст ахматовского стихотворения.

«Не хулил меня, не славил...» — журн. «Северные записки», 1916, № 1, с. 36, с первой строкой: «Не искал меня, не славил». Обращено к Б. Анрепу. Реальный комментарий к строкам «Только душу мне оставил // И сказал: побереги» дает Б. Анреп в своих мемуарах: «В 1915 году я виделся с А. А. во время моих отпусков или командировок с фронта. Я дал ей рукопись своей поэмы «Физа» на сохранение; она ее зашила в шелковый мешочек и сказала, что будет беречь как святыню». Рукопись поэмы до сих пор не обнаружена.

«Там тень моя осталась и тоскует...» — «Белая стая» (1917), с. 109.

«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» — «Белая стая» (1917), с. 109.

«Небо мелкий дождик сеет...» — «Белая стая» (1917), с. 110. «Нынче другу возвратиться...» — в мае 1916 г. Б. Анреп должен был вернуться из Англии, но задержался. Духов день в 1916 г. приходился на 30 мая.

«Я знаю, ты моя награда...» — журн. «Аполлон», 1916, № 4—5, с. 40. Дата по списку Н. Л. Дилакторской. Обращено к Б. Анрепу.

«Да, я любила их, те сборища ночные...» — «Белая стая» (1917), с. 113. В 4-м изд. «Белой стаи» (Берлин, 1923) — с посвящением А. Л. В марте 1922 г. А. С. Лурье уехал в заграничную командировку в Берлин; в Россию он больше не вернулся. Впоследствии Ахматова была вынуждена снять посвящение.

«Не тайны и не печали...» — сб. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с. 5. В «Белую стаю» впервые включено в 4-м изд.

Милому — «Новый журнал для всех», 1915, № 4, с. 33. В ЦГАЛИ (ф. 13, ед. хр. 77, с. 89) — посвящение Н.В.Н. Текст публикуется по «Белой стае» (1917).

«Судьба ли так моя переменилась...» — газ. «Русское слово», 1917, 1 апреля. Стихотворение посвящено Юнии Павловне Анреп (урожд. Хитрово, 1882—1973), первой жене Б. Анрепа. В конце 1916 г. Ахматова жила на ее даче в Бельбеке под Севастополем.

«Как белый камень в глубине колодца...» — журн. «Русская мысль», 1917, № 1, с. 136. Посвящение Б. А. было поставлено единственный раз — в сб.: Анна Ахматова. «Избранные стихи». Библиотека «Огонек», № 23, 1946, весь тираж которой (100 тысяч экз.) был уничтожен. Один из уцелевших экземпляров ныне хранится в музее Ахматовой в Фонтанном Доме. В сборнике 1946 г. впервые изменена пунктуация в последней строфе; в данном издании публикуется с этими изменениями.

«Первый луч — благословенье Бога...» — журн. «Аполлон», 1917, № 1, с. 54.

«Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...» — «Белая стая» (1917), с. 120. В автографе (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) — вариант предпоследней строки: «Где у креста, склоняясь, в жары и холода».

«Родилась я ни поздно, ни рано...» — журн. «Гиперборей», 1913, № 9—10, с. 4, в цикле «Восьмистишия».

«Лучше б мне частушки задорно выкликать...» — «Белая стая» (1917), с. 72, с вариантом 2-й строки: «А тебе полтинник за день выручать».

«Мне не надо счастья малого...» — журн. «Голос жизни», 1914, № 7, с. 8.

«Еще весна таинственная млела...» — сб. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с 6. Вероятно, обращено к А. Лурье.

«И в Киевском храме Премудрости Бога...» — публикуется по тексту кн.: Анна Ахматова. Сочинения. Сост. В. А. Черных. Т. 1, М., 1986, с. 317. В записи 1960-х годов «К заметке о Блоке» (ЦГАЛИ) Ахматова приводит вариант 1-й строфы стихотворения:

И в Киевском храме Премудрости Бога
Упав на колени, тебе я клялась,
Что будет твоею моя дорога,
Где бы она не вилась

со следующим пояснением: «III-е Киевск. стих. (1914) год. М. б. оно и не 14 г., но относится к этим дням». Напомним, что в Киеве в 1914 г. Ахматова была вместе с Н. В. Недоброво, чем и объясняется посвящение ему на автографе, подаренном П. Н. Лукницкому (В. Лукницкая. Перед тобой земля. Л., 1988, с. 379—380). В машинописном экземпляре «Белой стаи» (архив М. Л. Лозинского) к этому стихотворению подклеено другое — «Еще весна таинственная млела...», с надписью: «В книге А. Ахматовой «Белая стая» стихотворение «И в Киевском храме Премудрости Бога» исключить и заменить следующим: «Еще весна...» и т. д. М. Лозинский». Мотивы Лозинского при исключении этого стихотворения неизвестны; оно не печаталось ни в одном прижизненном издании Ахматовой, но по своим художественным достоинствам заслуживает того, чтобы быть возвращенным в первоначальный вариант «Белой стаи».

«Город сгинул, последнего дома...»; «О, есть неповторимые слова...» — «Белая стая» (1922), с. 116—117, 118.

У самого моря — журн. «Аполлон», 1915, № 3, с. 25—32. Текст публикуется по отдельному изданию поэмы: Анна Ахматова. «У самого моря». Пб., 1921. В набросках воспоминаний (ЦГАЛИ) Ахматова рассказывает историю создания своей первой поэмы, связывая ее начальные строки с впечатлением от «Итальянских стихов» Блока: «А не было ли в «Русской мысли» 1914 стихов Блока. Что-то вроде:

С ней уходил я в море,
С ней забывал я берег...

Но я услышала:

Бухты изрезали...
Все паруса убежали в море...

Это было уже в Слепневе (1914) в моей комнате. И это значило, что я простилась с моей херсонесской юностью, с «дикой девочкой» начала века и почуяла железный шаг войны. Так пришла ко мне поэма «У самого моря». В Слепневе я сразу сочинила 150 стихов, остальные дописала осенью в Царском Селе...». Оттиск поэмы из журнала «Аполлон» Ахматова послала Блоку с дарственной надписью: «Александру Блоку — Анна Ахматова. 27 апреля 1915. Царское Село» (ИРЛИ). В ответном письме от 14 марта 1916 г. Блок писал: «Прочтя Вашу поэму, я опять почувствовал, что стихи я все равно люблю, что они — не пустяк, и много такого — отрадного, свежего, как сама поэма. Все это — несмотря на то, что я никогда не перейду через Ваши «вовсе не знала», «у самого моря», «самый нежный, самый кроткий» (в «Четках»), постоянные «совсем» (это вообще не Ваше, общеженское, всем женщинам этого не прощу). Тоже и «сюжет»: не надо мертвого жениха, не надо кукол, не надо «экзотики», не надо уравнений с десятью неизвестными; надо еще жестче, непри-

глядней, больнее.— Но все это — пустяки, поэма настоящая, и Вы — настоящая» (А. Блок. Сочинения. Т. 8, М.—Л., 1963, с. 459). Несмотря на то, что с 1921 г. поэма ни разу не публиковалась целиком, читатели не забывали ее, свидетельство чему — их письма Ахматовой (ГПБ). Например, отрывок из письма московского читателя Б. А. Тарасова: «...Как-то под Новый 1943 год, на фронте я стал читать наизусть Ваши стихи своим товарищам по роте. В эту ночь мы были «не у дел», т. к. за несколько дней до Нового года был бой и нас сильно потрепали. У всех присутствующих было подавленное настроение (мы находились на трудном участке фронта — смоленские болота). Я читал им первые две части поэмы «У самого моря». А потом была забыта маленькая елка, которую я украсил буквально «ничем», водка, которую стали как-то нехотя пить и всё просили читать дальше. Так, большая часть ночи и прошла в ахматовской поэзии».

ПОДОРОЖНИК

В 1919 и 1920 годах Ахматова почти стихов не писала. Сборник «Подорожник», вышедший в свет в апреле 1921 года, содержал всего 38 стихотворений, в основном написанных в 1917—1918 годах или даже относящихся к более раннему периоду. В «Подорожнике» Ахматова как бы завершила отдельные лирические сюжеты «Белой стаи». Что касается тем, связанных с общественной жизнью (революция, гражданская война), то они в «Подорожнике» заявлены отдельными значительными стихотворениями, но большая часть стихотворений этого плана, написанных в плодотворном для Ахматовой 1921 году, вошла в следующую книгу поэта.

Ахматова дважды лишала «Подорожник» самостоятельного бытия, включая его в качестве отдельного раздела в книгу «Анпо Доміні». Однако в основных изданиях последнего периода («Из шести книг» и «Бег времени») «Подорожник» печатался в качестве самостоятельной книги, в несколько сокращенном виде по сравнению с первым изданием.

В рабочих планах Ахматовой последних лет (ГПБ) сохранились попытки перестроить содержание и порядковое расположение стихов в «Подорожнике» и даже по-новому озаглавить сборник — «Лихо-летье». Стихи в последних рабочих планах располагаются по принципу лирической циклизации (стихи, обращенные к Б. Анрепу, объединены в один цикл). Кроме того, добавлены некоторые стихотворения, прежде не входившие в состав «Подорожника» (например, «Дьявол не выдал...»). С учетом последних авторских корректив составлен «Подорожник» и в настоящем издании.

Эпиграф — из «Посвящения» к поэме А. С. Пушкина «Полтава». Не только приведенная цитата, но и весь текст пушкинского «Посвящения» выражает основную тему книги. Тема эта — разлука Анны Ахматовой с Анрепом после его отъезда из России в 1917 г.

«Сразу стало тихо в доме...» — журн. «Аргус», 1918, № 1, с. 32. *Не нашелся тайный перстень...* — Подробное объяснение этого сюжета — в мемуарах Б. Анрепа «О черном кольце» (журн. «Звезда», 1989, № 6).

«Ты — отступник: за остров зеленый...» — газ. «Воля народа», 1918, № 2, 13 апреля. «Остров зеленый» — Англия. «Лихой ярославец» — Борис Васильевич Анреп, родился в Ярославской губернии. «Тем, кто сам потерял благодать» — игра слов: имя «Анна» по-древнееврейски означает «благодать».

«Просыпаться на рассвете...» — газ. «Воля народа», 1918, 5 мая. Это стихотворение и следующее в списке стихов, посвященных Анрепу (ГПБ), объединены в цикл под названием «Сантиментальное путешествие»: редкий для Ахматовой пример того, как воображаемое выдается за действительность.

«Это просто, это ясно...» — газ. «Петроградское эхо», 1918, 22 января, вечерний выпуск, вместе со стихотворением «А ты теперь тяжелый и унылый» под общим заглавием «Это просто...».

«И в тайную дружбу с высоким...» — газ. «Воля народа», 1918, 5 мая. В автографе (ЦГАЛИ) правка: «предвесенний» исправлено на «предосенний». В экземпляре сб. стихотворений 1958 г., подаренного В. С. Срезневской, имеется посвящение: Г.Г.Ф. (см. прим. к стих. «О нет, я не тебя любила», с. 391).

«Словно ангел, возмутивший воду...» — газ. «Новые ведомости», 1918, 30 мая. Черное кольцо Ахматова подарила Анрепу 13 февраля 1916 г. в Царском Селе на квартире у Н. Недоброво, во время чтения Николаем Владимировичем своей трагедии «Юдифь».

«Когда о горькой гибели моей...» — Художественно-литературное приложение № 1 к вечернему выпуску «Новых ведомостей», 1918, 1 апреля. Обращено к Анрепу (список ГПБ).

«А ты теперь тяжелый и унылый...» — газ. «Петроградское эхо», 1918, 22 января, вечерний выпуск. Обращено к Анрепу.

«Пленник чужой! Мне чужого не надо...» — газ. «Петроградское эхо», 1918, 18 февраля, вечерний выпуск, под заглавием «Никогда не поверю», с вариантом 6-й строки: «Слышу в насмешках беспомощный стон».

«Я спросила у кукушки...» — «Подорожник», с. 19.

«По неделе ни слова ни с кем не скажу...» — «Подорожник», с. 20. В автографе (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) — посвящение Б. А. В черновом автографе (ЦГАЛИ) после слов «Я чужому ответила: «Нет!» следует:

А другая бы, верно, хитрее была,
Не беда в темноте пошутить.
Но тогда я на душу греха не взяла,
Чтобы после о том не грустить.
Только люб ему был немудреный ответ,
Оттого что, как лес миновал,
Вышли мы на поляну, на свет,
Он такие промолвил слова:
«Ты кольцо мое, милая, тайно храни,
Когда кончатся светлые дни,
Я опять к тебе, тихая, в гости приду,
По кольцу тебя только найду...».

Севастополь. 1916. Осень.

Два стихотворения — объединены Ахматовой в цикл в экземпляре сб. «Из шести книг», подаренном М. И. Будыко. I. «Ты всегда таинственный и новый...» — газ. «Наш век», 1918, 4 мая. Обращено к В. К. Шилейко. II. «Проплывают льдины, звеня...» — журн. «Сирена», 1918, № 2—3, Воронеж, с. 7. Обращено к В. К. Шилейко. В автографе (ГПБ) вместо двух последних строк другая, возможно, более поздняя концовка:

Как умею, тебе служу
В черном хаосе нищих дней,
Но когда на тебя гляжу,
Я теряю веру в людей.

В апреле 1918 г. Ахматова развелась с Н. Гумилевым и в августе того же года вышла замуж за В. К. Шилейко.

«В каждой сутках есть такой...» — «Подорожник», с. 24. Дата по автографу ЦГАЛИ.

«Земная слава как дым...» — «Подорожник», с. 25. Обращено к Н. В. Недоброво и носит иронический характер. «Один и сейчас живой, // В свою подругу влюбленный» — см. прим. к стих. «Покорно мне воображенья...», с. 376. И бронзовым стал другой — очевидно, А. С. Пушкин, к роду которого возводил себя Недоброво.

«О нет, я не тебя любила...» — газ. «Воля народа», 1918, 12 апреля. В автографе (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) имеется посвящение «Г. Ф.» Г. Ф.— Григорий Герасимович Фейгин, приятель Ахматовой, человек, близкий к театральным кругам Петербурга. Летом 1917 г. ушел на фронт в составе батальона смерти и погиб этим же летом.

«Я слышу иволги всегда печальный голос...» — «Подорожник», с. 29. В черновом автографе (ЦГАЛИ) дата: «27 июля 1917. Слепнево» и зачеркнуты строки, важные для ахматовской оценки Слепнева в ее жизни: «Приди взглянуть на тайный рай, где вместе // На ту страну, где радостью хранимы...».

«Как страшно изменилось тело...» — сб. «Тринадцать поэтов», Пг., 1917, с. 6. Ахматова рассказывала М. И. Будыко, что это стихотворение было написано в период обострения туберкулеза. В большинстве публикаций очевидная опечатка в 6-й строке: «Сшибется где-то в высоте» (первая публикация — «в вышине»). Печатается по автографу (ЦГАЛИ).

«Я окошка не завесила...» — газ. «Жизнь», 1918, 4 мая (21 апреля).

«Эта встреча никем не воспета...» — журн. «Аргус», 1917, № 3, с. 71. Окончательный текст — «Подорожник», с. 32. Посвящено Б. Анрепу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77). Дата — по списку Н. Л. Дилакторской.

«И вот одна осталась я...» — «Подорожник», с. 33. Дата — по списку Н. Л. Дилакторской.

«От любви твоей загадочной...» — журн. «Сирена», 1918, № 2—3, Воронеж, с. 7. Окончательный текст — «Подорожник», с. 35. Обращено к В. К. Шилейко, включено в составленный в последние годы цикл «Черный сон» («Дурной сон»). Полностью этот цикл восстановлен в книге: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. (Библиотека поэта). Л., 1976, с. 152—155.

«Чем хуже этот век предшествующих? Разве...» — альм. «Дом Искусств», 1921, № 1, с. 4, с разночтением в 6-й строке: «И кровли городов в его лучах горят». Крест — знак смерти.

«Теперь никто не станет слушать песен...» — газ. «Петроградское эхо», 1918, 1 (14) февраля, вечерний выпуск, под заглавием «Теперь», с разночтением 5—6-й строк:

Еще недавно сладостно-свободной
Свершила б ты свой утренний полет.

Печатается по «Подорожнику», с. 37.

«По твердому гребню сугроба...» — газ. «Петроградское эхо», 1918, 19 января (1 февраля), веч. выпуск. Последняя строка, которой так восхищалась М. Цветаева, перекликается со строками Вс. Князева из стихотворения «Когда застынет в мраке Рига...»: «И только шпоры мою печаль звенят во мгле...»

Как явствует из позднейшего списка Ахматовой (ГПБ), адресовано Б. Анрепу. Дата — по списку Н. Л. Дилакторской.

«Теперь прощай, столица...» — «Подорожник», с. 40. «Корельской землей» Ахматова называет земли в окрестностях Слепнева, где издавна селились карелы.

«Ждала его напрасно много лет...» — «Подорожник», с. 42. Это один из характерных примеров того, как Ахматова пыталась «перепосвятить» стихи. В упомянутом уже списке стихотворений, посвященных Б. Анрепу, это стихотворение дано со знаком вопроса после даты 1918. Однако в первом издании «Анпо Domini» стихотворение датировалось 1916 годом. Тому три года в Вербную субботу — Вербная суббота в 1913 году приходилась на 6 апреля. Отсюда в стихотворении апрельский... лед. Белые нарциссы — постоянный поэтический признак обстановки, связанной с Н. В. Недоброво. Вероятно, в этом стихотворении Ахматова вспоминает о своих первых встречах с Н. В. Н. Причины перепосвящения Анрепу неизвестны.

Ночью — «Подорожник», с. 43. Осенью 1918 года Ахматова с В. К. Шилейко ненадолго переехала в Москву из Петрограда.

«Течет река неспешно по долине...» — «Подорожник», с. 44. Беседуя с М. И. Будыко, Ахматова в 60-е годы назвала это стихотворение «ироническим». «Варвара Ивановна Лампе, старшая сестра А. И. Гумилевой, совладелица Слепнева, немножко стилизовала себя под Екатерину II, и в семье любили отмечать это сходство».

«На шее мелких четок ряд...» — журн. «Северные Записки», 1914, № 6, с. 33, под загл. «Дама в лиловом». Печатается по «Бегу времени».

Песенка — «Подорожник», с. 46, без заглавия. Единственный, как будто, в ахматовской поэзии пример акростиha: первые буквы каждой строки образуют слова: Борис Анреп.

«И целый день, своих пугаясь стонов...» — «Подорожник», с. 47.

«Ты мог бы мне сниться и реже...» — газ. «День», 1914, 29 июня, в составе цикла «Три восьмистишия». По списку в архиве П. Н. Лукницкого посвящено Б. Анрепу.

«Когда в тоске самоубийства...» — газ. «Воля народа», 1918, 12 апреля, без строк 17—20. Полностью при жизни Ахматовой не печаталось. В «Подорожнике» и дальнейших изданиях печаталось без двух первых строф. Полный текст стихотворения впервые опубликован в книге: А. Ахматова. Сочинения. Том 1. Изд. 2, доп. Международное литературное содружество, 1967, с. 378 (без разделений на строфы).

«Дьявол не выдал. Мне все удалось...» — журн. «Свирель Пана», 1923, № 1, с. 1. При жизни Ахматовой не переиздавалось. Автограф (ЦГАЛИ) с эпиграфом:

Im Vorgefühl von solchen hohen Glück
Genieß' ich jetzt den höchsten Augenblick.

(Goethe's Foust)¹

Дата по списку Н. Л. Дилакторской. В перечне стихотворений, входящих в «Подорожник» (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 93), это стихотворение значится под № 17а, сразу же за стихотворением «Когда в тоске самоубийства...». Дьявол не выдал... — это едва ли не первый у Ахматовой пример парафольклорного текста: в разных авторских списках стихотворения противоположные по смыслу эпитеты во второй строке: «явные знаки» и «тайные знаки».

¹ И это торжество предвосхищая,
Я высший миг сейчас переживаю.

Гете. Фауст (перевод Б. Пастернака).

Пятая книга стихов Ахматовой «Anno Domini» выходила двумя изданиями, существенно отличавшимися друг от друга. Первое вышло в 1922 году под заглавием «Anno Domini MCMXXI» — в переводе с латинского «В лето Господне 1921». Почти все стихи, вошедшие в это издание, были написаны в 1921 году, одном из самых плодотворных в творчестве Ахматовой. Второе издание было отпечатано в Берлине в 1923 году издательствами «Петрополис» и «Алконост» под заглавием: «Anno Domini» (Изд. 2-е, доп.). В это издание был включен раздел «Новые стихи», куда вошли произведения, написанные в основном в 1922 году, а также, в виде последнего раздела, — «Подорожник».

В сокращенном виде «Anno Domini» переиздавалась в поздних сборниках Ахматовой. При переизданиях Ахматова включала в нее и написанное значительно позднее («Мелхола», «Сказка о черном кольце»). В некоторых планах (ГПБ) в состав «Anno Domini» Ахматова предполагала включить еще несколько более поздних стихотворений, не печатавшихся тогда по цензурным причинам. Поскольку эти стихи включались ею также в планы следующих книг, в настоящем издании они в них и печатаются.

Что касается сохранившихся фрагментов поэмы «Русский Трианон», над которой Ахматова работала с начала 20-х годов, то они даются непосредственно вслед за книгой «Anno Domini» в соответствии с последней волей автора.

Пятая книга Ахматовой была встречена критикой по-разному. Хула «неистовых ревнителей», критиков-напостовцев, вроде Г. Лелевича, обвинившего «благочестивую деву Анну» в «мистическом национализме» (Г. Лелевич. Анна Ахматова. — «На посту», 1923, № 2/3, с. 198) едва ли больше уязвляла Ахматову, чем снисходительное равнодушие М. Кузмина, Ю. Тынянова, М. Шагинян, увидевших в этой книге «перепевы» старой ахматовской манеры. Точнее других кризисную ситуацию, которая действительно обозначилась в этой книге, уловил К. Мочульский, отметивший «безысходность тоски, ужас одиночества, вечную разлуку и напрасное ожидание» как душевное состояние лирической героини. Однако К. Мочульский верно заметил, что «из этого проклятого круга любви и ненависти выводят поэта сверхлические чувства — любовь к родине и вера в свое призвание». («Современные Записки», Париж, 1922, с. 390).

Литературный критик и видный общественный деятель Н. Осинский в статье «Побеги травы» («Правда», 1922, № 146) писал, что «Ахматовой после смерти А. Блока, бесспорно, принадлежит первое место среди русских поэтов». «Революция выжгла из ее стихов все символически-манерное. Колоссальные личные переживания придали этим стихам горький цвет и вкус». Новые стихи Ахматовой большевик Н. Осинский назвал «документом эпохи», а саму Ахматову — «лучшим русским поэтом нашего времени».

I. После всего. Эпиграф к разделу — из стихотворения Ф. И. Тютчева «Я знал ее еще тогда...»

Петроград, 1919 — «Anno Domini» (1923), с. 7, под заглавием «Согражданам». Страница была вырезана цензурой почти из всех экземпляров тиража. Случайно сохранилось несколько экземпляров с этой страницей. В рукописи «Бега времени» (ЦГАЛИ) под названием «Петроград, 1919». В авторских списках эпитет «невольный» в последней строке конкурирует с другим: «надгробный».

Бе же ц к — «Anno Domini» (1923), с. 9.

Предсказание — «Anno Domini» (1923), с. 8, без названия. Находилось на обороте стр. 7, где было напечатано стихотворение «Согражданам» (см. прим. к стих. «Петроград, 1919»). Впоследствии при жизни Ахматовой не печаталось. Под названием «Предсказание» опубликовано Л. К. Чуковской в журн. «Литературная Грузия», 1967, № 5, с. 64.

Другой голос.— I. «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...» — сб. «Лирический круг», М., 1922, с. 7. Печатается по «Anno Domini» (1923), с. 10. II. «В тот давний год, когда зажглась любовь...» — «Петербургский сборник», Пб., 1922, с. 9, с разночтениями. Печатается по «Anno Domini» (1923), с. 13.

«Сказал, что у меня соперниц нет...» — альм. «Петербург», 1921, № 1, с. 1, в другой редакции:

Неправда, у тебя соперниц нет.
Ты для меня не женщина земная,
А солнца зимнего утешный свет
И песня дикая родного края.
Когда умрешь, не стану я грустить,
Не крикну, обезумевши: «Воскресни!»
Но вдруг пойму, что невозможно жить
Без солнца телу и душе без песни.

В ЦГАЛИ (ф. 13, ед. хр. 77) — под заглавием «Дальний голос», текст от лица героини, дата — 1922. Печатается по сборнику: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1958, с. 36.

«Земной отрадой сердца не томи...» — альм. «Утренники», кн. 1, Пб., 1922, с. 19, с посвящением А. С. Сверчковой. Эта книга альманаха имелась в личной библиотеке В. И. Ленина. Сверчкова Александра Степановна (1869—1952) — сводная сестра Н. С. Гумилева. Впоследствии отношение Ахматовой к Сверчковой изменилось и стихотворение печаталось без посвящения.

«Не с теми я, кто бросил землю...» — «Anno Domini» (1923), с. 14. В марте 1922 г. друг Ахматовой, композитор А. Лурье, уехал в Берлин, в официальную командировку; в июле выяснилось, что он не вернется. Этим объясняется 2-я строфа. Смысл этого стихотворения расширяется и дополняется: если учесть стихотворение А. С. Хомякова «Мы род избранный,— говорили...» А. Лурье в письме Ахматовой от 25 марта 1963 г., говоря о своей судьбе в эмиграции, цитирует ее строку «Полынью пахнет хлеб чужой...» (ГПБ).

Третий Зачатьевский — печатается по сб. «Бег времени». В автографе (ЦГАЛИ) дата — 1918, обозначает, возможно, время описываемых событий (в 3-м Зачатьевском переулке Ахматова жила с В. К. Шилейко с осени 1918 г. до января 1919 г.).

«Тебе покорной? Ты сошел с ума!» — «Anno Domini MCMXXI», с. 52. Автограф (ЦГАЛИ) под заглавием «Эпилог». Обращено к В. К. Шилейко.

«Что ты бродишь, неприкаянный...» — «Северное утро», сб. 1, Пг., 1922, с. 3. Дата по списку Н. Л. Дилакторской.

«Веет ветер лебединый...» — «Свободный журнал», 1918, № 3—4, с. 15, с датой: 21 февраля 1918, в другой редакции: после первой строфы следовало:

Мне и весело и трудно,
Не забуду никогда,
Как слепительный и чудный
Ты пришел ко мне сюда.

Покоряясь, покоряла,
Не просила ничего.
Звездной ночью целовала
Губы друга моего.

Отлетел февраль мятежный
С легким звоном снежных крыл,
Но на память мне подснежник
Под сосною прикрепил,

Печатается по «Бегу времени».

«Ангел, три года хранивший меня...» — «Anno Domini» (1923), с. 17. В сб. «Из шести книг», подаренном Э. Б. Томашевской, — посвящение Н. В. Н. (написано от руки Ахматовой).

Три года — с конца 1913 г., когда они познакомились, до отъезда Н. В. Недоброво в Крым, — Ахматова называла «царскосельской идиллией».

«Шепчет: «Я не пожалею...» — журн. «Москва», 1922, № 6, с. 22.

«Слух чудовищный бродит по городу...» — альм. «Литературная мысль», вып. 2, Пг., 1923, с. 5.

«Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...» — «Anno Domini» (1923), с. 22.

«За озером луна остановилась...» — альм. «Абраккас», Пб., 1922, 16.

«Как мог ты, сильный и свободный...» — «Парфенон», сб., I, Пб., 1922, с. 26, с датой — 1921 и посвящением В. К. Шилейко. В экземпляре сб. «Из шести книг», подаренном М. И. Будыко, посвящение рукой Ахматовой зачеркнуто; в дальнейшем печаталось без посвящения.

Библейские стихи — впервые, как цикл, в «Беге времени». 1. Рахиль — «Стрелец», сб. 3. СПб., 1922, с. 52, под заглавием «Из книги Бытия». В списке стихотворений (ГПБ) — дата — «Вагон. Канун Нового года 1922». Современники находили в этом стихотворении биографический подтекст. Характерна запись Л. Я. Гинзбург (1927 г.): «Гуковский говорил как-то, что стихи об Иакове и Рахили (третий «Стрелец») он считает, в биографическом плане, предельно эмоциональными для Ахматовой. Эти фабульные, библейские стихи гораздо интимнее сероглазого короля и проч. Они относятся к Артуру Лурье». (Л. Гинзбург. Литература в поисках реальности. Л., 1987, с. 178). 2. Лотова жена — журн. «Русский современник», 1924, № 1, с. 40, без заглавия, с эпиграфом: «И озреся жена его вспять, и бысть столп слан» (Бытие, XIX, 26). Дата по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77): 21 февраля 1924. Ахматова считала, что публичное исполнение этого стихотворения в Большом зале Консерватории вызвало недовольство властей и послужило одним из поводов к запрещению ее имени в советской печати. Действительно, следующая большая публикация стихов Ахматовой в периодической печати появилась только в 1940 году. 3. Мелхола — журн. «Звезда», 1962, № 7, с. 94. В «Беге времени» дата: 1922—1961. В рабочих тетрадях Ахматовой сохранились следы работы над «Мелхолой», начиная с 1959 года. В. Я. Виленкин полагает, что «Ахматова, по-видимому, первоначально задумывая это стихотворение как балладу с драматическим сюжетом (Мелхола спасает своего юного мужа от убийц, подосланных коварным Саулом), в процессе работы пришла к совершенно иному решению...» («Вопросы литературы», 1983, № 6, с. 151). Необходимо добавить, что приведенные в статье Виленкина отброшенные в процессе работы варианты могли быть отброшены и по другой причине: в них слишком явственно прочитывалась связь с личными бедами самой Ахматовой (аресты сына), что делало эти строки заведомо непроходимыми для печати:

На лестнице нашей, о горе, шаги
 Идут за тобою . . . враги
 . . . хватайте ремень
 Тебя отпущу я в безлунную тень...
 Тебя я спасла, мой любимый, беги...
 А в дверь уже громко стучали враги...

П р и ч и т а н и е — «Anno Domini» (1923), с. 25. Щеголева, Валентина Андреевна (1878—1931) — драматическая актриса, жена литературоведа-пушкиниста П. Е. Щеголева. *Господеви поклонитесь...* — ср. «...поклонитесь Господеви во дворе святем Его» (Псалтирь. Псалом XXVIII, 2 и XCV, 9). *Серафим* — монах Саровской пустыни (1760—1833), канонизирован в 1903 г. *Анна* — жена великого князя тверского Михаила Ярославича; после казни мужа (1318 г.) постриглась в монахини и переехала в Кашин к сыну. Умерла в 1338 г. Канонизирована в 1909 г.

«Вот и берег северного моря...» — журн. «Свирель Пана». 1923, № 1, с. 1. В «Anno Domini» (1923), под заглавием «Разлука». По-видимому, написано на отъезд А. Лурье.

«Хорошо здесь: и шелест и хруст...» — сб. «Поэты наших дней», М., 1924, с. 10.

Сказка о черном кольце — журн. «Литературный современник», 1940, № 5—6, с. 48. В ЦГАЛИ сохранились черновые автографы 1—2 частей, законченных в начале августа 1917 г., с пометой «Послала Ник. Вл. (Недоброво) 5 авг.» Первая часть имеет продолжение:

И с пятнадцатого года
 Началась моя свобода.
 Черный перстень тем служил,
 Если кто мне станет мил.
 Камень в перстне поцелую
 И победу торжествую.
 Так прошло двенадцать лет,
 Сладких и тяжелых,
 Изменился синий цвет
 Глаз моих веселых.
 С каждым днем бледней лицо,
 Хрупче воска — тело.
 Не служило мне кольцо
 Так, как я хотела.

Приведенный отрывок был исключен при публикации, вероятно, по совету Н. Недоброво. Вторая часть стихотворения закончена в феврале 1936 г. в Москве. *Бабушка-татарка...* — «Одна из княжен Ахматовых — Прасковья Федосеевна — в XVIII веке вышла замуж за богатого и знатного симбирского помещика Мотовилова. Егор Мотовилов был моим прадедом. Его дочь — Анна Егоровна — моя бабушка. Она умерла, когда моей маме было 9 лет, и в честь ее меня называли Анной. Из ее фероньерки сделали несколько перстней с бриллиантами и одно с изумрудом, а ее наперсток я не могла надеть, хотя у меня были тонкие пальцы» (Ахматова. Листки из дневника. — ГПБ, ф. 1073). Так прошло двенадцать лет — до февраля 1916 г., когда Ахматова подарила кольцо Б. Анрепу.

«Не бывала я осень построила купол высокий...» — альм. «Литературная мысль», вып. I, Пг., 1922, с. 5.

Эпические мотивы — впервые цикл в сб.: А. Ахматова. «Избранное». 1943, с. 52—57. Эпиграф — из поэмы Б. Анрепа «Человек» (1916 г.); впервые — в «Бегах времени». 1. «В то время я гостила на земле...» — «Четки» (1914), под заглавием «Отрывок из поэмы», в автографе (ЦГАЛИ) под заглавием «Маленькая поэма». 2. «Покинув рощи родины священной...» — «Anno

Domini» (1922), с. 48. Первая строка — переключка со стихотворением Н. А. Некрасова «Первый шаг в Европу». Под «родиной священной» Ахматова имеет в виду Слепнево; в первых стихах, написанных там, она называет Слепнево «заточеньем», чем объясняется первоначальный вариант второй строки: «И дом, где Муза, плача, изнывала». Окончательный вариант, вероятно, заимствован из цветаевского обращения к Ахматовой «О, Муза Плача...» (1916 г.). В 1914 г. Ахматова жила с Гумилевым в Тучковом пер., д. 17, кв. 29 («Тучка»). Художник милый — Натан Альтман, который в 1914 г. написал портрет Ахматовой. 3. «С меркается, и в небе темно-синем...» — «Анно Domini» (1922), с. 50, без последних 8 строк; полностью — в сб. Анна Ахматова. «Избранное», 1943.

II. МСМХХI. Эпиграф к разделу — из «Любовных элегий» (III, 11) Овидия.

«Путник милый, ты далече...» — журн. «Записки мечтателей», 1921, № 4, с. 20. В списке адресов, подаренном М. И. Будыко, Ахматова указывает, где она жила, когда писала это стихотворение: «Сергиевская 7 — Агрономический институт. 2 комната при службе. Бывш. особняк Волконского. 1920—1922 г.» (ныне — ул. Чайковского). Стихотворение обращено к В. К. Шилейко.

«Все расхищено, предано, продано...» — «Анно Domini» (1922), с. 7. Рыкова, Наталия Викторовна (1897—1928) — дочь ученого-агронома В. И. Рыкова, жена профессора-литературоведа Г. А. Гуковского, близкий друг Ахматовой. В 1919—1920 гг. Ахматова несколько раз гостила в семье Рыковых на сельскохозяйственной ферме в Детском (б. Царском) Селе, директором которой был В. И. Рыков. Дата по списку Н. Л. Дилакторской.

«Сослужу тебе верную службу...»; «Нам встречи нет. Мы в разных станах...» — «Анно Domini» (1922), с. 10, 11.

«Страх, во тьме перебирая вещи...» — журн. «Записки мечтателей», 1921, № 4, с. 18, под заглавием «Страх», без 4-й строфы. В перечне стихов для «Анно Domini» (ГПБ) дата — 25 августа 1921 г. 1 сентября в газете «Петроградская правда» появилось сообщение о расстреле Н. Гумилева.

«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...» — «Альманах муз», Пг., 1916, с. 21.

«О, жизнь без завтрашнего дня!..» — «Анно Domini» (1922), с. 14.

«Кое-как удалось разлучиться...»; «А, ты думал — я тоже такая...» — журн. «Записки мечтателей», 1921, № 4, с. 18, 19.

«Пусть голоса органа снова грянут...» — «Анно Domini» (1922), с. 20. После постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» вторая строфа изъята из верстки сборника: Анна Ахматова. «Стихотворения», 1946 (хранится в Музее Ахматовой в Фонтанном Доме); в последующих изданиях печаталось без нее.

«Чугунная ограда...» — «Анно Domini» (1922), с. 22.

«А Смоленская нынче именинница...» — «Анно Domini» (1922), с. 24. В автографе (ЦГАЛИ) под заглавием «28 июля 1921» и посвящением «Памяти Блока». А. Блок скончался 7 августа (25 июля ст. ст.), похоронен на Смоленском кладбище в Петрограде 10 августа (28 июля ст. ст.). День похорон совпал с праздником иконы Смоленской Божьей матери.

«Пророчишь, горькая, и руки уронила...» — «Анно Домини» (1922), с. 26. Стихотворение обращено скорее не к реальной Ольге Судейкиной, а к ее портрету, написанному С. Судейкиным, где она изображена в заглавной роли Путаницы из одноименной пьесы Ю. Беляева. Портрет висел в комнате, где Ахматова и Судейкина жили летом 1921 г. (Фонтанка, 18, кв. 28).

«Не бывать тебе в живых...» — «Анно Домини» (1922), с. 37.

«Пока не свалюсь под забором...» — журн. «Записки мечтателей», 1921, № 4, с. 12, с вариантом 8-й строки: «...веселый, земной». В экземпляре сборника «Из шести книг», который Ахматова подарила Т. Вечесловой, — посвящение Н. В. Н. В первом томе сочинений Ахматовой, изданном Международным литературным сообществом в 1965 г. (Изд. 1), который принадлежал Н. Я. Мандельштам, под этим стихотворением ее рукой сделана запись: «У О. М. <Осипа Мандельштама.— М. К.> в переводе Гаприндашвили те же слова: «Когда я свалюсь под забором» — в тот же год, независимо от А. А. Очевидно, время было такое» (Собрание В. С. Муравьева, Москва).

«На пороге белом рая...» — «Анно Домини» (1922), с. 42. В экземпляре Т. Вечесловой (см. выше) — «Памяти Н. В. Н.». Н. В. Недоброво умер 3 декабря 1919 г. (письмо Ю. Л. Сазоновой-Слонимской к М. А. Волошину от 19 января 1920 г. — ИРЛИ).

«Я гибель накликала милым...» — «Анно Домини» (1922), с. 27.

«Долгим взглядом твоим истомленная...» — «Анно Домини» (1922), с. 28. Обращено к А. Лурье.

Клевета — альм. «Феникс», кн. I, 1922, с. 7, без заглавия.

«Широко распахнуты ворота...» — «Анно Домини» (1922), с. 31. Автограф (ЦГАЛИ) с датой — 1915.

«Почернел, искривился бревенчатый мост...» — альм. «Мысль», вып. 1, Пг., 1918, с. 90. Печатается по «Бегу времени».

«Тот август как желтое пламя...» — газ. «Биржевые ведомости», 1915, 20 декабря, утренний выпуск, под заглавием «Воспоминания», с другим порядком строф. Печатается по «Анно Домини» (1922). Тот август, как желтое пламя... — в августе 1914 г. Россия вступила в первую мировую войну. И брат мне сказал... — имеется в виду младший брат Виктор, который после окончания Морского корпуса в Петрограде был направлен на службу в Черноморский флот. См. стихотворение «Для того ль тебя носила».

Призрак — «Анно Домини» (1922), с. 36, без заглавия. В сб. «Из шести книг» — под заглавием «Встреча». Разночтения в 11-й строке: «И странно ты глядишь вокруг». Окончательный текст — в «Беге времени», с. 246. Стихотворение перекликается со «Статуей» поэта-демократа Н. В. Симборского (1849—1881):

Как будто бы мчась от погони,
Серебряной сбруей горя,
Несут опененные кони
По улице сани царя...
Весь в искрах взметенного снега,
Сидит как изваянный он...

«Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...» — «Анно Домини» (1922), с. 44.

«Колыбельная» — «Анно Домини» (1922), с. 38. В корректуре неосуществленного двухтомного «Собрания стихотворений» Ахмато-

вой, подготовленного в 1925—1927 гг. (под ред. П. Н. Лукницкого), имеется посвящение сыну Ахматовой Льву Николаевичу Гумилеву.

«Заплаканная осень, как вдова...» — «Anno Domini» (1922), с. 43. Посвящено памяти Н. С. Гумилева.

«Будучерные грядки холить...» — «Anno Domini» (1922), с. 45.

Царскосельские строки.— I. «Пятым действием драмы...» — газ. «Литературная Россия», 1964, 25 января, в цикле «Опять на родине», с. 15, без строк 5—7 и с неверной датой — 1944, поставленной, вероятно, как и в следующем стихотворении цикла, по цензурным соображениям. В рукописи «Нечета» (ГПБ) стихотворения объединены в цикл «Царскосельские строки» (I—II) и под каждым проставлена дата: Осень 1921. Царское Село. В одном из авторских планов (ГПБ) входит в состав «Anno Domini». В настоящем издании впервые печатается в составе этой книги, по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77). II. «Все души милых на высоких звездах...» — журн. «Ленинград», 1946, № 1—2, с. 13, под заглавием «Возвращение». Во всех прижизненных публикациях с датой — 1941, которая, как и название, призвана была отвлечь внимание цензуры от истинного смысла этого цикла: поминовения поэтов «Города Муз».

Из поэмы «Русский Трианон».— I — журн. «Звезда», 1946, № 1, с. 70, под заглавием «В парке (Девяностые годы)», с датой — 1940. IV—VI — журн. «Ленинград», 1946, № 1—2, с. 13, с подзаголовком «Воспоминания о войне 1914—17 гг.» и с датой — 1923. VII—Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы». (Библиотека поэта). Л., 1976, с. 327. III, VIII — там же, с. 424, в составе «другие редакции». II, IX — публикуются впервые по автографу ЦГАЛИ (ф. 13, ед. хр. 114, с. 249—250).

Еще в «пророческой» статье 1915 года Н. В. Недоброво, упоминающая об «Эпических мотивах» Ахматовой (см. прим. к стих. «В то время я гостила на земле...», с. 397), предсказывал: «У этого стиха не та душа, что у лирического стиха Ахматовой. Судя по этому образцу, нелирические задачи будут разрешаться ею в пристойной тому форме: в поэме, в повести, в драме...»

В рукописи «Бега времени» (ЦГАЛИ) Ахматова включила «Русский Трианон» в состав «Anno Domini», но, по сути дела, эта поэма, сохранившаяся лишь в нескольких фрагментах, коренным образом отличается от лирики начала 20-х годов. Сама Ахматова так определила (отрывок, написанный в третьем лице) перелом, совершившийся в эти годы в ее творчестве: «Итак поздняя А<хматова> выходит из жанра «любовного дневника» <...> и переходит на раздумья о роли и судьбе поэта, о ремесле, на легко набросанные широкие полотна. Появляется острое ощущение истории («Русский Трианон» — карикатурная беглая зарисовка). (Цит. по: В. М. Жирмунский. Творчество Анны Ахматовой, с. 26.)

Судя по этому отрывку, «Русский Трианон», над которым Ахматова интенсивно работала в 1923—1941 годах, так и не сделался законченной поэмой, а в годы, когда Ахматова уничтожала свой архив, по-видимому, разделил судьбу многих сожженных стихов.

Однако в 40—60-х годах Ахматова время от времени возвращалась к попыткам доработать поэму, доводя ее тематику до событий Великой Отечественной войны (фрагмент IX). Эти наброски сохранились в записных книжках (ЦГАЛИ). Реконструкция поэмы еще не закончена исследователями. В настоящем издании текст поэмы публикуется с большей полнотой и в несколько иной последовательности, чем в предшествующих.

ТРОСТНИК

В 1924—1940 годах Анна Ахматова не переставала писать, но стихи ее в советской печати в это время не появлялись. Лишь в 1940 году вышел сборник «Из шести книг» (Ленинград, «Советский писатель», тираж 10 тыс. экз.) В подготовке этого сборника активное участие принимали Ю. Н. Тынянов и М. Л. Лозинский. Будущий «Тростник» вошел в эту книгу под другим названием — «Ива», причем в его состав были перенесены и некоторые стихи из «Анно Доміні». Из состава готовой к 1940 году книги «Тростник» (список входящих в нее стихотворений — в ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 86) — 34 стихотворения — в «Иву» вошло 21 стихотворение. Кроме того, Ахматовой в эти годы был создан еще и «Реквием», из которого в «Иву» попало одно стихотворение («И упало каменное слово...»). Остальные стихотворения в то время опубликовать не удалось. В «Беге времени» в состав «Тростника» вошли 27 стихотворений (два из «Реквиема») и поэма «Путем всея земли». Настоящее издание «Тростника» печатается по авторскому списку (ГПБ) вместе с лирическим циклом «Реквием», который, хотя и писался в те же годы, образует самостоятельный лиро-эпический сюжет.

«Тростник», вынужденный в составе сборника «Из шести книг» быть названным «Ивой», отличается от всех предыдущих книг Ахматовой тем, что не имеет внутреннего лирического сюжета. По этим стихам, с намеренно перемешанной хронологией, трудно представить себе, как шло развитие творчества Ахматовой с 1924 до 1940 года. И хотя книга была встречена восторженно и читателями, и немногочисленной прессой, жизнь ее оказалась слишком короткой. В заметке по этому поводу (ГПБ) Ахматова пишет: «На судьбу этой книги повлияло следующее обстоятельство: Шолохов выставил ее на Сталинскую премию (1940). Его поддержали А. Н. Толстой и Немирович-Данченко. Премию должен был получить Н. Асеев за поэму «Маяковский начинается». Пошли доносы и все, что полагается в этих случаях: «Из шести книг» была запрещена и выброшена из книжных лавок и библиотек».

Эпиграфы: первый — из «Витязя в тигровой шкуре»; второй — из стихотворения Б. Пастернака «Гамлет».

Надпись на книге — Анна Ахматова. «Избранное». Ташкент, 1943, с. 44, без посвящения. Ахматова записала это стихотворение в сборнике «Из шести книг» на об. титула, с посв. М. Л. Лозинскому и с разночтениями в 1-й строке: «Почти что от лете́йской тени» и в 12-й: «И оснеженный Петроград», с датой: 28—29 мая 1940. Примите этот дар весенний... — сб. «Из шести книг» подписан к печати 8 мая 1940 г. Как тридцать лет тому назад... — М. Л. Лозинский входил в число друзей Ахматовой «первого призыва». На книге «Вечер» она сделала дарственную надпись: «Поэту М. Лозинскому, которому я ничего не сказала. Анна Ахматова. 28 марта 1912 г. Царское Село». (Архив М. Л. Лозинского).

«О, знала ль я, когда в одежде белой...» — журн. «Литературная Грузия», 1967, № 5, с. 64 (публ. Л. К. Чуковской). Печатается по автографу (ГПБ). В плане сборника «Из семи книг» (1961) (ГПБ) это стихотворение включено Ахматовой в «Тростник».

«Привольем пахнет дикий мед...» — журн. «Звезда Востока», 1966, № 6, с. 39 (публ. Л. К. Чуковской). Автограф (ЦГАЛИ) с датой — 1933. В списке (ГПБ) дата — «1934. Ленинград». По сообщению В. Я. Виленкина, Пастернак и Мандельштам считали это стихотворение одним из лучших у Ахматовой. Шотландская коро-

лева — леди Макбет, прообразом которой для Шекспира, как считала Ахматова, послужила Мария Стюарт.

«Если плещется лунная жуть...» — сб. «Из шести книг», с. 22, в цикле «Шестнадцатый год». Дата — по списку Н. Л. Дилакторской. В списке (ГПБ) дата — «1928. Ленинград, декабрь» и посвящение: «Памяти Х». Вероятно, посвящено памяти Н. В. Недоброво (похоронен на Аутском кладбище в Ялте). Под «Х», возможно, имеется в виду и другой лирический адресат: в корректуре сб. «Из шести книг» (Архив М. С. Лесмана) посвящено «Памяти М. Ц.».

«Не прислал ли лебедя за мною...» — сб. «Из шести книг», с. 19, в цикле «Шестнадцатый год». Автограф (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 80) с датой — «1936. Москва (Нащокинский у Ардовых)». С семьей В. Е. Ардова и Н. А. Ольшевской Ахматова познакомилась в начале 30-х годов и часто гостила в этом доме.

«От тебя я сердце скрыла...» — журн. «Ленинград», 1940, № 2, с. 9. Автограф (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) с датой — «1936. 30 октября. Ночь». К середине 20-х годов Ахматова поселилась в Фонтанном Доме, где в течение 15 лет прожила с Н. Н. Пуниным до их разрыва в 1938 году. Несмотря на глубокие чувства, связывавшие этих двух людей, отражение любви Ахматовой находим скорее в письмах, ему адресованных (ЦГАЛИ), нежели в стихах; возможно, этим объяснимо в стихотворении слово «бескрылой».

Борис Пастернак (Поэт) — газ. «Ленинградская правда», 1936, 29 сентября. Окончательный текст — сб. «Из шести книг», с. 36—37. Дата по списку (ГПБ) — «19 янв. 1936. Ленинград». Борис Леонидович Пастернак (1890—1960) познакомился с Ахматовой в январе 1922 года, во время приезда в Петроград. Бывая в Москве, Ахматова дважды останавливалась у Пастернака: в 1935 году (на городской квартире) и в 1940 году в Переделкине. Ахматова высоко ценила поэзию Пастернака: все стихотворение о нем построено на мотивах его лирики.

«Одни глядятся в ласковые зоры...» — журн. «Ленинград», 1940, № 2, с. 9. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77, с. 211). Представляется, что окончательная редакция этого стихотворения в сб. «Бег времени» (1965, с. 263) по художественным достоинствам уступает первоначальной. *Подкапризовая Дорога* — в Царскосельском Екатерининском парке была излюбленным местом прогулок Ахматовой и Недоброво.

Кавказское — журн. «Ленинград», 1940, № 2, с. 9, без названия. Название — в списке стихов, предназначенных Ахматовой для состава книги «Тростник» (ГПБ). В издании «Библиотеки поэта» это название ошибочно приписано другому стихотворению (Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы». (Библиотека поэта). Л., 1976, с. 288. Эта же ошибка повторяется и в других посмертных изданиях Ахматовой. В списке адресов, подаренном М. И. Будыко, Ахматова записала: «Дом Ученых на Крестовой горе (Санатория в Кисловодске) 1927 г., лето (См. письмо Станиславского) («Здесь Пушкина изгнание началось...»)».

Художнику — журн. «Ленинград», 1940, № 2, с. 9. По сообщению И. Н. Пуниной этот сонет обращен к художнику Петру Ивановичу Львову (1882—1944), который в 1924 году жил в Фонтанном Доме.

«Тот город, мной любимый с детства...»; Муза. — «Из шести книг», с. 14, 8.

«Годовщину последнюю празднуюй...» — журн. «Звезда», 1940, № 3—4, с. 74, без строк 9—12. Печатается по сб. «Бег времени», с. 268—269. Автограф (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) с зачеркнутым посвящением: «В. Г. Гаршину» и датой — 1939. В «Беге времени» дата исправлена на 1938. В сборнике стихотворений 1958 г., подаренном В. С. Срезневской, поставлено посвящение Н. П. <Пунину.— М. К.>. Это один из нередких для Ахматовой примеров перепосвящений стихов. С Владимиром Георгиевичем Гаршиным (1887—1956), профессором 1-го Медицинского института, Ахматова познакомилась в 1934 г. Однако в 1944 году между ними произошел разрыв, и после этого Ахматова в ряде стихотворений сняла посвящения Гаршину.

З а к л и н а н и е — «Бег времени», с. 261, с неверной датой и заменой слова «тюремных» на «высоких» в 1-й строке. Печатается по рукописи «Бега времени» (ЦГАЛИ). В рукописи кн. «Нечет» (ГПБ) — дата — 15 апреля 1936. Написано в день 50-й годовщины Н. С. Гумилева (род. 3 (15) апреля 1886 года).

С о н е т — кн.: Анна А х м а т о в а. «Избранное». Ташкент, 1943, с. 43, под названием «Надпись на книге "Подорожник"», с разночтением в 11-й строке: «Любуюсь в первый раз шарманкой одноногой». В авторском перечне стихотворений (ГПБ) — под названием «Сонет». Первоначальное название, вероятно, было снято потому, что «Надпись...» была адресована В. Г. Гаршину. Дата — по списку Н. Л. Дилакторской. В «Нечете» (ГПБ) дата — 1941. 19 янв. Шереметевский Дом. Книга «Подорожник», оформленная «таинственным художником» М. В. Добужинским (1875—1957), вышла в свет в 1921 г. В стихотворении описаны реальные детали быта Ахматовой. Под именем *Психеи* подразумевается О. А. Глебова-Судейкина, с которой Ахматова и композитор Артур Сергеевич Лурье жили на Фонтанке, 18, кв. 28, «в глубине четвертого двора».

Д а н т е — сб. «Из шести книг», с. 39. Эпиграф — не вполне точная цитата из «Ада» (песнь XIX, стих. 17). Дата и место написания — по списку Н. Л. Дилакторской. *Прекрасный святой Иоанн* — флорентийский баптистерий, церковь Иоанна Крестителя. В судьбе Данте Алигьери (1265—1321) Ахматова видит некий прообраз трагической Судьбы Поэта, как бы модель «творческого поведения», которой должны подражать и поэты, идущие вслед за ним (ср. со стихотворением Ахматовой «Зачем вы отравили воду...», наст. том, стр. 255, написанным почти одновременно с «Данте»).

К л е о п а т р а — журн. «Литературный современник», 1940, № 5—6, с. 48, без эпиграфов. В сб. «Из шести книг», с. 40—41, с эпиграфом: «I am air and fire» («Я — воздух и огонь». Шекспир.—англ.) — из трагедии «Антоний и Клеопатра» (д. V, сц. 2). Дата — в рукописи кн. «Нечет» (ГПБ). Там же — посвящение: Г. <Гаршину? — М. К.>.

П а м я т и С е р г е я Е с е н и н а — журн. «Подъем», 1968, № 3, с. 116 (публ. А. Крюкова), с ошибкой в 5 строке: «души крылатой». В рукописи «Нечета» (ГПБ) под загл.: «Памяти Сергея Есенина», с датой — 1925. То, что это стихотворение было написано задолго до гибели С. Есенина, подтверждается и в записи из дневника П. Н. Лукницкого: «АА читала это стихотворение 25 февраля 1925 г. в зале Гос. акад. капеллы (Мойка, 20), на большом лит. вечере совр. поэзии и прозы» (Архив П. Н. Лукницкого). Тема стихотворения — участь русских поэтов, слишком ранняя гибель многих современников

Ахматовой, среди которых смерть Есенина была одним из самых красноречивых примеров.

И в а — журн. «Звезда», 1940, № 3—4, с. 75, без загл. Эпиграф — из стих. А. С. Пушкина «Царское Село». Дата в автографе (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) — 1940. 18 января. Артур Лурье, уже за границей, написал романс на эти стихи.

Из цикла «Юность». — I. «Мои молодые руки...» — «Ленинградский альманах», 1945, с. 210, без строк 7—8, 25—28. По-смертная публикация полного текста — журн. «РТ», 1966, № 13, с. 15.

Описываемые в стихотворении события относятся к 1904 г. (в первой публикации был вариант «пятнадцатилетние руки»). В «Листках из дневника» (ГПБ) Ахматова так объясняла свою стихотворную мемуаристику: «В молодости и в зрелых годах человек очень редко вспоминает свое детство. Он активный участник жизни, и ему не до того. И, кажется, всегда так будет. Но где-то около 50 лет все начало жизни возвращается к нему. Этим объясняются некоторые мои стихи 1940 г. («Ива», «Пятнадцатилетние руки...»), которые, как известно, вызвали неудовольствие Сталина и упреки в том, что я тянусь к прошлому. Если бы я родилась не в 89 г., а, скажем, в 1910, меня бы никто не упрекал, что в пятидесятилетнем возрасте я стала бы вспоминать Октябрьскую Революцию или Гражданскую войну». II. Подвал памяти — журн. «Москва», 1966, № 6, с. 157. Автограф (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) с эпиграфом из поэмы В. Хлебникова «Жуть лесная» (1914), в которой речь, как и в этом стихотворении, идет о «Бродячей собаке». От старости скончался тот проказник... — имеется в виду поэт Михаил Алексеевич Кузмин (1872—1936), один из завсегдаев и «идеологов» «Бродячей собаки».

«Так отлетают темные души...» — журн. «РТ», 1966, № 13. Первое утро в Варшаве... — Ахматова была в Варшаве с Н. С. Гумилевым проездом из Киева в Париж весной 1910 года. Эбани — в «Эпосе о Гильгамеше» — друг героя, погибающий по воле богов. В современной транскрипции клинописного текста это имя читается Энкиду.

«Когда человек умирает...» — журн. «Звезда», 1940, № 3—4, с. 75. В списке Н. Л. Дилакторской под этим стихотворением проставлены две даты: 21 января и 7 марта 1940.

Двустышие — журн. «Звезда», 1940, № 3—4, с. 75. Дата по списку Н. Л. Дилакторской.

Разрыв. — 1. «Не недели, не месяцы — годы...» — сб.: Анна Ахматова. «Избранное». Ташкент, 1943, с неверной датой — 1942. В списке (ГПБ) дата — 1940. Адресовано, вероятно, Н. Н. Пунину, разрыв с которым в 1938 году Ахматова переживала болезненно и трудно. Как сообщает Л. Я. Гинзбург, Ахматова хотела переделать строку «Больше нет ни измен, ни предательств...» на — «Больше нет ни обид, ни предательств...», т. к. считала, что измену можно простить, а обиду — нет, но не переделала. 2. «И как всегда бывает в дни разрыва...» — журн. «Звезда», 1944, № 7—8, с. 99. Дата — по списку Н. Л. Дилакторской. В конце мая 1944 г. Ахматова вернулась из эвакуации в Ленинград. Вскоре после ее возвращения последовал полный разрыв с В. Г. Гаршиным, к которому, вероятно, обращено это стихотворение. 3. Последний тост — «Бег времени», с. 278. Печатается по автографу (ГПБ, в составе рукописи кн. «Нечет»). Дата — по автографу в фонде Н. Н. Пунина (ЦГАЛИ).

Воронеж — журн. «Ленинград», 1940, № 2, с. 9, без строк 14—17. Печатается по «Бегу времени», с. 267. В автографе (ЦГАЛИ,

ф. 13, ед. хр. 77) дата — 1936, 4 марта, и посвящение: «О. М.» Осип Эмильевич Мандельштам (1891—1938) — поэт, творчество которого Ахматова ценила чрезвычайно высоко. Весной 1936 года она провела несколько дней в Воронеже, где О. Э. Мандельштам находился в ссылке.

Маяковский в 1913 году — журн. «Звезда», 1940, № 3—4, с. 4. Окончательный текст в сб. «Из шести книг», с. 43—44. В автографе (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) дата — 1940. 3—10 марта, и другая концовка:

И еще не слышенное имя
Бабочкой летало над толпой,
Чтобы вдруг под взорами твоими
Превратиться в восхищенный вой.

Это стихотворение Ахматова читала на вечере в Ленинграде, в Академической капелле, приуроченном к 10-летию со дня гибели Маяковского. Ахматова не раз встречалась с Маяковским на вечерах в «Бродячей собаке», слушала его чтение стихотворения «Вам!», вызвавшее скандал. Послереволюционная поэзия Маяковского ценилась ею намного ниже.

Ленинград в марте 1941 года — кн.: Анна Ахматова. «Избранное». Ташкент, 1943, с. 25, без заглавия. Печатается по рукописи «Нечета» (ГПБ). В этом автографе есть еще одна строфа, зачеркнутая автором:

Здесь было всё милее и чудесней,
А нынче город что-то очень хмур...
И кажется мне памятником песни
Моей,— вот этот под окном амур.

Меншиков дом — дворец, выстроенный Меншиковым на набережной Невы на Васильевском острове. Как щелочка, чернеет переулок... — Соловьевский переулок за Академией художеств.

Стансы — сб. «Памяти Анны Ахматовой». IMCA-Press, Paris, 1974, с. 19. Первая советская публикация — газ. «Ленинградская правда», 29 января, 1989 — по автографу (ГПБ). Эта публикация и дана в наст. издании. Другая публикация — «Огонек», 1989, № 10, с. 12. «Стансы» — вершина гражданской поэзии Ахматовой. При ее жизни стихи ходили в многочисленных списках, хранились в памяти друзей. Стихотворение имеет множество вариантов. Текст, опубликованный в «Огоньке», известен со слов друга Ахматовой В. С. Муравьева, но автограф его пока выявить не удалось. Приводим этот вариант:

Стрелецкая луна. Замоскворечье. Ночь.
Как крестный ход идут часы Страстной недели.
Мне снится страшный сон. Неужто в самом деле
Никто, никто, никто не может мне помочь?
«В Кремле не можно жить», — Преображенец прав,
Там зверства древнего еще кишат микробы:
Бориса дикий страх, всех Иоаннов злобы,
И Самозванца спесь — взамен народных прав.

Реквием — журн. «Октябрь», 1987, № 3, с. 130—135 (публикация Э. Б. Томашевской). Над лирическим циклом «Реквием», позднее называемом ею и поэмой, Ахматова работала в 1934—1940 годах и в начале 60-х годов. По словам Л. К. Чуковской, «Реквием» заучивался людьми, которым Ахматова доверяла, а таких было не более десятка. Рукописи, как правило, сжигались, и только в 1962 году Ахматова передала «Реквием» в редакцию «Нового мира». К этому времени поэма имела уже широкое хождение среди читателей в «самиздатовских» списках. (По сообщению В. К. Покровского, в некоторых списках поэма имела конкурирующее название «Фонтанный Дом».)

Один из списков попал за границу, и впервые полностью (без ведома автора) «Реквием» был опубликован отдельной книгой в Мюнхене (1963). Экземпляр мюнхенского «Реквиема» был подарен Ахматовой (с авторской правкой) ее библиографу М. В. Латманову. Ныне он находится в музее А. Ахматовой в Фонтанном Доме и был взят за основу при подготовке настоящего издания, с учетом всех последних публикаций («Нева», 1987, № 6, с. 74—79; Анна Ахматова. «Лирика». М., «Художественная литература», 1989, с. 213—221 и др.). Авторизованные списки, взятые за основу этих публикаций, имеют некоторые разночтения. Наиболее существенные из них касаются «Эпилога»: 28 строка — «В канун моего погребального дня» и 41 строка — «Забуть, как постылая хлюпала дверь». Эти, по-видимому, позднейшие авторские правки представляются менее удачными, нежели первоначальные варианты. Поскольку «Реквием» при жизни Ахматовой не был напечатан в нашей стране, остается дискуссионным вопрос о том, какой список следует считать каноническим.

В основу сюжета «Реквиема» положены трагические события 30-х годов, всю тяжесть которых Ахматова разделила со своим народом.

22 октября 1935 года были арестованы, как «участники антисоветской террористической группы», профессор Всероссийской Академии художеств Н. Н. Пунин и студент исторического факультета Ленинградского государственного университета Л. Н. Гумилев, сын Ахматовой. Однако после письма, которое Ахматовой удалось передать Сталину, 4 ноября 1935 года и Н. Н. Пунин, и сын были освобождены из-под стражи.

Вторично Л. Н. Гумилев был арестован 10 марта 1938 года за «участие в молодежной антисоветской террористической организации в ЛГУ». Военным Трибуналом Ленинградского военного округа 27 сентября 1938 года приговорен к 10 годам ИТЛ. Военная Коллегия Верховного Суда СССР 17 ноября 1938 года приговор отменила, и дело было направлено на дополнительное расследование, проводившееся в феврале — мае 1939 года. Л. Гумилев виновным себя в антисоветской деятельности не признал. Однако решением Особого совещания при НКВД СССР от 26 июля 1939 года он был осужден на 5 лет ИТЛ. Постановлением Президиума Ленгорсуда от 20 мая 1975 года Л. Н. Гумилев по этому делу был реабилитирован. Такова фактическая сторона событий.

Но содержание «Реквиема» не сводимо к семейной трагедии. Недаром, передавая поэму в редакцию «Нового мира», Ахматова сочла нужным поставить к ней эпиграф из своего стихотворения «Так не зря мы вместе бедовали...» (1961) со строками, объясняющими смысл и оправдание этого произведения: «Я была тогда с моим народом // Там, где мой народ, к несчастью, был». Не имея возможности увидеть поэму напечатанной на родине, Ахматова ценила мнение о ней тех читателей, которым могла довериться. Об этом — запись в «Листках из дневника» (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 71): «13 декабря 1962. (Ордынка). Давала читать «R<equiem>». Реакция почти у всех одна и та же. Я таких слов о своих стихах никогда не слыхала. («Народные»). И говорят самые разные люди».

Маруси — тюремные машины.

Кресты — пересыльная тюрьма в Ленинграде, перед которой женщины — родственницы репрессированных стояли в бесконечных очередях «с передачами».

Эпиграф «Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи» — во многих списках и в публикации «Октября» звучал так: «Не рыдай мене, мати,

во гробе сущу». Однако в последние годы Ахматова исправила этот текст в соответствии с каноническим, хотя по-прежнему цитата осталась не вполне точной. В ирмосе IX песни канона Великой субботы это читается: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе...»

НЕЧЕТ

24 ноября 1945 года в «Литературной газете», в разделе «Будущие книги», Анна Ахматова сообщала: «Большой сборник моих лирических стихов (1909—1945 гг.), около четырех тысяч строк, должен выйти в начале 1946 г. в Гослитиздате. <...> Прежние книги будут отделами сборника. Последний отдел называется «Нечет». В «Нечет» входят стихи военных лет, главным образом, стихи, посвященные Ленинграду, и небольшой цикл «Луна в зените», который я считаю рядом набросков для поэмы о Средней Азии, где я провела два с половиной года и с которой я еще творчески не рассталась». Этот сборник был набран, и весь тираж (10.000 экз.) в связи с постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград» пущен под нож. Одновременно в этом же 1946 году в издательство «Советский писатель» была сдана рукопись книги «Нечет». (О ее составе более подробно — в статье Г. П. Макогоненко «О сборнике Анны Ахматовой «Нечет». — «Вопросы литературы» 1986, № 2, с. 170—189.) Рукопись «Нечета» была в 1952 году возвращена из издательства Ахматовой, «за истечением срока архивного хранения» (ныне хранится в ГПБ, ед. хр. 87). Если в этом варианте «Нечета» были стихотворения 1936—1946 годов, расположенные в хронологическом порядке, то с течением времени Ахматова стала записывать на чистых страницах возвращенной ей рукописи стихи, созданные в последующие годы, нарушая тем самым хронологическую канву книги. Окончательный план книги «Нечет» включает стихи 1940—1962 годов. Она имеет подзаголовок: «Седьмая книга стихотворений» и по содержанию во многом перекликается с напечатанной «Седьмой книгой» в «Беге времени» (1965), где имеется раздел «Нечет», включающий в себя стихи последних лет.

В настоящем издании «Нечет» печатается по авторскому плану (ГПБ, ед. хр. 98) как седьмая книга стихотворений, напечатать которую Ахматовой при жизни не удалось.

В сороковом году. Как цикл — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1961, с. 191—194. 1. Август 1940 — журн. «Ленинград», 1946, № 1—2, с. 13. Эпиграф и дата — в собрании Н. Л. Дилакторской. *Так вот — над погибшим Парижем* — 14 июня 1940 г. Париж был захвачен гитлеровскими войсками. 2. Лондонцам — сб.: Анна Ахматова. «Избранное». Ташкент, 1943, с. 12. В рукописи «Нечета» (ГПБ) под загл. «To the Londoners» («Лондонцам» — англ.), с эпиграфом: «И сделалась война на небе. Апокалипсис». Строка 3 исправлена по рукописи (ср. у Пушкина: «Пир во время чумы»). *Двадцать четвертую драму Шекспира* — т. е. еще не написанную, сверх двадцати трех канонических. 3. Тень — «Литературная газета», 1960, 29 октября, без эпиграфа. В автографе (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 77) под заглавием «Современница», с посвящением С. А. <андриковой> и датой: 9 августа 1940 (вечер). Эпиграф — из черновой редакции стихотворного цикла О. Мандельштама «Соломинка», посв. С. Н. Андрониковой. Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн (1888—1982) встречалась с Ахматовой в 1916 году в Петрограде и в 1965 году в Лондоне, где С. Н. Андроникова прожила большую часть жизни. 4. «Уж я ли не знала бессонницы...» — журн. «Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8. По мнению

В. Я. Виленкина, толчком для создания этого стихотворения мог послужить радиоочерк Мандельштама о Гете (1935), в котором были такие слова: «Конницей бессонниц движется искусство народов, и там, где она протопала, там быть поэзии или войне».

Pro domo mea (Про мои дела.— лат.) — как цикл в рукописи «Нечета» (ГПБ). 1. «Один идет прямым путем...» — газ. «Металлургист Новокузнецка», 1963, 16 марта. 2. «Но я предупреждаю вас...» — сб.: Анна Ахматова. «Избранное». Ташкент, 1943, с. 109. 3. «Забудут? — вот чем удивили!» — журн. «Простор», 1969, № 8, с. 91, с вариантом 8-й строки: «В тумане восстать голубом». Печатается по «Дню поэзии», М., 1972, с. 246. 4. «Жить — так на воле...» — альм. «День поэзии», М., 1971, с. 155, с очевидной опечаткой в дате — «22 июля». В списке Н. Л. Дилакторской вместо даты значится: «День объявления войны». Очевидно, имеется в виду 30 ноября 1939 г. — день объявления войны с Финляндией.

Ветер войны. Как цикл (12 стихотворений) — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1961, с. 201—213. Печатается по рукописи «Нечета» (ГПБ). Эпиграф из стихотворения Н. С. Гумилева «Новорожденному». *Клятва* — журн. «Ленинград», 1941, № 16, с. 11, без заглавия. *Первый дальнобойный в Ленинграде*. — журн. «Красная новь», 1942, № 3—4, с. 56. Ахматова была свидетельницей обстрела Ленинграда из дальнобойных орудий 4 сентября 1941 года. *Птицы смерти в зените стоят...* — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М. 1961, с. 204. 28 сентября 1941 года Анна Ахматова вылетела на самолете из осажденного Ленинграда в Москву. Стихотворение было написано во время этого перелета. В рукописи «Нечета» (ГПБ) сохранились две последние строки, не вошедшие в окончательный текст; они воспроизводятся в настоящем издании. *Мужество* — газ. «Правда», 1942, 8 марта. Поэтесса С. А. Сомова предполагает, что это стихотворение Ахматова могла передать по телефону через корреспондента в «Правду», так как оно написано 23 февраля, а напечатано 8 марта. С. Сомова приводит в воспоминаниях («Москва», 1984, № 3, с. 184—185) и раннюю редакцию стихотворения, которое кончалось так:

Свободным и чистым тебя пронесем
От плена избавим, от смерти спасем
И внукам дадим
Навеки!

Памяти Вали — сб. «Родной Ленинград». Ташкент, 1942, с. 49, с посвящением: «Памяти мальчика, погибшего во время бомбардировки Ленинграда». Смирновы были соседями Ахматовой по квартире в Фонтанном Доме. И Валу, и Вову Ахматова очень любила. Старший, Валя, погиб во время воздушного налета, уже после эвакуации Ахматовой из Ленинграда. *Нох. Статуя «Ночь» в Летнем саду* — сб. «Родной Ленинград». Ташкент. 1942, с. 50, с эпиграфом: «В Ленинграде многие статуи для сохранности зарыты в землю возле своих пьедесталов». *Победителям* — журн. «Красноармеец», 1946, № 10, с. 2. *Іл шетогіат* — журн. «Знамя», 1945, № 4, с. 50, без заглавия. Окончательный вариант, напечатанный в «Беге времени», возможно, исправлен под давлением редактора.

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!

Да что там имена!

Ведь все равно — вы с нами!..

Все на колени, все!

Багряный хлынул свет!

И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

Печатается по автографу — в рукописи «Нечета» (ГПБ), с датой — «1942. Август. Дюрмень». Дюрмень — санаторий под Ташкентом, где Ахматова лечилась летом 1942 года. «Важно с девочками простились...» — сб.: Анна Ахматова. Бег времени, с 337. Причитание — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 55. В настоящем издании впервые печатается по автографу в «Нечете» (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 87, с. 32 об.). «Справа раскинулись пустыри...» — журн. «Знамя», 1945, № 4, с. 50. Победа — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения», М., 1961, с. 211—212. Памяти друга — журн. «Ленинград», 1946, № 1—2, с. 13. Дата по автографу в собрании Н. Л. Дилакторской.

Луна в зените — цикл стихов о Средней Азии, где Анна Ахматова жила с 9 ноября 1941 года до 13 мая 1944 года, складывался постепенно, при этом состав стихов, входящих в этот цикл, называемый автором иногда маленькой поэмой, существенно менялся. В настоящем издании публикуется по рукописи «Нечета» с уточнением датировок и посвящений. Эпиграф — из стихотворения А. Фета «Моего тот безумства желал, кто смежал...». 1. «Заснуть огорченной...» — журн. «Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8, под заглавием «В Ташкенте». Посвящено Галине Герус. Галина Лонгиновна Герус и ее муж, композитор Алексей Федорович Козловский (1905—1977) были близкими друзьями и собеседниками Ахматовой в Ташкенте, поддерживали с ней добрые отношения и в последние годы ее жизни. Шехерзада — такое прозвище дала Ахматова Галине Герус. 2. «С грозных ли площадей Ленинграда...» — журн. «Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8. 3. «Все опять возвратится ко мне...» — журн. «Звезда», 1945, № 2, с. 39, в цикле «Ташкентские наброски», с неверной датой: 1942. Халима Насырова — узбекская певица, народная арт. СССР. 4. «И в памяти, словно в узорной укладке...» — журн. «Звезда», 1945, № 2, с. 39. 5. «Третью весну встречаю вдали...» — альм. «Литературная Москва». Сб. I. М., 1956, с. 537, в составе цикла «Азия». 6. «Я не была здесь лет семьсот...» — сб. Анна Ахматова. «Бег времени», с. 351. 7. Явление луны — журн. «Звезда», 1944, № 7—8, с. 92. Композитор А. Козловский, которому посвящены эти стихи, писал музыку к «Поэме без героя» и к «Прологу». 8. «Как в трапезной — скамейки, стол, окно...» — журн. «Звезда», 1946, № 1, с. 71. Как и предыдущее, в рукописи «Нечета» стихотворение посвящено Ал. Козловскому. В наст. издании 5 строка исправлена по этой же рукописи. 9. «Какая есть. Желая вам другую...» — сб.: Анна Ахматова. «Избранное». М., 1974, с. 459. Печатается по рукописи «Нечета» (ГПБ). В рукописи дата — 23/24 июня 1942 г. В эту ночь Ахматовой исполнилось 53 года. Страдалица Марина — Марина Ивановна Цветаева повесилась в Елабуге 31 августа 1941 года. В июне 1942 г. ее сын Мур был уже в Ташкенте и мог рассказать Ахматовой об обстоятельствах гибели матери.

«Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...» — журн. «Ленинград», 1946, № 1—2, с. 13, под заглавием «Вечерняя комната».

«Э то рысьи глаза твои, Азия...» — журн. «Новый мир», 1965, № 1, с. 89, в подборке «Из цикла „Ташкентские страницы“». В рукописи «Нечета» (ГПБ) перед первой строкой приписано:

Не блистательная фантазия —
Лепесток, утонувший в вине...

В т и ф у — журн. «Звезда Востока», Ташкент, 1966, № 6, с. 41. Автограф — в рукописи «Нечета» (ГПБ) с датой — 1942. Ташкент. Ташми. (В тифозном бреду). В ноябре 1942 года Ахматова заболела брюшным тифом и лечилась в клинике Ташкентского медицинского института (Ташми).

Еще одно лирическое отступление — журн. «Звезда», 1945, № 2, с. 71, с датой — 1945, под заглавием «Вступление». Печатается по рукописи «Нечета» (ГПБ). *Беглянка, беженка, поэма...* — Имеется в виду «Поэма без героя», в первой редакции законченная в Ташкенте. *Лютфи* — узбекский классический поэт XV в. *Балахана* — верхняя надстройка узбекского дома; в такой «балахане» жила Ахматова в доме на ул. Жуковского, 54, в Ташкенте.

С м е р т ь. — I. «Я была на краю чего-то...» II. «А я уже стою на подступах к чему-то...» — сб. «Бег времени», с. 353. III. «И комната, в которой я болею...» — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 55—56. В собрании Н. Л. Дилакторской этот цикл имеет общий эпиграф из «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрона: «My native land, good bye! *Bygone*» («Мой край родной, прощай! — англ.). Цитата слегка изменена Ахматовой; у Байрона: «...good night!» («доброй ночи!»).

Т а ш к е н т з а ц в е т а е т — журн. «Новый мир», 1965, № 1, с. 8. *Баранчук* (узб.) — малыш, ласкательное прозвище мальчика.

П а л ь м и р а — I. «Как ни стремилась к Пальмире я...» — журн. «Знамя», 1945, № 4, с. 50. II. «Разве я стала совсем не та...» — альм. «Литературная Москва», М., 1956, с. 537, в составе цикла «Азия». В списке стихов, входящих в «Нечет» (ГПБ), стихотворения объединены в цикл под названием «Пальмира».

С с а м о л е т а. Как цикл — журн. «Огонек», 1950, № 36, с. 23. I. «На сотни верст, на сотни миль...» — журн. «Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8, под заглавием «Возвращение». В рукописи «Нечета» (ГПБ) цикл имеет другое название — «На самолете» и дату — «1944. 14 мая. Самолет». В этот день Ахматова прилетела из Ташкента в Москву.

Н о в о с е л ь е. Как цикл — сб. «Бег времени», с. 359—361. Цикл печатается по рукописи «Нечета», с уточненными датами. 1. *Х о з я й к а* — журн. «Звезда», 1946, № 1, с. 70, с подзаголовком «Из цикла «Новоселье». *Елена Сергеевна Булгакова* (1893—1970) — жена М. А. Булгакова, подруга А. А. Ахматовой. 2. *Г о с т и* — сб. «Бег времени», с. 360. *Нах хауз* (*nach Hause* — нем.) — домой. 3. *И з м е н а* — журн. «Звезда», 1944, № 7—9, с. 92. 4. *Г и б е л ь* — сб. «Бег времени», с. 361, под заглавием «Встреча».

«А в к н и г а х я п о с л е д н ю ю с т р а н и ц у...» — журн. «Знамя», 1964, № 10, с. 91, под заглавием «Баллада». *И даже «вечность поседела», // Как сказано в одной прекрасной книге — т. е. в романе Т. Готье «Капитан Фракас» (гл. 3). Остался профиль (кем-то обведенный // На белоснежной извести стены)...* — В Ташкенте, когда Ахматова была в гостях у композитора А. К. Козловского, он «обвел» ее профиль на стене своей комнаты (Подробнее об этом см. — «Москва», 1986, № 10, с. 180—187).

Трещотка прокаженного.— Состав цикла печатается по списку стихотворений, входящих в «Нечет» (ГПБ). 1. Пролог — журн. «Даугава», 1987, № 9, с. 125, без заглавия. 2. Последнее возвращение — в качестве цитаты (не полностью) в статье И. Сергиевского «Об антинародной поэзии Ахматовой» («Звезда», 1946, № 9, с. 194). Публикуется по рукописи «Бега времени» (ЦГАЛИ), с уточненным эпиграфом и датой. По сообщению Ю. К. Герасимова, «Лагерная песня», из которой взят эпиграф к стихотворению, принадлежит перу поэта С. З. Галкина (1897—1960). Галкин отбывал срок в лагере под Воркутой вместе с Н. Н. Пуниным, но в отличие от него вернулся и в последние годы жизни часто встречался с Ахматовой в Москве. 3. «То, что я делаю, способен делать каждый...» — журн. «Литературная Грузия», 1979, № 7, с. 85—86 (с купюрами). Полностью — газ. «Ленинградская правда», 1989, 29 января. Эпиграф — из стихотворения В. Я. Брюсова «Прокаженный». 4. «Лучше бы по самые плечи...» — кн.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1, М., с. 328. Разрыв с В. Г. Гаршиным, последовавший по возвращении Ахматовой в Ленинград, явился поводом для создания этого четверостишия. 5. Триосени — журн. «Ленинград», 1946, № 1—2, с. 13, без строк 1—2 и 22—26. 6. На Смоленском кладбище — «Ленинградский альманах», 1945, с. 210, в подборке под редакционным заглавием «Шаг времени». В рукописи «Нечета» (ГПБ) под заглавием «Отрывок из поэмы без названия», с датой — «1942. Дюрмень, август». *Донон* — фешенебельный ресторан в Петербурге. *Ржавый ангелок* — остаток старинного надгробия — неподалеку от могилы А. Блока. *Восток еще лежал...* — имеется в виду будущая русско-японская война 1904—1905 гг. 7. Под Коломной — журн. «Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8, под заглавием «Подмосковное», без посвящения. В рукописи «Нечета» (ГПБ) посвящено Е. В. и С. В. Шервинским. Сергей Васильевич Шервинский (р. 1892) — поэт, переводчик; Елена Владимировна — его жена. На даче Шервинских в Старках под Коломной Ахматова гостила в 1936, 1952 и 1956 гг. 8. «Сопаной в канавке...» — кн.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 1, М., 1986, с. 330. *С батькой-атаманом...* — В августе 1946 г. в Москве суд приговорил к повешению белогвардейского атамана Г. М. Семенова. 9. Пушкин — журн. «Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8, под заглавием «Надпись на книге». Печатается по сб: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта). Л. 1976., с. 207. 10. «Наше священное ремесло...» — журн. «Знамя», 1945, № 4, с. 50. *С ним и без света миру светло...* перекликается со строкой «От меня будет свету светло» из «Стихов о неизвестном солдате» О. Мандельштама.

Вторая годовщина — газ. «Вечерний Ленинград», 1946, 4 июля, под заглавием «Возвращение на родину», в статье А. Максимова «Разговор с поэтом». Печатается по рукописи «Нечета» (ГПБ), где имеет подзаголовок «Простые рифмы» и ряд точек после первой строфы. Дата под стихотворением означает вторую годовщину возвращения Ахматовой в послеблокадный Ленинград. В другом автографе стихотворение имеет название «Последние слезы». «Страдальческая тень» — крылатая цитата, часто встречающаяся у поэтов XIX века. В образе «страдальческой тени» Ленского из «Евгения Онегина» Ахматова различает и более близкую ей биографически «страдальческую тень» Н. В. Недоброво, которая как бы накладывается на «страдальческую тень» Города, еще не оправившегося от страшных последствий блокады.

Надпись на портрете — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения», М., 1961, с. 251. Посвящено балерине Татьяне Михайловне Вечесловой.

S i n q u e — журн. «Ленинград», 1946, № 3—4, с. 10, под заглавием «Пять стихотворений из цикла «Любовь», с эпиграфом из стихотворения И. Анненского «Дальние руки» «Пять роз, обрученных стеблю...». В рукописи «Нечета» другой эпиграф: «За тебя косою воды напьюсь. О. М.» (неточная цитата из стихотворения О. Мандельштама «Мастерица виноватых взоров...»). Окончательный эпиграф — из стихотворения Ш. Бодлера «Мученица». Весь цикл навеян воспоминаниями о встречах с сэром Исайей Берлином (р. 1909) — английским социологом и литературоведом, который бывал у Ахматовой в Фонтанном Доме осенью 1945 года. 1. «Как у облака на краю...» — в рукописи «Нечета» (ГПБ) стихотворение имеет в конце еще две строки:

Как зову и не дозовусь
А со мной только мрак и Русь.

4. «Знаешь сам, что не стану славить...» — *Посвящение сожженной драмы...* (в рукописи «Нечета» — «ташкентской») — драму «Энума элиш» («Пролог, или Сон во сне»), написанную в Ташкенте, в которой была «предсказана» встреча с Берлином и ее печальные последствия, Анна Ахматова сожгла 11 июля 1944 г. в Фонтанном Доме. В последние годы жизни Ахматова пыталась восстановить драму (см. т. 2 наст. изд.). 5. «Не дышали мы сонными маками...» — В беловом автографе «Нечета» (ИРЛИ, ф. 519, № 346) Ахматовой зачеркнута последняя строфа этого стихотворения:

И над этой недоброй забавою
Веял ветер пречистых полей
И всходило налитое славою
Солнце Родины грозной моей.

Путем всея земли.— При жизни Ахматовой поэма печаталась в отрывках в разных изданиях; целиком в сб. «Бег времени», с. 283—289. Однако и в этом сборнике поэма была напечатана с цензурными искажениями, пропусками отдельных строк и без предисловия. В настоящем издании «Путем всея земли» впервые печатается полностью по авторизованной машинописи, хранящейся в ГПБ, а «Из письма к ***» (Вместо предисловия) — по списку Н. Л. Дилакторской. Первый эпиграф — контаминация цитат из библейской Третьей книги Царств («Вот, я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и будь мужествен») и «Поучения Владимира Мономаха» («В санех сидя, помыслил в душе своей и похвалил Бога»). Второй эпиграф — из Апокалипсиса.

«Путем всея земли (Китежанка)» — поэма о себе. «Китежанкой» называл Ахматову поэт Н. А. Клюев, в творчестве которого тема чудесно спасшегося от врагов Китежа занимает не меньшее место, чем у Ахматовой. Ахматова очень высоко ценила оперу Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии». В стихотворении «Уложила сыночка кудрявого...» (1940) лирическая героиня так же отождествлялась с героиней оперы — девицей Февронией. В поэме Ахматовой — и в этом она предвосхищает «Поэму без героя» — время движется в обратном направлении, чтобы «больше не быть»; героиня, путешествуя из 1940 года к годам своей поэтической славы, крымской юности, детства, рождения, возвращается в свой «вечный» дом — легендарный град Китеж. *O salve, Regina!* (О, здравствуй, Царица! — лат.) — закат сравнивается с музыкой, которую в

1915 году написал на текст католической молитвы «Salve, Regina» ближайший друг Ахматовой, композитор Артур Лурье (католик по вероисповеданию). *От старой Европы // Остался лоскут* — здесь подразумевается результат первой мировой войны 1914 г. *И вот уже Крыма // Темнеет гряда...* — героиня вспоминает свое пребывание в Крыму в 1916 г. К этим строкам в машинописи (ГПБ) дана авторская сноска: «было:

И карлика Мимэ
Торчит борода».

Имеется в виду сцена из оперы Вагнера «Зигфрид», по ходу которой Зигфрид убивает предателя — нибелунга Миме. *И кто-то «Цусима!» // Сказал в телефон...»* — В «Листках из дневника» Ахматова писала: «Непременно 9 января и Цусима — потрясение на всю жизнь, и так как первое, то особенно страшное». *Форт Шаброль* — форт времен англо-бурской войны 1899—1902 гг. *И в легкие сани // Спокойно сажусь...* — Согласно старинному русскому обычаю, покойника везли к месту погребения на санях. В ЦГАЛИ (ф. 13, ед. хр. 111, с. 27 об.) записан отрывок, судя по всему, относящийся к поэме «Путем всея земли», не вошедший в окончательный текст:

И в мраке ненастном
Стал Век на порог,
Впервые опасным
Был желтый восток.

Отрывок не датирован.

БЕГ ВРЕМЕНИ

Когда в 1952 году Ахматовой была возвращена из издательства «за истечением срока архивного хранения» рукопись седьмой книги ее стихотворений «Нечет», сданная туда еще в 1946 году, Анна Андреевна исподволь начала работу над новой «седьмой книгой», дав ей название «Бег времени». Но суть была не только в изменении названия: самый характер стихотворений, включенных ею в «Бег времени», значительно изменился. В 60-х годах в творчестве Ахматовой наряду с объективно-историческим усиливается социально-философское начало, находящее выражение в самой структуре стиха. Если стихи острого социального звучания (написанные, как правило, в более ранние годы) не ограничены ею каким-либо строго определенным количеством строк, то стихотворные философемы последних лет, как правило, тяготеют к излюбленной Ахматовой стихотворной форме — четверостишию. Нередко эти два начала (социальное и философское) органически совмещаются, как, например, в четверостишии «Бег времени», которое должно было открывать эту книгу.

Принцип хронологии, весьма приблизительно соблюдавшийся Ахматовой в предыдущих книгах, в «Бегах времени» принципиально нарушен: например, в авторском списке стихов, входящих в «Бег времени» (ГПБ), стихотворение «Кого когда-то называли люди...» (1945) имеет пометку: «после всего», т. е. этому стихотворению Ахматова, видимо, придавала смысл своего «поэтического завещания». Кроме того, нарушение хронологии в последнем сборнике обусловлено тем, что в 60-х годах Ахматова впервые решилась записать некоторые стихи 30-х годов, до той поры жившие только в памяти ее или ее близких друзей. После XXII съезда КПСС надежды Ахматовой на ослабление роли цензуры возросли настолько, что она решила ввести в состав «Бега времени» стихи из «Заветной тетради». «Заветная тет-

радь», или «Дикое мясо», как в шутку называла Ахматова этот лирический цикл, вместила в себя сокровенные раздумья Ахматовой о личной ответственности Поэта за отпущенное ему Судьбой историческое Время.

Цикл «Из стихотворений 30-х годов», а также цикл «Венок мертвым» и решили печальную судьбу «Бега времени». Влиятельная в высших чиновничье-литературных кругах критик-литературовед Е. Ф. Книпович, которой рукопись ахматовской книги была отдана на рецензию, «зарубила» ее. (См. об этом: М. К р а л и н. Анна Ахматова и «деятели 14 августа». — «Ленинградская панорама», 1989, № 6, с. 31.) В результате название «Бег времени» получила не седьмая книга поэта, а сборник, включающий в просеянном цензурой виде все вышедшие ранее книги Ахматовой, в том числе и «Седьмую книгу», куда вошли далеко не все стихи из рукописных книг — «Нечета» и «Бега времени». В настоящем издании последняя книга Ахматовой печатается в соответствии с ее первоначальным замыслом, который восстанавливается по многочисленным авторским спискам стихотворений «Бега времени», хранящимся в ГПБ и в ЦГАЛИ.

Эпиграф — из стихотворения близкой знакомой Ахматовой Т. Б. Казанской (р. 1916) «Льдины трещали, звенели морозы...».

Вереница четверостиший — печатается по рукописям «Бега времени» (ЦГАЛИ) и (ГПБ). В составе сборника «Бег времени» печаталась лишь часть этого цикла. 1. Бег времени — газ. «Металлургист Новокузнецка», № 21, 16 марта 1963 г., без названия. 2. Имя — «Бег времени» с. 364. Дата — по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 97, л. 24 об.). В другом, более позднем автографе (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, с. 56) это четверостишие имеет дату — «1963 г., 3 авг. Комарово. Во сне», более полное название — «Имя (А. А. А.)» и эпиграф из И. Бродского:

По существу же это страшный крик, —
Младенческий, прискорбный и предсмертный.

3. «За такую скоморошину...» — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...». М., 1989, с. 284, без даты. Дата — в верстке кн.: Анна Ахматова. «Стихи и проза». Лениздат, 1969 (составление Л. К. Чуковской). 4. «А, тебе еще мало по-русски...» — журн. «Вопросы литературы», № 6, с. 176. 5. К стихам — «Бег времени», с. 362. В ЦГАЛИ (ф. 13, ед. хр. 101) — дата: 1961. 6. «В каждом древе распятый Господь...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы». (Библиотека поэта). Л., 1976, с. 226. 7. «Взоры огненной огня...» — сб. «Бег времени», с. 363. Дата — по автографу (ЦГАЛИ). 8. Конец Демона — журн. «Наш современник», 1961, № 6, с. 139. 9. «За меня не будете в ответе...» — журн. «Звезда», 1962, № 2, с. 172, в составе статьи «Слово о Пушкине». 10. «О своем я уже не заплачу...» — журн. «Новый мир», 1963, № 1, с. 65. Обращено к Иосифу Бродскому. 11. «И было сердцу ничего не надо...» — «Литературная газета», 1964, 26 июня, под заглавием «Четверостишие». Окончательный текст — «Бег времени», с. 363. 12. «...И на этом сквозняке...» — сб. «Бег времени», с. 363. Дата — по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 96, л. 31 об.). 13. «И скупое оно и богато...» — журн. «Юность», 1964, № 4, с. 63. 14. «И слава лебедью плыла...» — журн. «Юность», 1964, № 4, с. 63. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 96, л. 29). 15. «Я всем прощение дарю...» — журн. «Звезда», 1978, № 2. Дата — по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 102, л. 33). После даты следует припи-

ска Ахматовой: «Записано сегодня, 30 мая 1963 в Москве на Ордынке. Запомнила Бахмутская из Харькова». 16. «И клялись они Серпом и Молотом...» — газ. «Ленинградская правда», 29 января 1989 г.

Из заветной тетради. В разных авторских списках «Бега времени» в этот цикл Ахматова включала разные стихи. В настоящем издании печатаются все стихотворения, которые Ахматова когда-либо включала в состав этого цикла, чтобы представить «Заветную тетрадь» как можно полнее. 1. Выход книги — сб. Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта). Л., 1976, с. 306—307, с подзаголовком: (Из цикла «Тайны ремесла»). Дата — по автографу (ЦГАЛИ). 2. Многим — журн. «Свирель Пана», 1923, № 1, с. 1, без заглавия. Дата — по списку Н. Л. Дилакторской. 3. Новогодняя баллада — журн. «Русский современник», 1924, № 1, с. 41, без заглавия. Датируется по рукописи «Бега времени» (ЦГАЛИ). Это стихотворение, послужившее своеобразным «конспектом» будущей «Поэмы без героя», нуждается в расшифровке. Лирическая героиня в одиночестве встречает новый, 1923 год («И один только пуст прибор»). Пять остальных приборов поставлены для тех, кого уже нет с ней в это время. Отчего мои пальцы словно в крови... — намек на Б. В. Анрепа (ср. «его» голос в стих. 1917 г. «Я кровь от рук твоих отмою...»). И вино, как отравы, жжет?.. — тема «отравленного вина» всегда связана у Ахматовой с именем А. С. Лурье; как и Анреп, он «навсегда оставил Россию» в 1922 г. Хозяин — имеется в виду Н. С. Гумилев; друг — Н. В. Недоброво; третий — В. Г. Князев, который «покинул свет» 5 апреля 1913 г. и стал впоследствии одним из главных персонажей «Поэмы без героя». 4. «Вы меня, как убитого зверя...» — «Некрасовский сборник». VIII. Л., 1983, по автографу (ГПБ). Точная дата написания неизвестна. В записной книжке (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 108). Ахматова поставила под записью этого стихотворения дату — «10 марта 1963» и намеревалась включить его в цикл «Черепки», написанный еще в 30-х годах. Но чаще она включала его в «Заветную тетрадь». 5. Наследница — журн. «Москва», 1966, № 6, с. 157. Эпиграф — из стихотворения А. С. Пушкина «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» 6. «Если б все, кто помощи душевной...» — журн. «Звезда Востока», 1966, № 6, с. 41. Датируется по рукописи «Бега времени» (ЦГАЛИ). «...богаче всех в Египте...» — цитата из «Александрийских песен» М. А. Кузмина (1872—1936). 7. «Так не зря мы вместе бедовали...» — журн. «Даугава», 1987, № 9, с. 126. Дата — по рукописи «Бега времени». 8. Подражание Кафке — журн. «Даугава», 1987, № 9, с. 126, без заглавия и в другой редакции. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, № 114, л. 241). Тема «трагического судилища» становится в последние годы одной из центральных у Ахматовой (драма «Пролог, или Сон во сне», «Седьмая элегия» («Последняя речь подсудимой»), цикл «Черепки»). Отзвуки этой темы в контексте мировой культуры Ахматова находила и в романе австрийского писателя Франца Кафки «Процесс» (1915), и в трагических кинофарсах Чарли Чаплина. Поэтому тема стихотворения безусловно шире контекста, обусловленного его названием. 9. «Все ушли и никто не вернулся...» — сб. «Памяти Анны Ахматовой». Париж, 1974, с. 25. В записной книжке 1961 года Ахматова пометила, что это стихотворение было написано в 30-е годы, но записано на бумагу только в 1960 г. (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 96, л. 31). 10. «Что нам разлука? — Лихая забава...» — журн. «Новый мир», 1964, № 6, с. 173, в составе драмы «Пролог, или Сон во сне». На

самом деле к «Прологу» отношения не имеет. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). В собрании А. Г. Наймана (Москва) — другой автограф с датой — 1963 и посвящением — Ан. Н., Анатолий Генрихович Найман — поэт, переводчик, секретарь Ахматовой. 11. «Запад клеветал и сам же верил...» — сб. «Памяти Анны Ахматовой». Париж, 1974, с. 105. В других публикациях стихотворение имеет названия «Север», «Финский сонет», первая строка варьируется: «Запад клеветал и сам не верил». *Не могла я больше в этом доме* — имеется в виду Фонтанный Дом, откуда Ахматова выехала в 1952 г. В 1955 г. она получила дачу в Комарове, на территории, ранее принадлежавшей Финляндии (отсюда в стихотворении «Суоми» — древнее название этой страны). 12. «Все, кого и не звали, — в Италии...» — журн. «Литературная Грузия», 1979, № 7, с. 87, по автографу (ГПБ). Приводим этот текст, существенно отличающийся от окончательной редакции:

Все кого и не звали, в Италии, —
Шлют с дороги прощальный привет.
Я осталась в моем зазеркалии,
Где ни Рима, ни Падуи нет.
Под святыми и грешными фресками
Не пойду я знакомым путем
И не буду с леонардесками
Переглядываться тайком.
Никому я не буду сопутствовать
И охоты мне странствовать нет...
Мне к лицу стало всюду отсутствовать
Вот уж скоро четырнадцать лет.

26 сент<ября> 1957
7 февраля 1958
Москва

В наст. издании стихотворение печатается по последней авторской редакции (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, л. 7. об.). В Северной Италии Ахматова была в 1912 году. Образ леонардесок — живописных работ учеников Леонардо да Винчи — восходит к стих. Н. В. Недоброво «Во взгляде ваших глаз, то веском...» («Северные записки», 1913, № 2), Ахматова считала, что это стихотворение было посвящено ей:

Ах, вас бы подвести к леонардескам
В музее Польди-Пеццоли в Милане.
Себя, смотрясь как в зеркала, в полотна,
Вы б видели печальной в половине,
А в остальных жестокой беззаботно...

13. Надпись на книге — журн. «Юность», 1968, № 3, с. 114. Как следует из записи в рабочей тетради 1961 года (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 96, л. 29 об.), это стихотворение было создано еще в 30-х годах. В 1959 году Ахматова сделала «облегченный» вариант первой строфы, который и был после ее смерти напечатан в «Юности»:

Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала!
Я снова все на свете раздарю,
И этого еще мне будет мало.

В 1960 г. Ахматова вернулась к подлинному варианту 30-х годов, выправив в записной книжке первую строфу. В этом виде стихотворение появилось только в 1976 г. в сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы». (Библиотека поэта), с. 300. Печатается по автографу (ЦГАЛИ) с уточненной датой. 14. А н а ф е м а — сб. Анна Ахматова. «Я — голос ваш...» М., 1989, с. 292, без заглавия. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). *Так меня тринадцать лет клянут...* — Постанов-

ление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года, в котором творчество Ахматовой было подвергнуто «анафеме», к 1959 году, когда было написано это стихотворение, продолжало оставаться одним из основополагающих партийных документов, определяющих политику в области литературы. Отменено и признано «ошибочным» только в 1988 году. 15. «Шутки — шутками, а сорок...» — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...». М., 1989, с. 294. 16. «Вам жить, а мне не очень...» Анна Ахматова. Сочинения. Т. 1, М., 1986, с. 360. 17. Защитники Сталина — сб. «О Раневской». М., 1988, с. 88, без заглавия. Печатается по автографу (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 106, л. 11). Другой вариант заглавия — «Защитникам Сталина».

Венок мертвым. — Цикл печатается по рукописям «Бега времени» (ЦГАЛИ и ГПБ). I. Учитель — журн. «Звезда», 1946, № 1, с. 72, под заглавием «Памяти Иннокентия Анненского», без строки 6. Автограф — в «Нечете» (ГПБ) с подзаголовком («Отрывок из одной из сожженных поэм»). Имеется в виду так называемая «Поэма о начале века» («Гаагский голубь реял над вселенной»). В «Списке утраченных произведений» (ГПБ), обозначив эту поэму под № 4, Ахматова поясняет: «Из нее уцелела строфа об Анненском «Учитель». Писала в 1944 г. в Ленинграде». Гаагский голубь — пацифистская мирная конференция, созванная великими державами в Гааге в 1907 г. Иннокентий Федорович Анненский умер внезапно, 30 ноября 1909 года, не успев дожидаться выхода в свет сборника стихов «Кипарисовый ларец», корректуру которого Ахматова, «забыв обо всем на свете, читала в Брюлловском зале Русского музея». Стихи Анненского открыли для Ахматовой, по ее словам, «новую гармонию». II. «De profundis... Мое поколень е...» — журн. «Русская литература», 1970, № 3, с. 71. Печатается с исправлениями по автографу (ГПБ). Написано в Ташкенте. Первоначально было посвящено Н. Я. Хазиной (Мандельштам). Забытое автором стихотворение было восстановлено Ахматовой в начале 60-х годов с помощью ее ташкентского знакомого Э. Г. Бабаева. III. «Все это разгадаешь ты один...» — журн. «Наш современник», 1960, № 3, с. 78. Печатается по рукописи «Бега времени» (ЦГАЛИ). Посвящено памяти писателя Бориса Андреевича Пильняка (1894—1937), ставшего одной из жертв сталинских репрессий. IV. «Я над ними склонюсь, как над чашей...» — журн. «Звезда Востока», 1966, № 6, с. 41., под заглавием «Из «Венка мертвым». В ЦГАЛИ хранится другая редакция этого стихотворения в составе цикла «Милые тени»:

ПОЖЕЛТЕЛЫЕ ЛИСТЫ

О. М.

Я над ними склонюсь, как над чашей.
В них заветных заметок не счесть,
Окровавленной юности нашей
Это вещая грозная весть,
Там и ключики от квартиры,
О которых теперь ни гу-гу,
Там и зовы таинственной лиры,
На посмертном гостящей лугу.

О. М. — Осип Эмильевич Мандельштам (1891—1938). V. Поздний ответ — журн. «Литературная Грузия», 1979, № 7, с. 86, с цензурными искажениями и пропусками. Печатается по автографу (ГПБ). Стихотворение был написано в 1940 году, и во время встреч с М. И. Цветаевой в 1941 г. Ахматова собиралась прочитать его, но по каким-то причинам не решилась это сделать. В начале 60-х годов

Ахматова вернулась к работе над этими стихами, поставив эпиграф из стихотворения М. И. Цветаевой «Ахматовой» (1921) и дав название «Поздний ответ». Цветаева еще в 1916 году посвятила Ахматовой большой цикл стихов, но ответа тогда не получила. В ЦГАЛИ хранится другой вариант этого стихотворения, в составе цикла «Милые тени». После строки «Я сегодня вернулась домой» в этом варианте далее следует другой текст:

Зеленеют родимые пашни —
Этот мир — он до ужаса мой.
А навстречу смиренно березки,
Не во сне уже — наяву...
Так твоя знаменитая тѣзка
В золотую вступала Москву.

1940—1961

Знаменитая тѣзка — Марина Мнишек, с которой связано и упоминание *Маринкиной башни* в Коломенском Кремле, где, по преданию, была заточена М. Мнишек. VI. «Вот это я тебе, взамен могильных роз...» — альм. «День поэзии», Л., 1966, с. 50. Печатается по автографу, воспроизведенному в кн.: В. Я. Виленкин. «В сто первом зеркале». М., 1987, с. 97. С Михаилом Алексеевичем Булгаковым (1891—1940) Ахматова была в добрых отношениях с 1933 года. VII. Борису Пастернаку — Анна Ахматова. Сочинения, т. 1, М., 1986, с. 246—247 (в составе цикла).

1. «И снова осень валит Тамерланом...» — «Бег времени», с. 431, без последней строфы. Печатается по автографу (ГПБ). 2. «Умолк вчера неповторимый голос...» — журн. «Знамя», 1964, № 10, с. 91, под заглавием «Смерть поэта». Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Эпиграф — из стихотворения Б. Л. Пастернака «Все сбылось». Пастернак умер 30 мая 1960 г. Ахматова не была на его похоронах, так как находилась в Боткинской больнице после очередного инфаркта. 3. «Словно дочка слепого Эдипа...» — альм. «День поэзии», М., 1972, с. 246. В трагедии Софокла «Эдип в Колоне» изгнанного из Фив мудреца Эдипа сопровождает его дочь Антигона. В поэзии Ахматовой образ Антигоны не только является одним из воплощений ее Музы, но нередко служит лирическим двойником автора («Непогребенных всех — я хоронила их...»). VIII. Нас четверо (Комаровские наброски) — «Литературная газета», 1962, 16 января, под заглавием «Комаровские кроки», без эпиграфов и строфы 2. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). В рукописи «Бега времени» включено в цикл «Венок мертвым». Стихотворению предпосланы три эпиграфа: первый — из стихотворения О. Э. Мандельштама «Черты лица искажены...» (1915); второй — из стихотворения Б. Л. Пастернака «Анне Ахматовой» (1928); третий — из стихотворения М. И. Цветаевой «О муза плача, прекраснейшая из муз!..» (1916). *Воздушные пути* — название рассказа Б. Пастернака (1925) и книги его прозы (1933), но в данном контексте скорее имеется в виду альманах Р. Гринберга «Воздушные пути», который начал выходить в Нью-Йорке именно в это время и где печатались стихи Пастернака и Мандельштама, а также «Поэма без героя» самой Ахматовой. IX. «Словно дальнему голосу внемлю...» — сб. «Бег времени», с. 413. Посвящено Михаилу Михайловичу Зощенко (1895—1958), который, не выдержав «второго тура» травли, организованной вокруг его имени в 1954 г., скончался 22 июля 1958 г. в Сестрорецке, где лечился в санатории. Похоронен на Сестрорецком кладбище, неподалеку от Финского залива. X. Памяти Анты — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы». (Библиотека поэ-

та), Л., 1976, с. 304. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). *Анта* — Антонина Михайловна Оранжиреева (1897—1960) — археолог, близкая подруга Ахматовой. XI. «И сердце то уже не отзовется...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения», М., 1958, с. 58, с датой — 1946 г., без посвящения. В сб. «Бег времени» с посвящением Н. П. и датой — 1956. В плане цикла «Венок мертвым» с датой — 1953, под № 11. Посвящено Николаю Николаевичу Пунину, умершему в августе 1953 года в Абези (Сев. отделение Минлага, под Воркутой).

Из стихотворений 30-х годов — впервые печатается как цикл; порядок и расположение стихов — по списку книги «Бег времени» (ГПБ). 1. Немного географии — сб. «Памяти Анны Ахматовой». Париж, 1974, с. 11. Печатается по журн. «Знамя», 1987, № 12, с. 134. Название «Немного географии», возможно, заимствовано Ахматовой из книги П. Н. Лукницкого «Путешествие по Памиру» (М., 1955) — так в этой книге названа одна из подглавок. *Атбасар* (Ахматова ошибочно писала «Акбасар») — город в Целиноградской (б. Акмолинской) области. *Первым поэтом* — Пушкиным, продолжателями традиций которого Ахматова считала себя и О. Мандельштама. Стихотворение посвящено О. Э. Мандельштаму, впоследствии погибшему в лагере. 2. «На стеклах нарастает лед...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 313, без даты. Дата по автографу (ЦГАЛИ) — 1945. 3. «Зачем вы отравили воду...» — сб. «Памяти Анны Ахматовой». Париж, 1974, с. 10. Печатается по журн. «Даугава», 1987, с. 124. 4. С армянского — журн. «РТ», 1966, № 13, с. 15, под заглавием «Подражание армянскому», с датой — 30-е годы. Уточняющее название «С армянского» дано Ахматовой в списке стихотворений, которые должны были войти в книгу «Бег времени» (ГПБ). Первые переводы Ахматовой с армянского опубликованы в 1936 году. Как источники стихотворения «С армянского» следует рассматривать «Четверостишие» Ов. Туманяна (1869—1923):

Мне во сне одной овцой
Задан был вопрос такой:
«Бог, дитя твоё храни,
Как на вкус был агнец мой?»

и средневековую армянскую басню из сборника Вардана Айгекци «Князь и вдова» (напечатана в пер. Г. Агасова в журнале «Звезда», 1937, № 3). Ахматова могла знать эту басню и четверостишие Туманяна в пересказе Мандельштама. 5. «Я знаю, с места не сдвинуться...» — сб. «Памяти Анны Ахматовой». Париж, 1974, с. 15, без даты, а также в сб.: Анна Ахматова. «Избранное». М., 1974, с. 453. Строка точек в начале стихотворения, по объяснению Ахматовой, заменяет забытую первую строфу. *Под тяжестью Виевых век* — здесь возможна отсылка не только к Гоголю, но и к строкам М. Кузмина «Наши глаза полны землёю, // Виевы веки с трудом поднимаются...» (сб. «Абраксас» Пг., 1922, с. 5). 6. «И вот, наперекор тому...» — сб. «Памяти Анны Ахматовой». Париж, 1974, с. 23. Печатается по журн. «Даугава», 1987, № 9, с. 125. Эпиграф — отредактированные Ахматовой строки из стихотворения Н. А. Заболоцкого «Ночной сад», из первоначального варианта этого стихотворения, напечатанного в журнале «Литературный современник», 1937, № 3:

И души лип вздымали кисти рук,
Все голосуя против преступлений.

7. «С Новым годом! С новым горем!» — сб. «Памяти Анны Ахматовой». Париж, 1974, с. 22. Печатается по журн. «Даугава»,

1987, № 9, с. 125. Стихотворение написано в январе 1940 года и, несомненно, является откликом на советско-финляндскую войну, которая началась 30 ноября 1939 г.

Черепки.— Цикл опубликован Л. К. Чуковской в журнале «Горизонт», 1988, № 4, с. 56—58, по подаренному ей Ахматовой автографу. Печатается в другой редакции — по автографам ГПБ, ЦГАЛИ. Эпиграф ко всему циклу — из романа Дж. Джойса «Улисс» (1922). Эпиграф к четвертому стихотворению цикла (ЦГАЛИ) — из стихотворения испанского поэта Леона Фелипе (1884—1969) «Дознание» (в пер. А. Гелескула), которое Ахматова очень высоко ценила.

Северные элегии — полностью печатается впервые, тексты сверены по автографам (ГПБ и ЦГАЛИ). Эпиграф ко всему циклу — первая строка стихотворения А. С. Пушкина. История создания цикла рассказана Ахматовой в «Предисловии» к «Седьмой элегии» (ЦГАЛИ): «Вскоре после окончания войны я написала два длинные стихотворения белыми стихами и окрестила их «Ленинградскими элегиями». Затем я присоединила к ним еще два стихотворения («Россия Достоевского», 1940—42 и «В том доме», 1921), дав им новые заглавия — «Предыстория» и «Первая Ленинградская». Остальные — их было задумано семь — жили во мне в разной степени готовности, особенно одно («Седьмая, или Последняя Ленинградская элегия») было додумано до конца, и, как всегда, что-то записано, что-то потеряно, что-то забыто, что-то вспомнено, когда вдруг оказалось, что я их любила за их единодушие, за полную готовность присудить меня к чему угодно». «Их будет семь — я так решила...» — вступительное четверостишие к циклу. Печатается по автографу (ГПБ). **Первая (Предыстория)** — «Ленинградский альманах», 1945, с. 209, с разночтениями. Конца «Предыстории», начиная со строки «И женщина с прозрачными глазами», в альманахе не было. Эпиграф — неточная цитата из «Домика в Коломне» А. С. Пушкина. *Еще не опозоренный модерном...* — В нач. XX в. по нечетной стороне Литейного проспекта было построено несколько домов в стиле «модерн». Они заслонили тыловую часть Шереметевского дворца от Литейного и от домов по четной стороне, где в 70-х гг. XIX в. жили Некрасов и Салтыков-Щедрин. *А в Оптиной мне больше не бывать...* — В Оптиной пустыни (б. Козельского уезда Калужской губ.) бывал Достоевский, живший в 1870-х годах в Старой Руссе. Факт пребывания Ахматовой в Оптиной пока нигде не зафиксирован. *Женщина... с редчайшим именем...* — мать Ахматовой Инна Эразмовна Горенко, урожд. Стогова (1852—1930). Омский каторжанин — Ф. М. Достоевский, творчество которого Ахматова считала пророческим и многое предопределившим в истории «настоящего, не календарного» двадцатого века. **Вторая (О десятих годах)** — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 54. **Третья** — альм. «День поэзии». М., 1973, с. 259. Печатается в более полной редакции по книге: Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой». Книга. 1. М., «Книга», 1989, с. 222—223. Эпиграф дан по автографу (ГПБ). **Четвертая** — журн. «Звезда», 1946, № 1, с. 71, под заглавием «Вроде монолога». Печатается по сб. «Бег времени», с. 444—445. *Пятнадцать лет...* — имеются в виду 1924—1938 годы, прожитые вместе с Н. Н. Пуниным в Фонтанном Доме. *Теперь моли, терзайся, называй // Морской царевной...* — «Морская царевна» — стихотворение М. Ю. Лермонтова, строку из которого («Будет он помнить про царскую дочь») Пунин якобы произнес при разрыве отношений с Ахматовой. (Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой», с. 153). **Пятая** — газ.

«Литературная Россия», 1964, 24 января, под заглавием «Из Ленинградских элегий». Печатается по рукописи «Нечет» (ГПБ). Эпиграф — из стих. Ф. И. Тютчева «Цицерон». Посвящено Нине Антоновне Ольшевской, близкой подруге Ахматовой, в семье которой она жила долгие годы. *А я один на свете город знаю...* — Ленинград. *Шестьмая* — альм. «День поэзии», М., 1956, с. 9. Печатается по автографу (ГПБ). Эпиграф — из стихотворения А. С. Пушкина «Три ключа». *Всё к лучшему...* — фраза, восходящая к повести Вольтера «Кандид», цитируется Радищевым в одном из его писем, написанных по-французски, которые переводила Ахматова в конце 40-х годов. Возможно, одновременно это и цитата из стих. Анненского «Одуванчики». Дата 1945 год вызывает сомнения, вполне возможно, что работу над этой элегией Ахматова продолжала и в более поздние годы. По некоторым сведениям, слова «*И не с кем плакать, не с кем вспоминать...*» относятся к памяти близкого друга Ахматовой М. Л. Лозинского, который умер в 1955 году. *Седьмая* — сб.: Анна Ахматова. «Я — голос ваш...». М., 1989, с. 297—298, под заглавием «Из седьмой северной элегии». «Седьмая» элегия, которую Ахматова называла также элегией «о моем молчании», или «Последняя речь подсудимой», сохранилась во множестве вариантов на страницах ее записных тетрадей (ЦГАЛИ). Однако все эти редакции и варианты носят черновой характер. В течение ряда лет (1958—1964) Ахматова безуспешно старалась восстановить эту элегию и так и не смогла этого сделать. Однако эта элегия благодаря исключительному значению, которое придавала ей Ахматова, по праву должна печататься в составе цикла.

Песенки — в сб.: Анна Ахматова. «Бег времени» (не полностью). В настоящем издании состав цикла восстановлен полностью по плану книги «Бег времени» (ГПБ). 1. *Дорожная, или Голос из темноты* — альм. «День поэзии», Л., 1964, с. 22. Печатается по автографу (ГПБ). 2. *Застольная* — Анна Ахматова. Сочинения. Т. 1. М., 1986, с. 237, без даты. Датируется по автографу (ГПБ). 3. *Любовная* — журн. «Новый мир», 1969, № 6, с. 245, без названия. Печатается по автографу (ГПБ). 4. *Лишняя* — журн. «Звезда», 1962, № 7, с. 94, без заглавия. Печатается по автографу (ГПБ). 5. *Прощальная* — журн. «Звезда», 1962, № 7, с. 94, без заглавия. Печатается по автографу (ГПБ). Черновой автограф (ЦГАЛИ) под заглавием «Скромная». 6. *Последняя* — альм. «День поэзии», Л., 1964, с. 23, без заглавия. Печатается по автографу (ГПБ).

Шиповник цветет. Цикл печатался не полностью в сб.: Анна Ахматова. «Бег времени». Восстановлен по авторским планам, сохранившимся в рабочих тетрадях Ахматовой (ЦГАЛИ и ГПБ). Эпиграф — из поэмы Д. Китса (1795—1821) «Изабелла», строфа XXXIX. «*Вместо праздничного поздравленья...*» — сб.: Анна Ахматова. «Бег времени», с. 382. Автограф — под загл.: «Посвящение цикла «Из сожженной тетради», с датой — 24 дек <абр>. 1959. Ленинград (ЦГАЛИ). 1. *Сожженная тетрадь* — журн. «Знамя», 1963, № 1, с. 144. Печатается по сб. «Бег времени», с. 382—383. 2. *На яву* — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1958, с. 57, в цикле из трех стихотворений, без заглавия, с общей датой — 1946. В этом стихотворении возникает тот же образ «Гостя из Будущего», что и в «Поэме без героя», вплоть до повтора строки: «*И сигары синий дымок*». В основу цикла «Шиповник цветет» легли две темы: разлуки — в 1946 году и «невстречи» через 10 лет — в 1956 году с Исайей Берлином. Стихи этого цикла навеяны воспоминаниями о встречах с ним в 1945—1946 годах и с ее отказом от

встречи во время приезда Берлина в Москву в 1956 году. 3. В о с н е — сб.: Анна А х м а т о в а. «Стихотворения». М., 1958, с. 57, без заглавия. В рукописи «Нечета» (ГПБ) дата — «1946. 15 февр<аля>», и зачеркнутое первое четверостишие:

Мы с тобою, друг мой, не разделим
То, что разделить велел нам Бог,
Мы с тобою скатерть не расстелем,
Не поставим на нее пирог.

4. «И увидел месяц лукавый...» — журн. «Литературная Грузия», 1967, № 5, с. 65. Печатается по автографу (ГПБ). 5. «Дорогою ценой и неожиданной...» — альм. «День поэзии». М., 1973, с. 260. 6. Первая песенка — сб.: Анна А х м а т о в а. «Стихотворения». М., 1958, с. 89, без заглавия. Печатается по автографу (ГПБ). 7. Другая песенка — журн. «Юность», 1964, № 4, с. 63. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), с уточненной датировкой. 8. Сон — журн. «Москва», 1959, № 7, с. 144, без заглавия. В автографе (ГПБ) поверх первоначального посвящения «Берлину» рукой Ахматовой крупно написано: «Никому». Печатается по рукописи «Бега времени» (ЦГАЛИ), где первоначальное заглавие «27 декабря 1940» заменено на «Сон»; дата: 1956. Москва — Старки (в другом варианте: 14 авг<уста> 1956. Старки — Москва). «Чакону» Баха в Старках играл для Ахматовой альтист Федор Серафимович Дружинин, муж младшей дочери хозяина «Старков» С. В. Шервинского — Екатерины Сергеевны. Рассказ Ф. С. Дружинина об этом эпизоде см.: «Литературная учеба», 1989, № 3, с. 163—166. По словам Дружинина, «Ахматова никогда не слышала этой музыки и ничего не знает о ней». Между тем «Чакону» играл для Ахматовой еще Артур Лурье в ее царскосельском доме в 1915 г.; он тогда разучивал ее для концертного исполнения. (См. прим. к «Третьему посвящению» к «Поэме без героя», стр. 455). 9. «По той дороге, где Донской...» — журн. «Москва», 1959, № 7, с. 144. Написано в Старках, под Коломной. По Коломенской дороге великий князь Дмитрий Донской вел русское войско на Куликово поле. 10. «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...» — журн. «Новый мир», 1960, № 1, с. 153, под заглавием «Воспоминание» с цензурной заменой слова «казненных» на «сожженных» в последней строке. Печатается по автографу (ГПБ). Хотя это стихотворение обращено непосредственно к И. Берлину, в нем, как и во многих стихах цикла, присутствуют реминисценции поэзии А. Блока. Для Ахматовой, по-видимому, было очень существенным стихотворение Блока «О, нет! не расколдуешь сердца ты...», написанное 15 декабря 1913 г., в тот же день что и наброски мадригала «Анне Ахматовой». Скрытые цитаты из этого стихотворения «проступают» во всем цикле Ахматовой. У Блока:

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг — очнешься: пусто; нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь — меня!
Как иступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!

11. В разбитом зеркале — газ. «Литература и жизнь», 1962, 26 октября, в подборке «Из цикла «Шиповник цветет», без строк 13—16. В сб. «Бег времени» напечатан подцензурный вариант строк 15—16:

И стал он медленной отравой
В моей загадочной судьбе.

Печатается по рукописи книги «Бег времени» (ЦГАЛИ). 12. «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...» — сб.: Анна А х м а т о в а.

«Стихотворения». М., 1958, с. 89, без строф 2 и 3, с датой — 1957. Печатается по рукописи книги «Бег времени» (ЦГАЛИ). Эпиграф — первая строка стихотворения И. Анненского. *Живу, как в чу- жом, мне приснившемся доме...* — В 1955 году Ахматовой была выде- лена небольшая литфондовская дача в Комарове, на территории, ранее принадлежавшей Финляндии (Суоми). 13. «Ты напрасно мне под ноги мечешь...» — сб. «Памяти Анны Ахматовой». Париж, 1974, с. 27. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Эпиграф — из «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина. *Не притронусь я дулом к виску...* — переключка со стихотворением В. И. Нарбута «Само- убийца»:

Обиду стерла кровь.
И ты, ты думаешь, по нем вздыхая,
что я приставлю дуло (я!) к виску?

14. «Не пугайся, — я еще похожей...» — газ. «Литература и жизнь», 1962, 26 октября, под заглавием «Говорит Дидона» (Сонет-эпиграф). Черновой автограф в рабочей тетради (ЦГАЛИ) с эпигра- фами: «Слова, чтоб тебя оскорбить» и «Аппа, soogo!». Первый эпиграф из стихотворения И. Ф. Анненского «Дальние руки». Ко второму эпиграфу помета на полях: (Найти эпиг<раф> из «Энеиды» в подл<иннике>); дата 21 сент<ября> 1960. Комарово — 1962, июль. К<омарово>; после строки 8 зачеркнуто:

Очень много в том костре сгорело,
Вероятно, «голос мой и тело»,
Вероятно, радость, память... честь.

«Аппа, soogo!» — «Анна, сестра!» (лат.). Эпиграф используется Ахма- товой в двойном значении: как обращение Дидоны к сестре Анне и — одновременно — как сочувственный привет из прошлого лирической героине стихотворения, реальный сюжет которого — разлука с Берли- ном. *Я тогда отделалась костром...* — т. е. «отделалась» постановле- нием 46 года. *Голос мой и тело* — одновременно автоцитата из стихо- творения «Умирая, томлюсь о бессмертье...» («А люди придут, зароят // Мое тело и голос мой») и парафраз из стихотворения Гумилева «Заблудившийся трамвай» («Где же теперь твой голос и тело?..») 15. Через много лет — журн. «Юность», 1964, № 4, с. 63, под заглавием «Эпиграф». Печатается по автографу (ГПБ). *Но от наших великолепий // Холодочка струится волна...* — Ахматова использовала здесь образное определение ее поэзии, данное в одном из лучших писем читателей, письме П. И. Лобасова: «...каким-то холодком несет от раненого чувства простоты» (См. подробнее в статье М. Кралина «Самое лучшее письмо» — «Нева», 1989, № 4, с. 204—205). 16. «И это станет для людей...» — сб. «Бег времени», с. 391.

Античная страничка. — Цикл печатался в сб. «Бег време- ни», с. 428—429. I. Смерть Софокла — журн. «Звезда», 1961, № 5, с. 146. Легенда приводится в «Жизнеописании» Софокла. Дати- руется по автографу (ЦГАЛИ). II. Александр у Фив — «Ли- тературная газета», 1962, 16 января, с подзаголовком: Дом поэта. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), с восстановлением пропущенной 7-й строки. Биографическая легенда гласит, что Александр Македон- ский, разорив в 335 г. до основания г. Фивы, оставил в неприкосно- венности лишь дом древнегреческого поэта Пиндара (ок. 518—442 или 438 до н. э.).

Тайны ремесла. Полностью цикл — в сб. «Бег времени», с. 293—299. Позднее стихотворение «О, как пряно дыханье гвозди- ки...» Ахматова в расширенной редакции перенесла в цикл «Венок мертвым». Отношение к поэзии как к «святому ремеслу» сложилось

у Ахматовой еще со времен начала ее поэтической работы в «Цехе поэтов». Не случайно к стихотворению «Поэт» первоначально был эпиграф из Каролины Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...»: «Моя напасть, мое богатство, // Мое святое ремесло...» 1. Творчество — сб.: Анна Ахматова. «Из шести книг», с. 31, без заглавия. Печатается по автографу (ЦГАЛИ), где есть точная дата. *Что слышно, как в лесу растет трава...* — Возможно, цитата из «Фрегата «Паллада» И. А. Гончарова. 2. «Мне ни к чему одические рати...» — журн. «Звезда», 1940, № 3—4, с. 75. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). *Не так, как у людей...* — В примечаниях Н. Я. Мандельштам на полях 1 тома Собр. соч. Ахматовой по поводу этой строки записано: «Не было скатерти, я постелила простыню. О. М. сказал: «Ведь придет А. А.» — «Ничего, она любит, когда не как у людей». Это было в 1926 году. С тех пор стало у нас поговоркой» (Книга с пометами Н. Я. Мандельштам находится в собрании В. С. Муравьева). *Таинственная плесень на стене...* — В статье «Детский рай» Артур Лурье вспоминал: «В большом старинном доме на Фонтанке (имеется в виду дом на Фонтанке, 2, где Ахматова жила в нач. 20-х годов. — М. К.) вблизи Летнего сада, из окна, выходящего во двор, на соседней глухой стене в сажень толщиной проступала леонардовская плесень; вглядевшись в нее, можно было отчетливо видеть силуэт в цилиндре и плаще, куда-то бегущий. О. А. Глебова-Судейкина говорила, смотря на эту тень: «Вот опять маленький Нерваль бежит по Парижу». В письме от 12 марта 1963 г. переводчик С. Г. Вейнберг писал Ахматовой из Тель-Авива: «Лет четыреста тому назад Леонардо да Винчи писал: «Советую поглядеть на стены, запятнанные водой и плесенью, и вы сможете узреть там божественные виды с горами, лесами, долинами и потом вы увидите там битвы и тела и лица в громадном разнообразии». А в 1940 г. Анна Ахматова написала: «Таинственная плесень на стене...» и вот — замкнулось кольцо золотое» (ГПБ, ф. 1073, ед. хр. 1921). *На радость вам и мне...* — По словам Л. К. Чуковской, в первоначальной редакции стихотворение заканчивалось иначе: «На радость вам и на мученье мне». 3. Муза — «Литературная газета», 1960, 29 октября, в подборке «Из новой книги». 4. Поэт — журн. «Новый мир», 1960, № 1, с. 151, в подборке «Новые стихи», без заглавия. 5. Читатель — журн. «Наш современник», 1966, № 3, с. 179, без 4-й строфы. Печатается по автографу (ГПБ) с исправлением цензурного варианта «холодное пламя». *Лайм-лайт* — свет ramпы (англ.). *Всю жизнь промолчавший подряд...* — здесь имеется в виду конкретное лицо, один из самых преданных ахматовских читателей, Михаил Дмитриевич Пискулин, всю жизнь собиравший материал о ее творчестве и признавшийся в этом только в 1958 году, во время встречи с Ахматовой в Комарове, незадолго до своей смерти (умер в 1958 году). 6. Последнее стихотворение — журн. «Нева», 1960, № 3, с. 55. 7. Эпиграмма — «Литературная газета», 1960, 29 октября. В плане книги «Нечет» (ГПБ) — другая дата: 1957. Лето. Электричка. 8. Про стихи Нарбута — журн. «Наш современник», № 3, с. 179, под заглавием «Про стихи», без посвящения. Автограф в «Черновой тетради» (ЦГАЛИ) с зачеркнутым посвящением: Н. И. Х. <арджиеву>, и датой — 1940, апрель. Москва. В рукописи книги «Бег времени» (ЦГАЛИ) два варианта заглавия: «Про стихи. Памяти Вл. Нарбута» и «Про стихи Нарбута», с посв. Н. Х. Друг Ахматовой Николай Иванович Харджиев в 1940 году познакомил ее с некоторыми, прежде ей неизвестными, стихами Владимира Ивановича Нарбута (1888—1938), ее старого соратника по «Цеху поэтов», погибшего в сталинском лагере. Ахматова была поражена этими сти-

хами (сбылось предсказание Н. С. Гумилева, который считал Ахматову и Нарбута самыми талантливыми поэтами «Цеха») 9. «Много еще, наверно, хочет...» — журн. «Ленинград», 1944, № 10—11, с. 8, под заглавием (по первой строке) «Я в долгу у многого, что хочет...» Возможно, что первую строку Ахматова изменила из-за ее сходства со строкой из стихотворения Маяковского «Я в долгу перед Бродвейской лампией...». Печатается по автографу (ГПБ).

Стихи последних лет.— В эту подборку включены не только стихотворения, входящие в авторский список сборника «Бег времени», но и отдельные стихотворения, которые, на наш взгляд, Ахматова могла бы, но не успела включить в свою последнюю книгу.

Царскосельская ода — журн. «Новый мир», 1963, № 1, с. 65, без эпиграфа. Эпиграф — в сб. «Бег времени», с. 433, из стихотворения Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай». В рукописи книги «Бег времени» (ЦГАЛИ) есть еще один эпиграф, иронический: «Ты поэт местного, царскосельского значения. Н. П<унин>. А тому переулку...— В начале 1900-х годов семья Горенко жила в Царском Селе в доме купчихи Шухардиной на углу Широкой ул. и Безымянного переулка. Тёмник — народное прозвание города Темникова в Мордовской АССР, вблизи которого находились сталинские лагеря.

Городу Пушкина.— Цикл печатался в сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1958, с. 65. 1. «О, горе мне! Они тебя сожгли...» — журн. «Звезда», 1946, № 1, с. 72, в подборке «Стихи разных лет», в редакции, которую Ахматова впоследствии значительно изменила:

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.
Там был фонтан, зеленые скамейки,
Громада парка царского вдали.
На масляной — блины, ухабы, вейки,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

Печатается по сб. «Бег времени», с. 415—416, с датами, уточненными по автографам (ЦГАЛИ и ГПБ). Эпиграф — из стихотворения А. С. Пушкина «Чаадаеву» (1821). Вейки — финские извозчики в Царском. 2. «Этой ивы листья в девятнадцатом веке увяли...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1958, с. 65. Печатается по сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы». (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 254. В «Черной тетради» (ЦГАЛИ) автограф под названием «Царскосельская элегия» с эпиграфом: «Сады прекрасные, под сумрак ваш священный // Вхожу с поникшею главой» — из стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (1829) и с вариантом последней строки: «Очертанья земные прекрасных загробных садов».

Рисунок на книге стихов — журн. «Наш современник», 1960, № 3, с. 178, под заглавием «Портрет автора в молодости». Печатается по сб. «Бег времени», с. 424, с уточнением даты по автографу (ЦГАЛИ). В этом автографе стихотворение имеет название «В старом зеркале, или Надпись на книге «Вечер». 1912».

Приморский сонет — газ. «Литература и жизнь», 1959, 5 апреля, под заглавием «Летний сонет». Автограф в «Черной тетради» (ЦГАЛИ) под заглавием «Последний сонет».

Музыка — газ. «Литература и жизнь», 1959, 5 апреля, в более поздней, подцензурной редакции:

В ней что-то чудотворное горит,
И вся она немислимо лучится,
Она сама со мною говорит
И утешать мне душу не боится.

Открыты широко ее глаза,
И грозен за плечами блеск воскрылий...
И это все — как первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.

Первоначальная редакция стихотворения, восстановленная Ахматовой в сб. «Бег времени» (с. 409), впервые была напечатана в статье Льва Озерова «Тайны ремесла», в его книге «Работа поэта» (М., 1963, с. 183). Посвящено Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу (1906—1975), творчество которого Ахматова ценила чрезвычайно высоко.

Слушая пение — журн. «Новый мир», 1969, № 5, с. 57. В автографе (ЦГАЛИ) записано: «Вчера вечером слушала бразильскую бахиану. Пела Вишневская. Я что-то сочиняла, но в темноте не могла запомнить и забыла, кажется». «Бразильская бахиана» — сочинение композитора Э. Вила-Лобоса, написанное в манере XVIII века.

Отрывок — журн. «Новый мир», 1960, № 1, с. 152. В автографе (ГПБ) запись: «Москва. Набережная. 21 июня 1959. Троица (Шуман, «Юмореска», играет Святослав Рихтер)».

Без даты — сб. «Бег времени», с. 394, без заглавия. Автограф (ГПБ) под заглавием «Без даты», с датой — 13 янв <аря> 1945. Обращено к Владимиру Георгиевичу Гаршину, написано после окончательного разрыва, который произошел в 1944 году, вскоре после возвращения Ахматовой в Ленинград.

«Опять подошли «незабвенные даты»...» — журн. «Знамя», 1963, № 1, с. 143, в сокращенной редакции. Печатается по автографу (ГПБ). Это стихотворение Ахматова, видимо, хотела объединить со следующим «Летний сад» в единый цикл «Белые ночи», но впоследствии отказалась от этого замысла. *А в Мраморном крайнее пусто окно...* — В 1919—1920 годах Ахматова вместе с мужем, Владимиром Казимировичем Шилейко, к которому обращено это стихотворение, жила в Петрограде, в служебном корпусе Мраморного дворца.

Летний сад — журн. «Новый мир», 1960, № 1, с. 52, с подзаголовком: Из цикла «Белые ночи». *А я их под невскою помню водой...* — Во время наводнения 1924 г. Ахматова жила в доме на наб. Фонтанки, 2, напротив Летнего сада. Гранитная ваза (точнее, порфирная) стоит перед прудом у входа в Летний со стороны Михайловского сада; Летний дворец Петра I находится в противоположной стороне сада.

«Не страшай меня грозной судьбой...» — журн. «Новый мир», 1960, № 1, с. 151. Автограф (ЦГАЛИ) под заглавием: «Из Московской тетради. II».

Из цикла «Ташкентские страницы» — журн. «Нева», 1960, № 3, с. 55, под заглавием «Из восточной тетради», без строк 9—12. Черновые автографы (ЦГАЛИ) под заглавием «Из восточной тетради» с эпиграфом: «...я сошел с ума... (Из застольного тоста)». Печатается по сб. «Бег времени», с. 420—421. Первоначально стихотворение было обращено к композитору А. К. Козловскому. Упоминание о «Варшаве» указывает на возможное перепосвящение стихотворения графу Юзефу Чапскому, с которым Ахматова встречалась так же, как и с Козловским, в дни ее ташкентского «изгнания».

Мартовская элегия — журн. «Москва», 1960, № 7, с. 148.

Эхо — журн. «Знамя», 1963, № 1, с. 144. Печатается по автографу (ЦГАЛИ).

Три стихотворения. — Впервые цикл, посвященный Александру Блоку, напечатан в сб.: А. Ахматова. «Стихотворения». М., 1961, с. 230—231. 1. «Пора забыть верблюжий этот гам...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1958,

с. 59, под заглавием «Отрывок из дружеского послания», с посвящением Н. И. Игнатовой, впоследствии снятом. *На улице Жуковской*, в доме № 54, Ахматова жила в Ташкенте. *Рогачевское шоссе* проходит недалеко от Шахматова, имения Блока в Подмосковье. Наталья Ильинична Игнатова (ум. 1957) часто сопровождала Ахматову в ее подмосковных поездках. 2. «И в памяти черной, пошарив, найдешь...» — «Литературная газета», 1960, 29 октября. Автограф (ЦГАЛИ) с датой — 9 сентября, 1960. Комарово; с черновым вариантом пятой строки: «Убитый Распутин. А там между строк...» 3. «Он прав — опять фонарь, аптека...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения». М., 1958, с. 60, под заглавием «Памяти Александра Блока». Датируется по плану книги «Нечет» (ГПБ).

Из «Черных песен». — При жизни Ахматовой печаталось только стихотворение «Всем обещаньям вопреки...». Цикл печатается по рукописи книги «Бег времени» (ЦГАЛИ). Эпиграф — из стихотворения И. Анненского «Дальние руки». I. «Прав, что не взял меня с собой...» — альм. «День поэзии». М., 1971, с. 156. II. «Всем обещаньям вопреки...» — сб. «Бег времени», с. 440. Об этом стихотворении Борис Васильевич Анреп, которому адресован цикл, писал 14 мая 1967 г. В. А. Знаменской: «Одно из последних не совсем соответствует правде (далее в письме следует текст стихотворения. — М. К.). Об этом стихотворении я узнал только в 1966 году, оно меня глубоко взволновало. Перстень — да, мой дух (фотография в краске. I. X. Сог Сагит, послал после лет молчания) — да, манил в Париж — да». (ГПБ, ф. 1088, архив В. А. Знаменской). Он женщиною был... — В этом же письме Анреп пишет о своем отношении к Ахматовой: «Полное отсутствие каких-либо желаний телесной близости с моей стороны сохраняло мои чувства к А. А. на особом плане, отчасти литературном». Последний раз А. Ахматова и Б. В. Анреп увиделись в Париже в 1965 году, после 48-летней разлуки. (См. об этом в мемуарах Б. Анрепа «О черном кольце».)

Петербург в 1913 году — журн. «Новый мир», 1963, № 1, с. 89. Автограф (ЦГАЛИ) под заглавием «Лирическое отступление» с датой — 1961. Ордынка. Январь. *Горячее Поле* — пустырь за Невской заставой, в прошлом место мусорной свалки, приют петербургских бродяг, после революции — место расстрела большевиками всех «контрреволюционных элементов» города.

Родная земля — журн. «Новый мир», 1963, № 1, с. 64. Печатается по автографу (ГПБ). Эпиграф — из стихотворения Ахматовой: «Не с теми я, кто бросил землю...» (первая ред.) (См. наст. том, с. 147). *Да, для нас это грязь на калошах...* — это выражение отсылает читателя к очерку Г. И. Успенского (1843—1902) «Власть земли»: «Земля, о неограниченной, могущественной власти которой над народом идет речь, есть не какая-нибудь аллегорическая или отвлеченная, иносказательная земля, а именно та самая земля, которую вы принесли с улицы на своих калошах в виде грязи, та самая, которая лежит в горшках ваших цветов, черная, сырая, — словом, земля самая обыкновенная, натуральная земля. Могущество этой персти, «праха» с глубочайшей силой и простотой указано еще в стариннейшей былинке о Святогоре-богатыре». Глеб Успенский как бы подключается Ахматовой к ее глубочайшим раздумьям о сущности народной жизни, звучащим в этом своего рода духовном завещании поэта.

«Вот она, плодоносная осень!..» — газ. «Литература и жизнь», 1962, 26 октября. Печатается по автографу (ГПБ).

При непосылке поэмы — журн. «Новый мир», 1964, № 6, с. 173. Обращено, по-видимому, к А. Лурье.

Трилистник московский — журн. «Огонек», 1964, № 10, с. 4. 1. Почти в альбом. — Печатается по сб. «Бег времени», с. 400. Автограф (ЦГАЛИ) с пометой: Без даты (окончено) 5 августа 1961. Комарово; 18 июля 1961. Ордынка). Полоска неба будет твердо-алой... — перекликается со строками Анненского из стихотворения «В вагоне»: «Гори полоской той зари, // Вокруг которой все застыло». Эта перекличка как бы подтверждает, что форму «Трилистника» (единственный раз в ее творчестве) Ахматова заимствовала у Анненского. Именно трилистники, как особая форма малого поэтического цикла, составляют большую часть лучшего сборника стихов Анненского «Кипарисовый ларец». *Притин* — предел движения (Даль). 2. Без названия. — Печатается по сб. «Бег времени», с. 400, с восстановлением 5-й строки по автографу и первой публикации. Автограф (ЦГАЛИ) с датой — 12 декабря 1963. 3. Еще то ст. — Печатается по автографу (ЦГАЛИ). В «Огоньке» и в сб. «Бег времени» печатался подцензурный вариант этого стихотворения. Приводим этот текст по первоначальной публикации:

За веру твою! И за верность мою!
За то, что с тобою мы в этом краю!
Пускай навсегда заколдованы мы,
Но не было в мире прекрасней зимы,
И не было в небе узорней крестов,
Воздушной цепочек, длиннее мостов...
За то, что все плыло, беззвучно скользя.
За то, что нам видеть друг друга нельзя.
За то, что мне снится еще и теперь,
Хоть прочно туда заколочена дверь.

Пятая роза — «Литературная газета», 1971, 15 сентября. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Посвящено Дмитрию Васильевичу Бобышеву (р. 1936), поэту, подарившему Ахматовой букет из 5 роз. Ахматова говорила: «Пятая творила чудеса, чуть ли не летая по комнате». Ахматовой нравились строки о ней, написанные Бобышевым — «Бог — это Бах, а царь под ним Моцарт, // А Вам улыбкой ангельской мерцать...», и она хотела, чтобы он вписал их в «Черную книгу» как эпиграф к «Пятой розе». Однако Бобышев вместо этого двустихия вписал строфу о птице-цветке, которая не удовлетворила Ахматову:

Но вынула она запястье, кисть,
А в пальцах — шевелящаяся роза,
Где лепестки и крылья, клюв и лист —
Всё белое, всё — взмахи альбатроса.

Стихотворение должно было войти в цикл «Три розы».

Последняя роза — журн. «Новый мир», 1963, № 1, с. 64. Обращено к И. А. Бродскому. Эпиграф — из стихотворения И. А. Бродского «А. А. Ахматовой» («Закричат и захлопочут петухи...»). Печатается по машинописи с авторской правкой (ЦГАЛИ).

«Ты, верно, чей-то муж и ты любовник чей-то...» — журн. «Юность», 1971, № 12, с. 64. Обращено к А. Г. Найману. Должно было войти в задуманный Ахматовой цикл «Три розы». Печатается по автографу (ЦГАЛИ). В записной книжке № 110, с. 62 сохранилось недоработанное четверостишие, по-видимому, окончание этого стихотворения:

И все недолжное вокруг меня клубится
И, кажется, теперь должно меня убить,
То плещет крыльями, то словно сердце бьется,
Но кровь вчерашнюю уже не может смыть.

Полночные стихи — альм. «День поэзии». М., 1964, с. 61, без 3-го стихотворения и без стихотворения «Вместо послесловия». Полностью напечатан в сб. «Бег времени». В архивах Ахматовой (ГПБ и ЦГАЛИ) сохранилось несколько рукописных и машинописных редакций этого цикла под разными названиями («В разбитом зеркале», «Мнимый сон» и др., но по содержанию все эти редакции почти идентичны). Эпиграф к циклу — из «Поэмы без героя» — см. наст. том, с. 337. Место посвящения — «Литературная газета», 1963, 5 октября. 1. Предвесенняя элегия — «Литературная газета», 1963, 5 октября. Эпиграф, несколько измененный Ахматовой, — из сонета французского поэта Жерара де Нерваля (1808—1855) «El Desdichado» («Отверженный» — исп.). В подлиннике: «Ты, которая меня утешала». 2. Первое предупреждение — журн. «Звезда», 1964, № 3, с. 47. *И меньше всего благодать...* — Имя Анна по-древнееврейски значит «благодать». 3. В З а з е р к а л ь е — сб. «Бег времени», с. 404. Автограф (ЦГАЛИ) под заглавием «Нечто музыкальное», с датой 4—5 июля 1963. Комарово; после 8-й строки следует:

А помнишь, были мы людьми
Еще вчера, еще недавно...
Подумать только, как бесславно
Во что-то превратились мы.

Эпиграф — из оды Горация (кн. 3, ода 26) — обращение к богине любви Венере. 4. Т р и н а д ц а т ь с т р о ч е к — «Литературная газета», 1963, 5 октября. В письме к С. Н. Андрониковой А. С. Лурье писал: «Стихи Анны, присланные Вами, являются ответом ее на мое письмо к ней <...> Письмо к Анне отправлено 25 марта. А в августе я написал в Москву, чтобы узнали, дошло ли письмо к ней. Вот почему «март — август». У нее никогда ничего не бывает сказано зря. Мне было трудно писать ей после сорока лет молчания. Как писать, что можно и чего нельзя говорить в условиях, в которых она там живет? Для меня это была невероятная трудность. Я написал ей так, как если бы не было этих сорока лет молчания. Поэтому она и говорит: «И наконец ты слово произнес...» (письмо от 22.X.1963 г. Сообщено составителю С. Н. Андрониковой). О связи этого стихотворения с образом Артура Лурье говорит и то, что оно перекликается со стихотворением «Еще весна таинственная млела...», написанным в 1917 и адресованном, по некоторым сведениям, А. Лурье. Это стихотворение (наст. том, стр. 118—119) заканчивается так:

Ты не со мной, но это не разлука:
Мне каждый миг — торжественная весть.
Я знаю, что в тебе такая мука,
Что ты не можешь слова произнести.

Не так, как те... что на одно колено — ср. запись Ахматовой (ЦГАЛИ): «Некто Ч. (граф Юзеф Чапский.— М. К.) в Ташкенте становится на одно колено, целует руки и говорит: Вы — последний поэт Европы (1942 г.)». 5. З о в — альм. «День поэзии». М., 1964, с. 61. Печатается по рукописи книги «Бег времени» (ЦГАЛИ). 6. Н о ч н о е п о с е щ е н и е — журн. «Звезда», 1964, № 3, с. 47. Эпиграф — первая строка стихотворения Ахматовой (наст. том, стр. 246). 7. И п о с л е д н е е — «Литературная газета», 1963, 5 октября. Автограф (ЦГАЛИ) под заглавием «Простые рифмы», с датой — 23 июля 1963 (Утро. Комарово). Место послесловия — сб. «Бег времени», с. 47. Печатается по рукописи книги «Бег времени» (ЦГАЛИ).

Через 23 года — сб. Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 307—308. *Я гашу те за-*

ветные свечи...— строка перекликается с зачином первой части «Поэмы без героя» — «Я зажгла заветные свечи...», написанным 23 года назад, в 1940 году. В 1963 году Ахматова считала, что наконец закончила работу над «Поэмой», но это было очередным творческим самообманом — работа над поэмой продолжалась до конца жизни поэта.

«Все в Москве пропитано стихами...» — журн. «Юность», 1971, № 12, с. 64.

Памяти В. С. Срезневской — журн. «Новый мир», 1965, № 1, с. 88. Стихотворение написано в день смерти Валерии Сергеевны Срезневской — близкой подруги Ахматовой.

В Выборге — журн. «Новый мир», 1965, № 1, с. 88. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Стихотворение посвящено Ольге Александровне Ладыженской (р. 1922), математику, члену-корреспонденту АН СССР. Ахматова ездила в Выборг в конце лета 1964 г. из Комарова. *Безмолвна песня, музыка нема...* — явная перекличка с «Канцоной» Н. Гумилева (1917), начало которой звучит так: «Лучшая музыка в мире — нема!»

«Земля хотя и не родная...» — журн. «Новый мир», 1965, № 1, с. 88, под заглавием «В пути». Печатается по автографу в рукописи книги «Бег времени» (ЦГАЛИ).

«Не мудрено, что похоронным звоном...» — «Литературная газета», 1964, 25 июня. В этой прижизненной публикации первое четверостишие печаталось в смягченном для цензуры виде:

Не мудрено, что не веселым звоном
Звучит порой мой непокорный стих
И что грущу. Уже за Флегетоном
Три четверти читателей моих.

Печатается по автографу (ЦГАЛИ). В другом автографе (ЦГАЛИ) после первого четверостишия зачеркнуто еще 8 строк:

И те, с кем я пила вино в подвале,
Нарядные соперницы, враги,
И те, кто мне стихи свои читали,
Умолкли голоса их и шаги,
И те, с кем я, делясь недобрым хлебом,
Беседы в годы черные вела,
И те, с кем под Азийским звездным небом
Возврата в город мой родной ждала.

Ахерон (Ахеронт) — в греческой мифологии река в подземном царстве мертвых. *В подвале* — имеется в виду кабаре «Бродячая собака».

Из четверостиший.— Цикл составлен из четверостиший последних лет, которые Ахматова не успела включить в книгу «Бег времени». «Когда я называю по привычке...» — журн. «Новый мир», 1969, № 6, с. 243. «И осталось из всего земного...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 67. «От странной лирики, где каждый шаг — секрет...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 67. «Не повторяй — душа твоя богата...» — журн. «Юность», 1969, № 6, с. 67. По-видимому, должно было войти в «Тайны ремесла», но в окончательный состав цикла не было включено. Возможно, что важнейшая для всей поэтики Ахматовой мысль о «цитатности» поэзии сама носит характер цитаты; см., например, у Р. Эмерсона в книге «Избранники человечества» (М., 1912, с. 70): «Восхваляя Платона, мы словно восхваляем цитаты из Солона, Софокла и Филолая. Пусть так. Ведь каждая книга — цитата; каждый дом цитата из лесов, копей и каменоломен; каждый человек цитата из своих предков. Так и этот ненасытный изобретатель собирает дань со всех народов». «Мы не встречаться больше научи-

л и с ь...» — журн. «Звезда», 1969, № 8, с. 164. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). «Любовь всех раньше станет смертным прахом...» — сб.: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы (Библиотека поэта). Л. 1976, с. 317. «И яростным вином блудодеянья...» — сб.: Анна Ахматова. Стихотворения и поэмы. (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 319. Первая строка — парафраз текста из Апокалипсиса (XIV, 8): «И другой Ангел следовал за ним, говоря: пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы». «А я иду, где ничего не надо...» — журн. «Звезда», 1969, № 8, с. 164. Из «Дневника путешествия» — журн. «Юность», 1971, № 12, с. 64. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Написано перед поездкой в Италию, в связи с известием о присуждении Ахматовой международной поэтической премии Этна-Таормина. «Не в таинственную беседку...» — «Ленинградская правда», 1989, 29 января. Печатается по автографу (ЦГАЛИ). Обращено к И. Берлину. «А как музыка зазвучала...» — журн. «Новый мир», 1969, № 6, с. 243. Печатается по автографу (ЦГАЛИ).

«Кого когда-то называли люди...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 411 (напечатано, вероятно, по цензурным причинам, в составе «других редакций и вариантов»). При жизни Ахматовой было напечатано только заключительное четверостишие («Новый мир», 1963, № 1, с. 65). Между тем она придавала этому стихотворению исключительное значение в качестве «последнего слова», философского вывода ее поэтики. Не случайно в списке стихотворений (ГПБ), которые должны были, по первоначальному плану, составить последнюю книгу Ахматовой «Бег времени», это стихотворение снабжено специальной пометкой: «после всего». Сохранилось несколько автографов, разнящихся между собой в основном эпитетом перед словом «роз». В издании «Библиотеки поэта» напечатано: «бессмертных роз». Вероятно, это первоначальный вариант; в дальнейшем, вспоминая это стихотворение, Ахматова называла розы «блаженными» (так запомнила Л. К. Чуковская), «священными». Стихотворение печатается по автографу (ГПБ), где употреблен именно этот эпитет.

Поэма без героя.— Печаталась в отрывках в разных изданиях, начиная с 1944 года. Наиболее полная прижизненная публикация первой части в редакции 1962 г.— сб. «Бег времени», с. 309—335. Все три части — в сб.: Анна Ахматова. «Избранное». М., 1974, с. 413—440. В издании «Библиотеки поэта» (1976) В. М. Жирмунский напечатал Поэму по авторизованной копии 1963 года, подаренной ему автором, и, кроме того, впервые напечатал первую, «ташкентскую» редакцию Поэмы (в разделе «Другие редакции и варианты», с. 431—442), а также «Строфы, не вошедшие в текст «Поэмы без героя» (с. 379—380). «Проза о Поэме» была напечатана в сб.: Анна Ахматова. «Сочинения», т. 2, М., 1986, с. 221—235. Эти публикации взяты за основу при подготовке настоящего издания. Здесь, поскольку не существует канонического текста, впервые предпринимается попытка объединения двух редакций Поэмы, строф, не вошедших в основной текст, и «Прозы о поэме» как единого художественного комплекса.

Первая редакция (1940—1942).— Первая, так называемая «ташкентская» редакция «Поэмы без героя» печатается по нескольким авторизованным спискам, находящимся в ЦГАЛИ, ГПБ и в частных собраниях. Они дополняют и уточняют друг друга. В основу публикации положен экземпляр Поэмы, хранящийся в архиве М. Л. Лозин-

ского (Ленинград). Это машинопись, с пометой М. Л. Лозинского: «Подарено М. С. Шервинской. Москва. 14.II.1944 г.». При подготовке текста учтены разночтения по списку Поэмы, хранящемуся в собрании В. П. Михайлова (Ленинград) — друга, ученика и биографа В. Г. Гаршина. На этом машинописном экземпляре есть правка рукой Ахматовой, посвящение в правом верхнем углу первой страницы — «В. Г. Г.», то есть Владимиру Георгиевичу Гаршину, и запись карандашом рукой Ахматовой в правом нижнем углу той же страницы: «Читала 2 июня 1944 в Ленинграде». Учтен также «гаршинский» экземпляр Поэмы, хранящийся в собрании О. И. Рыбаковой (Ленинград).

С самого начала «Поэма без героя» задумывалась как трехчастная композиция (заглавие «Триптих» было конкурирующим с основным заглавием поэмы). Название «триптиха» — «Поэма без героя» — могло быть подсказано Ахматовой строкой из стихотворения Н. Гумилева «Современность»: «Может быть, мне совсем и не надо героя...» С именем Гумилева связана так называемая «Линия отсутствующего героя» в Поэме. «Того, кого так тщательно искала сталинская охранка, в Поэме действительно нет, но многое в ней основано на его отсутствии», — писала Ахматова. Эпиграф — афоризм из «Максимов» французского писателя Франсуа де Ларошфуко (1613—1680). В м е с т о п р е д и с л о в и я. — Печатается по машинописному списку (архив М. Л. Лозинского). Эпиграф — из стихотворения американского поэта Эдгара Аллана По (1809—1849) «Ворон». *Поэму я посвящаю памяти ее первых слушателей...* — Впервые Ахматова читала Поэму «на публику» в январе 1941 года в Красной гостиной Ленинградского Союза писателей. Часть первая. Тысяча девятьсот тринадцатый год. Эпиграф — из либретто Л. Да Понте к опере Моцарта «Дон-Жуан». Второй эпиграф — из стихотворения Ахматовой «Тот голос, с тишиной великой споря...» (наст. том, стр. 97). П о с в я щ е н и е. — В первой редакции Поэмы посвящение без указания его конкретного адресата. Правомерно поставить вопрос о том, что «Посвящение» было обращено к А. С. Пушкину. Работая над черновиками поэта, Ахматова не могла не обратить внимание на черновые редакции элегии «Погасло дневное светило...» (в так называемой «тетради Капниста»), имеющей название «Черное море», эпиграф из Байрона, использованный Ахматовой для цикла «Смерть», и строку, от которой ритмически да и по смыслу могло отталкиваться ахматовское «Посвящение»: «Глубоких сердца ран ничто не излечило...» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 2, изд. АН СССР, 1949, с. 628). Глава I. Эпиграф из поэмы Д. Н. Г. Байрона (1788—1824) «Дон-Жуан» (Ахматова знала эту поэму в подлиннике). *В колдунах, звездочетах, лизисках.* — см. наст. том, стр. 345, 7 примечание редактора. В Сатире VI римского поэта-сатирика Ювенала (ок. 60 — ок. 127) гневно обличаются похождения императрицы Мессалины, посещавшей притоны под именем Лициски (в ахматовской транскрипции — Лизиски). Глава II. Эпиграф — из стихотворения Е. А. Баратынского «Всегда и в пурпуре и в злате...». *Если бы не такая ночь, // Когда нужно платить по счету...* — В этих строках ощущается явная (и полемическая) переключка со словами Воланда из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Сегодня такая ночь, когда сводятся счета...» По-видимому, Ахматова познакомилась с романом Булгакова в Ташкенте, когда встретила там с вдовой писателя — Еленой Сергеевной. Об этом косвенно свидетельствует запись Ахматовой в тетради «Лермонтов»: «5 ноября <1965>. Читала у Ел<ены> Сер<геевны> «Мастера и Марга-

риту». Вспомнила Ташкент» (ЦГАЛИ, ед. хр. 114, с. 172). *Вижу танец придворных костей* — ср. в стихотворении поэта-декабриста А. И. Одоевского «Бал»: «Плясало сборище костей». Глава III. Эпиграф — из стихотворения В. Хлебникова «Где волк воскликнул кровью...», вошедшего в поэму «Война в мышеловке». *Не глядевших на казнь очей.* — В более поздних редакциях Ахматова изменила эту строку, чтобы у читателей не возникало ассоциаций с казнью Н. С. Гумилева, к которому эти строки не имеют отношения. Эти строки обращены к Н. В. Недоброву. Часть вторая. Решка. — Значение названия неоднозначно. Возможно, в какой-то степени оно подсказано строками из предсмертного монолога Гондлы — героя одноименной трагедии Н. Гумилева:

Вот оно. Я вином благодати
Опьянился и к смерти готов,
Я монета, которой Создатель
Покупает спасенье волков.

Эпиграф — из «Домика в Коломне» А. С. Пушкина, строфа XII. *Мой редактор мной недоволен* — имеется в виду Владимир Николаевич Орлов (1908—1985), литературовед, редактор книги Ахматовой «Стихотворения». М.—Л., Гослитиздат, 1946, весь тираж которой был уничтожен цензурой. «Поэма без героя» в эту книгу включена не была. *И во сне мне казалось, что это // Я пишу для кого-то либретто.* — В 1920—1921 годах А. Ахматова писала либретто к балету А. С. Лурье «Снежная маска» (по лирическому циклу Ал. Блока). Текст либретто до нас не дошел, но в некоторых редакциях Поэмы существует вариант строки: «Я пишу для Артура либретто». С другой стороны, и саму «Поэму без героя» Ахматова рассматривает как возможное либретто к еще не существующей музыке Лурье (в 1959 году он действительно напишет «Заклинания» к «Поэме без героя»). *И цыганочка лижет кровь* — в подлиннике цитата звучит так:

«Девушка, смеясь, с полосы кремневой
Узким язычком слизывает кровь».

(Н. Гумилев. «У цыган», сб. «Огненный столп»).

Расстояние как от Луги // до страны атласных баут. — Зоя Борисовна Томашевская помнит другой вариант, однажды читанный Ахматовой в семье Томашевских: «Расстояние как от Луги // До сионских горних высот» — явная переключка со стихотворением А. С. Пушкина «Напрасно я бегу к сионским высотам...» (1836). *Так и знай — обвинят в плагиате.* — На полях рукописи, напротив этой строфы, рукой Ахматовой карандашом написано: «Форель разбивает лед» (Собрание О. И. Рыбаковой). Под «плагиатом» Ахматова имела в виду заимствование ритмического рисунка (с некоторыми вариациями) строфы Поэмы из «Второго удара» поэмы М. А. Кузмина «Форель разбивает лед». В широком смысле «плагиат» — своего рода творческий прием Ахматовой; при создании Поэмы она, обычно без ссылок на источники, вводит в текст множество полускрытых цитат из самых разных авторов, независимо от степени их известности, не ссылаясь при этом на источники. Характерна пометка акад. М. В. Нечкиной на полях «Поэмы»: «Мое! Как можно!» (сообщено составителю знакомой Ахматовой — З. Д. Виноград). В настоящее время исследователями «цитатный слой Поэмы» в значительной степени опознан, но вряд ли эта работа может быть доведена до конца. Часть третья. Эпиграф. Эпиграф — из романа американского писателя Эрнеста Хемингуэя (1899—1961) «Прощай, оружие!». В подлиннике выражение звучит мягче: «Мне кажется, что с нами случится все самое ужасное».

Городу и другу — то есть поэму в «ташкентской редакции» Ахматова посвятила одновременно Ленинграду — городу и другу — Владимиру Георгиевичу Гаршину, который всю блокаду проработал в осажденном Ленинграде. Впоследствии, после встречи и разрыва в 1944 году с Гаршиным, она везде сняла посвящения и переделала строки в «Эпilogue» (Ср. «Ты мой грозный и мой последний» и «Ты не первый и не последний...» — в поздних редакциях). И на старом Волковом поле. — В списке «ташкентской» редакции Поэмы, сделанном в Ташкенте юным другом Ахматовой Эдуардом Бабаевым, сохранился иной, очевидно, более ранний вариант: «И на старом Марсовом поле». Однако «крестов» на братских могилах не было ни на Марсовом, ни на Волковом, поэтому в более поздних редакциях Ахматова изменила строку «В чаще новых твоих крестов» на «Над безмолвием братских могил». Кто в Ташкенте, кто в Нью-Йорке. — В Нью-Йорке в это время оказался А. С. Лурье, который бежал из оккупированной гитлеровцами Франции в США, где и прожил всю оставшуюся жизнь. Словно та, одержимая бесом, // Как на Брокен ночной неслась. — По немецкой народной легенде, на гору Брокен в Гарце в Вальпургиеву ночь (накануне 1 мая) слетаются ведьмы.

Окончательная редакция (1940—1965). — В течение четверти века Ахматова работала над Поэмой, создавая время от времени ее «окончательные» редакции. Так было и в 1946 году, и в 1960, и в 1962. Однако и в 1963 в Поэме появляются новые строфы, а последняя запись о работе над Поэмой относится к 19 апреля 1965 года, когда в Доме творчества в Комарове Ахматова в последний раз просматривала ее текст. Однако канонического текста Поэмы не существует. Во-первых, Ахматова до конца жизни не решалась заменить «точечные» строфы «Решки» в принадлежащих ей рукописях поэмы, и эти замены стали известны в нашей стране только теперь, благодаря публикациям Л. К. Чуковской («Горизонт», 1988, № 4, с. 51—55). Во-вторых, стремясь опубликовать поэму, Ахматова шла на цензурные уступки и в дальнейших, уже посмертных републикациях, эти уступки печатались как соответствующие воле автора и, тем самым, превращались (и до сих пор превращаются) в ложные каноны. Очевидно, перед текстологами-ахматоведами стоит задача издания единого комментированного свода всех редакций «Поэмы без героя» в серии «Литературные памятники». В настоящем издании, не претендующем на исчерпывающе научный характер, представлены с возможной полнотой и в соответствии с авторской волей лишь первая и последняя редакции Поэмы, а также частично «Проза о Поэме», углубляющая представление о произведении в целом, хотя требующая, в ряде случаев, отдельных комментариев.

По объему окончательная редакция поэмы превышает «ташкентскую» почти вдвое. За двадцать пять лет работы над ней Поэма превратилась для Ахматовой в род своеобразного лирического дневника, на страницы которого жизнь время от времени приводила новые персонажи. Так, в редакции 1946 года, в поэме впервые появляется «Гость из Будущего», в редакции 1962 года — «лагерная» тема, связанная с постановлением 1946 года и новым арестом в 1949 году сына Л. Н. Гумилева.

В записных тетрадях Ахматовой последнего года ее жизни сохранились следы дальнейшей работы над Поэмой. В 1965 году Ахматова записывает новый эпиграф к «Поэме без героя» из романа гр. В. А. Комаровского «До Цусимы». В этом не сохранившемся романе, который Ахматова слушала в 1915 году у Кардовских в Царском Селе, когда его читал Д. Святополк-Мирский (душеприказчик Комаровского),

сестра героя, петербургская светская дама, узнав, что брат умирает, произносит бессмертную фразу: «Мне надо раньше лечь спать — Je dois être fraîche pour la панихида» («Я должна хорошо выглядеть на панихиде» — франц.) (ЦГАЛИ, ед. хр. 114, стр. 101). Французская фраза, воспроизведенная Ахматовой по памяти, должна была стать еще одним эпиграфом к Поэме. Можно, таким образом, сделать вывод, что, проживи Ахматова дольше, работа над Поэмой продолжалась бы. Об этом свидетельствуют новые строфы к Поэме, сохранившиеся в записных книжках последних лет (ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 110, с. 56.)

И тогда мой гость зазеркальный,
Не веселый и не печальный,
Просто спросит: «Простите — меня?»
Обовьет, как цепью жемчужной,
И мне сразу станет неужно
Мрака ночи и блеска дня.

или

И тогда, как страшное действо.
Возникают следы злодейства,
Пестро кружится карусель,
И какие-то новые дети
Из еще не бывших столетий
Украшают в Сочельник ель.

(ЦГАЛИ, ф. 13, ед. хр. 103, с. 30).

Текст последней редакции «Поэмы без героя» печатается по своду рукописей, хранящихся в ГПБ, ЦГАЛИ и в архиве Л. К. Чуковской. В м е с т о п р е д и с л о в и я.— Эпиграф — из «Евгения Онегина» (гл. VIII, строфа I). «Еже писахъ — писахъ» («что я написал, то написал» — церковнослав.) — слова Понтия Пилата, отказавшегося исправить надпись «Иисус Назорей, Царь Иудейский», сделанную им на кресте, на котором был распят Христос (Иоанн, XIX, 22). П о с в я щ е н и е.— В с. К.— Всеволод Гаврилович Князев (1891—1913) — поэт, прототип «драгунского корнета», персонаж первой части Поэмы. См. о нем в статье Р. Д. Тименчика «Рижский эпизод в «Поэме без героя» («Даугава», 1984, № 2, с. 113—121). Впоследствии Ахматова узнала, что дата написания Посвящения оказалась датой второй годовщины гибели О. Э. Мандельштама (27 декабря 1938 года). В некоторых списках Первое посвящение, возможно, из-за этого совпадения, переадресовано О. Мандельштаму. В т о р о е п о с в я щ е н и е.— О. С.— Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина, актриса, умерла в Париже в 1945 году; *Путаница и Психея* — роли, которые она исполняла в 1913 году в пьесах Ю. Беляева. *Та, его миновавшая чаша...* — ср. в стихотворении В. Комаровского «Видел тебя красивой лишь раз...» (1913), посвященном Ахматовой: «Или это лишь молодость — общая чаша?» (В. А. Комаровский покончил с собой в 1914 г.) Т р е т ь е и п о с л е д н е е. Эпиграф — первая строка баллады В. А. Жуковского «Светлана». Второй эпиграф указывает на то, что речь идет не о православном, а о католическом Крещеньи. Время действия в этом «Посвящении» — 5 января 1946, когда, в канун Крещенья, Ахматова гадала на того, кто когда-то ей играл «Чакону» Баха (А. Лурье в 1915 году), но вместо него приходит сэр Исайя Берлин, приходит, чтобы «заслужить» Постановление и проститься на 10 лет (дата написания «Посвящения» — 5 января 1956 года). Ч а с т ь п е р в а я.

Глава первая. Эпиграфы: первый — из стихотворения Ахматовой «После ветра и мороза было...»; второй — из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. V, строфа X). *Фауст, Дон-Жуан, Дапертутто, Иоканаан, Глан, Дориан* — волшебные оживающие куклы, оставленные Ольгой Глебовой-Судейкиной своей подруге Ахматовой на хранение перед отъездом за границу в 1924 году. Эти куклы хранились в особых коробках и показывались друзьям только в торжественных случаях. Они не только изображали легендарных исторических лиц, но носили черты сходства с некоторыми «знаменитыми современниками», имевшими аналогичные прозвища (Так, «Фауст» отождествлялся с Вяч. Ивановым, «Иоканаан» — с Шилейко, Дапертутто — с Мейерхольдом и т. п.). Образы Иоканаана и Саломеи в контексте петербургской литературной мифологии начала XX века подсказаны трагедией О. Уайльда «Саломея» (1893) и оперой Штрауса на ее текст. *Общий баловень и насмешник* — здесь и далее под масками Калиостро, Сатаны изображен главный антагонист Ахматовой в поэме — поэт Михаил Алексеевич Кузмин (См. о нем на стр. 357 в «Прозе о Поэме»). Отношение Ахматовой к Кузмину на протяжении долгих лет их знакомства было далеко не однозначным. Дружеские вначале, они были окончательно испорчены в 20-е годы, когда Кузмин выдвигал на роль «королевы поэзии» Анну Радлову, а Ахматову едко называл «бедной родственницей», имея в виду ее положение в семье Пуниных (сообщено составителю О. Н. Арбениной-Гильдебрандт). Таких вещей Ахматова не прощала. *Гость из будущего! — Неужели // Он придет ко мне в самом деле, // Повернув налево с моста?* — Сэр Исая Берлин в первый раз пришел в гости к Ахматовой 26 ноября 1945 г., повернув налево с Аничкова моста к Фонтанному Дому, где она тогда жила. Глава вторая. Эпиграф — из стихотворения Ахматовой «Голос памяти», посвященного О. А. Глебовой-Судейкиной. *И опять тот голос знакомый...* — «шалаяпинская строфа» в сб. «Бег времени» печаталась в смягченном варианте:

И опять тот голос знакомый,
 Будто эхо горного грома —
 Не последнее ль торжество!
 Он сердца наполняет дрожью
 И несется по бездорожью
 Над страной, вскормившей его.

В наст. издании восстанавливается вариант ранней редакции этой строфы. *С мертвым сердцем и мертвым взором...* — Характеризуя Блока, черты которого угадываются под маской «Демона с улыбкой Тамары», Ахматова почти цитирует стихотворение Н. Гумилева «Жизнь»: «С тусклым взором, с мертвым сердцем...». Впрочем, тема «мертвеца среди людей» так же характерна и для поэзии самого Блока. Глава третья. Эпиграфы: первый — из стихотворения Ахматовой «Сердце бьется ровно, мерно...» (наст. том, с. 69); второй — первые строки стихотворения О. Мандельштама; третий — начало первой строки стихотворения М. Лозинского. *Лирическое отступление: последнее воспоминание о Царском Селе* — начиная со слов «А теперь бы домой скорее...», посвящено близкому другу и вдохновителю Ахматовой — Николаю Владимировичу Недоброву. Строки «Что над юностью встал мятежной» и «Словно вовсе и не жил он», печатаются в основном тексте впервые. Н. В. Недоброво умер 3 декабря 1919 года, похоронен на Аутском кладбище в Ялте, могила его не обнаружена до сих пор. *Победившее смерть слово* — Ахматова говорит здесь о статье Недоброво, посвященной ее раннему творчеству («Русская мысль», 1915, № 7), которую она считала «предска-

зательной», во многом predeterminedившей ее поэтическую судьбу. Глава четвертая и последняя. Эпиграф — из стихотворения Вс. Князева «И нет напевов, нет созвучий...». В доме, построенном братьями Адамиными, на углу Марсова поля и набережной р. Мойки жила О. А. Глебова-Судейкина — именно здесь у двери ее квартиры, по воле Ахматовой, происходит самоубийство влюбленного драгуна. «Палевый локон» — из стихотворения Вс. Князева «Сколько раз проходил мимо окон...» На обратном «Пути из Дамаска». — Образ этот, возможно, заимствован из стихов Вс. Князева, обращенных к Судейкиной в январе 1913 г., незадолго до самоубийства: «Я целовал «врата Дамаска», // Врата с щитом, увитым в мех, // И пусть теперь надета маска // На мне, счастливейшем из всех». О. А. Глебова-Судейкина участвовала в постановке в «Бродячей собаке» мифа «Путь из Дамаска» (Ср. мадригал Ф. Сологуба, обращенный к Глебовой: «И если жаркие персты // Тебе сулят любовь и ласку, // Глаза легко опустишь ты // К благоуханному Дамаску»). В Мазурских болотах в августе 1914 г. была окружена и разгромлена армия генерала Самсонова; тяжелыми потерями сопровождались также бои с австро-венгерскими войсками в Карпатах летом 1917 года. Часть вторая. Решка. Эпиграфы: первый — из «Домика в Коломне», второй из стихотворения английского поэта Томаса Стэрнса Элиота (1888—1965); третий — из стихотворения Н. А. Клюева (1887—1937). Строки, посвященные Ахматовой, цитируются ею произвольно; в подлиннике: «Ахматова — жасминный куст, // Обожженный асфальтом серым, // Тропу утратила ль к пещерам, // Где Данте шел, и воздух густ, // И нимфа лен прядет хрустальный?». И со мною моя «Седьмая» — имеется в виду «Седьмая» элегия, которую Ахматова называла также «Последняя речь подсудимой»; в записных тетрадях (ЦГАЛИ) сохранилось множество вариантов этой элегии, но произведение так и осталось незаконченным (см. наст. том, с. 266—267). Стрфы X—XVI при жизни Ахматовой не печатались, либо заменялись рядом точек. Опубликовано Л. К. Чуковской по автографам, хранящимся в ее собрании, в журнале «Горизонт», 1988, № 4. Отлучить от стола и ложа — формулировка, обозначающая в римском праве лишение гражданства; Ахматова сравнивает свое положение после исключения из ССП в 1946 году, с положением человека, подвергнутого обряду гражданской казни (действительно, Ахматова была на некоторое время лишена продовольственных карточек, т. е. обречена на голодную смерть). «Стопятницы» — лица, высланные за пределы стокилометровой зоны вокруг Москвы и Ленинграда, «на сто пятый километр». Из заветнейших снов Эль Греко. — Как и у Ахматовой, в творчестве знаменитого испанского художника Эль Греко (1541—1614) заметную роль играет мотив сновидения. Эта строфа была написана в 1963 году и первоначально замыкала собой цикл «Полночные стихи». «Я не та английская дама...» — здесь, возможно, имеется в виду Мария Гамильтон, облику которой художник В. П. Белкин придал черты портретного сходства с Ахматовой (иллюстрации к поэме Г. Чулкова «Мария Гамильтон»). Возможно, такой прием мистификации Ахматова назвала «белкинством» (см. стр. 353). Часть третья. Эпил о г. Эпиграфы: первый — по народному преданию, слова «царицы Авдотьи» — Евдокии Петровны Лопухиной, первой жены Петра I, проклявшей новую столицу России; второй — из стих. И. Ф. Анненского «Петербург»; третий — из «Медного всадника» А. С. Пушкина. Тобрук — город в Ливии, в январе 1941 г. был занят английскими войсками и в апреле — декабре выдержал восьмимесячную осаду немецко-итальянских войск. А за проволокой колю-

чей.— Эти 20 строк были впервые в нашей стране опубликованы в сб.: Анна Ахматова. «Лирика». М., 1989, с. 352—353. *Примечания редактора* написаны самой Ахматовой.

Строфы, не вошедшие в поэму — частично публиковались в посмертных сборниках. «Что бормочешь ты, полночь наша?» — кн.: В. М. Жирмунский. «Творчество Анны Ахматовой». Л., 1973, с. 168. *Параша*—Прасковья Ивановна Ковалева (по сцене — Жемчугова, 1768—1802), крепостная актриса, с 1801 г. — жена гр. Н. П. Шереметева; умерла при родах. *Борей* — северный ветер. «А за правой стенкой, откуда...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 379. В примечании к автографу (ЦГАЛИ) — указание Ахматовой на источник образа: «стих. Лермонтова "Едет царевич"»; имеется в виду строка «Будет он помнить про царскую дочь» из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Морская царевна», якобы сказанная Н. Н. Пущиным в момент разрыва их отношений.

«Я иду навстречу виденью...»; «Верьте мне вы или не верьте...»; «Я еще не таких забывала...»; «Не кружился в Европах бальных...» — печатается по автографу (ГПБ). «Институтка, кухня, Джульетта!..» — кн.: В. М. Жирмунский. «Творчество Анны Ахматовой», Л., 1973, с. 167. Сюжетно связано с балетным сценарием к «Поэме без героя». «Вкруг него дорогие тени...» — печатается по автографу (ГПБ). «И сухватками византийца...» — печатается по автографу (ГПБ). Это еще одна поэтическая зарисовка М. А. Кузмина. «Ты приедешь в черной карете...» — журн. «Искусство Ленинграда», 1989, № 1, с. 35. «Словно память «Народной воли»...»; «И уже, заглушая друг друга...» — сб.: Анна Ахматова. «Стихотворения и поэмы». (Библиотека поэта), Л., 1976, с. 429, 380. «Вот беда в чем, о дорогая...» — в статье Р. Д. Тименчика и А. В. Лаврова «Материалы А. А. Ахматовой в рукописном отделе Пушкинского Дома». — в кн.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома, 1974, Л., 1976, с. 77. Печатается по автографу (ГПБ).

ПРОЗА О ПОЭМЕ. — Анна Ахматова. Сочинения, т. 2, М., 1986, с. 221—235. Печатается по автографам (ГПБ).

Из письма к NN. — Это письмо, как и следующее, не имеет реального адресата, форма письма применена Ахматовой как литературный прием.

Глава могла бы называться Второе письмо — в статье Р. Д. Тименчика «Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой». — Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. 43, № 1, 1984 с. 72—73. *Не дожить до конца столетья* — измененная Ахматовой цитата из стихотворения В. В. Чердынцева (1912—1971) «Кто атомные двинул турбины?» (автограф — ГПБ); посвящено Ахматовой и написано строфой «Поэмы».

Что вставить во второе письмо — в кн.: Анатолий Найман. «Рассказы об Анне Ахматовой». М., 1989, с. 132—133.

Может быть из дневника — в статье Р. Д. Тименчика «Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой». — Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. 43, № 1, 1984, с. 69—70. *Я думала, что она там и останется навсегда.* — К слову «навсегда» в автографах (ГПБ) примечание А. Ахматовой: «Навсегда под рожденной ею музыкой (чьей?), как могила под горой цветов». *Я писала некое подобие балетного либретто...* — в автографе (ГПБ) примечание

Ахматовой: «См. экземпляр с портретом работы Тышлера. Это второй набросок балета (После предисловия). *Первый росток...* это, конечно, запись Пушкина...— У Пушкина эта запись звучит несколько иначе: «Первый несчастный воздыхатель возбуждает чувствительность женщины, прочие или едва замечены, или служат лишь... Так, в начале сражения первый раненый производит болезненное впечатление и истощает сострадание наше» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 тт. Т. VII, изд. 3-е. М., «Наука», 1964, с. 513). Это мы с Ольгой — то есть с О. А. Глебовой-Судейкиной.

«Эта поэма — своеобразный бунт вещей...» — Анна Ахматова. Сочинения. Т. 2, с. 221 (напечатано не полностью). Печатается по автографу (ГПБ). Семейные рассказы Шереметевых со слов В. К. Шилейки.— Владимир Казимирович Шилейко, второй муж Ахматовой, в 1917 г. был воспитателем графского сына и жил во флигеле Фонтанного Дома.

«Поэма опять двойтсся...» — Анна Ахматова. Сочинения. Т. 2, с. 229—230 (напечатано не полностью). Печатается по автографу (ГПБ).

Еще о Поэме — в статье Р. Д. Тименчика «Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой». — Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. 43, № 1, 1984, с. 74—75. ...когда возникла одна элегия.— Речь идет о «Предвесенней элегии» из цикла «Полночные стихи».

«Вообще все, что этот человек...» — в статье Р. Д. Тименчика «Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой». — Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. 43, № 1, 1984, с. 72—73. Ул. Мира.— На проспекте Мира Ахматова бывала у Н. Л. Манухиной-Шенгели, вдовы поэта Г. А. Шенгели (1894—1956).

«Больше всего будут спрашивать...» — в статье Р. Д. Тименчика «Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой». — Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. 43, № 1, 1984, с. 71. Владыка Мрака — здесь Ахматова намекает на то, что под этой маской спрятан М. А. Кузмин. ...виновник стольких бед...— В автографе (ГПБ) имеются к этим словам примечания А. Ахматовой: «Сознаюсь, что второй раз он попал в Поэму (III главка) прямо из балетного либретто, где он в собольей шубе и цилиндре, в своей карете провожал домой Коломбину, когда у него под перчаткой не оказалось руки».

«Кроме попытки увода Поэмы в предместья...» — в статье Р. Д. Тименчика «Неопубликованные прозаические заметки Анны Ахматовой». — Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. 43, № 1, 1984, с. 74. «Две тени милые» — цитата из черновика стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»):

Две тени милые, — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.

Другая линия ... вся восходила бы к сборнику его стихов (Михаил Кузмин). — Имеется в виду особая линия отношений Вс. Князева с М. А. Кузминым (вместе они готовили сборник стихов «Укол стрелы», который не вышел). Художник — возможно, С. Ю. Судейкин, муж О. А. Глебовой-Судейкиной. *La danse russe* — «Русская» — танец, который входил в репертуар О. Глебовой-Судейкиной.

«По слухам, в Америке очень смеялись...» — печатается впервые по автографу (ГПБ).

<ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК> — Большинство заметок из записных книжек Ахматовой (ЦГАЛИ) опубликовано в обзоре Е. И. Лямкиной «Вдохновение, мастерство, труд» — в кн.: «Встречи с прошлым», вып. 3, М., 1978, с. 394—403. В Ташкенте у нее появилась еще одна попутчица... — Имеется в виду трагедия «Энума Элиш», сожженная в 1944 г. в Ленинграде и частично восстановленная в 60-х годах под названием «Пролог, или Сон во сне» (см. т. 2 наст. изд.). Рядом с этой идет «Другая»... — Ахматова говорит здесь о неосуществленном замысле другой, трагической поэмы, которая зарождалась в недрах «Поэмы без героя», эпического полотна о судьбах ее поколения. О поэме. Шкловский, Виктор Борисович (1893—1984) — литературовед. Берковский, Наум Яковлевич (1901—1972) — литературовед. Б. Филиппов — эмигрант, специалист по творчеству Ахматовой. Чуковский, Корней Иванович (1882—1969) — критик, литературовед, автор одной из первых статей о «Поэме без героя» («Москва», 1964, № 5, с. 200—203). Шток, Исидор Владимирович — драматург. Зенкевич, Михаил Александрович (1891—1973) — поэт, соратник Ахматовой по «Цеху поэтов». «Мавра» — опера И. Ф. Стравинского на сюжет «Домика в Коломне» А. С. Пушкина. Бушен, Дмитрий Дмитриевич (р. 1893) — русский художник, ныне живет в Париже, автор иллюстраций к «Поэме без героя». Галкин, Самуил Залманович (1897—1960) — поэт.

<ИЗ НАБРОСКОВ ЛИБРЕТТО БАЛЕТА ПО «ПОЭМЕ БЕЗ ГЕРОЯ»> — в статье Е. И. Лямкиной «Вдохновение, мастерство, труд» — в кн.: «Встречи с прошлым», вып. 3, М., 1978, с. 402—403. «Пепел на левом плече» — слова из эпиграммы на О. Э. Мандельштама, сочиненной коллективно в «Цехе поэтов»: «Куря, Осип всегда стряхивал пепел как бы за плечо», — писала Ахматова в «Листках из дневника» (ГПБ). В очерке М. Цветаевой «Нездешний вечер» Ахматова, видимо, усмотрела какие-то неточности, особенно в пересказе Цветаевой о ее литературных отношениях с Ахматовой. Доктор Дапертутто — псевдоним В. Э. Мейерхольда, под которым он издавал журнал «Любовь к трем апельсинам». Розанов, Василий Васильевич (1856—1919) — эссеист, мыслитель, философ. Нижинский, Вацлав Федорович (1889—1950) — великий танцовщик. 26 сентября 1917 г., исполнив роли Петрушки в балете И. Стравинского и Призрака розы в балете «Видение розы», психически заболел и больше не выступал на сцене.

Мих. Кралин

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Скатов. Книга женской души (О поэзии Анны Ахматовой)	3
Анна Ахматова. Коротко о себе	17

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ВЕЧЕР

	Стр. текста	Стр. прим.
«Молюсь оконному лучу...»	23	369
Два стихотворения		
1. «Подушка уже горяча...»	23	369
2. «Тот же голос, тот же взгляд...»	24	369
Читая «Гамлета»		
1. «У кладбища направо пылил пустырь...»	24	369
2. «И как будто по ошибке...»	24	369
«И когда друг друга проклинали...»	24	369
Первое возвращение	25	369
Любовь	25	370
В Царском Селе		
I. «По аллее проводят лошадок...»	26	370
II. «...А там мой мраморный двойник...»	26	370
III. «Смуглый отрок бродил по аллеям...»	26	370
«И мальчик, что играет на волынке...»	27	370
«Любовь покоряет обманно...»	27	370
«Сжала руки под темной вуалью...»	28	370
«Память о солнце в сердце слабеет...»	28	370
«Высоко в небе облачко серело...»	29	370
«Сердце к сердцу не приковано...»	29	370
«Дверь полуоткрыта...»	29	370
«Хочешь знать, как все это было?..»	30	370
Песня последней встречи	30	370
«Как соломинкой, пьешь мою душу...»	31	370
«Я сошла с ума, о мальчик странный...»	31	370
«Я живу, как кукушка в часах...»	32	370
Похороны	32	370
«Мне с тобою пьяным весело...»	33	370
Обман		
I. «Весенним солнцем это утро пьяно...»	33	370
II. «Жарко веет ветер душный...»	34	370
III. «Синий вечер. Ветры кротко стихли...»	34	370
IV. «Я написала слова...»	35	370
«Муж хлестал меня узорчатым...»	35	371
Песенка	36	371
«Я пришла сюда, бездельница...»	37	371
Белой ночью	37	371
«Под навесом темной риги жарко...»	38	371
«Хорони, хорони меня, ветер!..»	38	371
Музе	39	371
«Три раза пытать приходила...»	39	371
Сероглазый король	40	371
Рыбак	40	371
Сад	41	371
Подражание И. Ф. Анненскому	42	371
«Мурка, не ходи, там сыч...»	42	371
«Меня покинул в новолунье...»	42	371
«Туманом легким парк наполнился...»	43	372
«Я и плакала и каялась...»	44	372

ЧЕТКИ

I

Смятение

1. «Было душно от жгучего света...»	45	373
2. «Не любишь, не хочешь смотреть?..»	45	373
3. «Как велит простая учтивость...»	45	373
Прогулка	46	373

«Я не любви твоей прошу...»	46	373
Вечером	47	373
«Все мы бражники здесь, блудницы...»	48	373
«После ветра и мороза было...»	48	373
«Косноязычно славивший меня...»	49	373
«...И на ступеньки встретить...»	49	374
«Безвольно пощады просят...»	50	374
В последний раз мы встретились тогда...»	50	374
«Покорно мне воображение...»	50	374
Отрывок («...И кто-то, во мраке дерев незримый...»)	51	375
«Горят твои ладони...»	52	375
«Не будем пить из одного стакана...»	52	375
«У меня есть улыбка одна...»	53	375
«Настоящую нежность не спутаешь...»	53	375
«Проводила друга до передней...»	53	375
«Столько просьб у любимой всегда!..»	54	375
«Здравствуй! Легкий шелест слышишь...»	54	375

II

«Цветов и неживых вещей...»	55	375
«Каждый день по-новому тревожен...»	55	375
«Мальчик сказал мне: «Как это больно!»...»	56	375
«Высокие своды костела...»	56	375
«Он длится без конца — янтарный, тяжкий день!..»	57	376
Голос памяти	58	376
«Я научилась просто, мудро жить...»	58	376
«Здесь всё то же, то же, что и прежде...»	59	376
Бессонница	59	376
«Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»	60	376
«Углем наметил на левом боку...»	60	376

III

«Помолись о нищей, о потерянной...»	61	376
«Вижу выцветший флаг над таможней...»	61	376
«Плотно сомкнуты губы сухие...»	62	376
«Дал Ты мне молодость трудную...»	62	376
8 ноября 1913 года	62	376
«Ты пришел меня утешить, милый...»	63	377
«Умирая, томлюсь о бессмертии...»	63	377
«Ты письмо мое, милый, не комкай...»	64	377
Исповедь	64	377
«В ремешках пенал и книги были...»	65	377
«Со дня Купальницы-Аграфены...»	65	377
«Я с тобой не стану пить вино...»	65	377
«Вечерние часы перед столом...»	66	377
«Будешь жить, не зная лиха...»	66	377

IV

«Как вплелась в эти темные косы...»	67	377
«Я пришла тебя сменить, сестра...»	67	377
Стихи о Петербурге		
1. «Вновь Исакий в облачении...»	68	377
2. «Сердце бьется ровно, мерно...»	69	377
«Знаю, знаю, — снова лыжи...»	69	377
Венеция	70	377
«Протертый коврик под иконой...»	70	377
Гость	71	378
«Я пришла к поэту в гости...»	72	378
«Простишь ли мне эти ноябрьские дни?...»	72	378

БЕЛАЯ СТАЯ

I

«Думали: нищие мы, нету у нас ничего...»	73	378
«Твой белый дом и тихий сад оставляю...»	73	379
Уединение	73	379
Песня о песне	74	379
«Слаб голос мой, но воля не слабеет...»	75	379
«Был он ревнивым, тревожным и нежным...»	75	379
«Тяжела ты, любовная память!..»	75	379

«Лотускиел на небе синий лак...»	76	379
«Вместо мудрости — опытность, пресное...»	76	380
«А! Это снова ты. Не отроком влюбленным...»	77	380
«Муза ушла по дороге...»	77	380
«Я улыбаться перестала...»	78	380
«Они летят, они еще в дороге...»	78	380
«О, это был прохладный день...»	79	380
«Я так молилась: «Утоли...»	79	380
«Есть в близости людей заветная черта...»	80	380
«Все отнято: и сила, и любовь...»	80	380
«Нам свежесть слов и чувства простоту...»	81	380
Ответ	81	381
«Был блаженной моей колыбелью...»	82	381

II

9 декабря 1913 года	82	381
«Как ты можешь смотреть на Неву...»	83	381
«Под крышей промерзшей пустого жилья...»	83	381
«Целый год ты со мной неразлучен...»	83	381
«Черная вилась дорога...»	84	381
«Как люблю, как любила глядеть я...»	84	382
«Древний город словно вымер...»	85	382
«И мнится — голос человека...»	85	382
Разлука	86	382
«Чернеет дорога приморского сада...»	86	382
«Не в лесу мы, довольно аукать...»	86	382
«Господь немилостив к жнецам и садоводам...»	87	382
«Всё обещало мне его...»	87	382
«Как невеста получаю...»	88	382
«Божий Ангел, зимним утром...»	88	382
«Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»	89	382
«О тебе вспоминаю я редко...»	89	382
«Как площади эти обширны...»	90	383
Побег	90	383
«Когда в мрачнейшей из столиц...»	91	383
Царскосельская статуя	92	383
«Вновь подарен мне дремотой...»	93	383
«Все мне видится Павловск холмистый...»	93	383
«Бессмертник сух и розов. Облака...»	94	383
«Подошла. Я волнения не выдал...»	94	383

III

Майский снег	95	383
«Зачем притворяешься ты...»	95	383
«Пустых небес прозрачное стекло...»	96	383
Июль 1914		
I. «Пахнет гарью. Четыре недели...»	96	384
II. «Можжевельника запах сладкий...»	97	384
«Тот голос, с тишиной великой споря...»	97	384
«Мы не умеем прощаться...»	98	384
Утешение	98	384
«Для того ль тебя носила...»	99	384
Молитва	99	384
«Где, высокая, твой цыганенок...»	99	384
«Столько раз я проклинала...»	100	384
«Ни в лодке, ни в телеге...»	101	384
«Вижу, вижу лунный лук...»	101	384
«Бесшумно ходили по дому...»	102	384
«Подошла я к сосновому лесу...»	103	384
«Так раненого журавля...»	103	384
«Буду тихо на погосте...»	104	384
«Высокомерьем дух твой помрачен...»	104	384
«Приду туда, и отлетит томленья...»	104	385
«Стал мне реже сниться, слава Богу...»	105	385
«Будем вместе, милый, вместе...»	105	385
Памяти 19 июля 1914	106	385

IV

«Перед весной бывают дни такие...»	106	385
«То пятое время года...»	107	385
«Выбрала сама я долю...»	107	385
Сон («Я знала, я снюсь тебе...»)	107	385

Белый дом	109	385
«Долго шел через поля и села...»	109	385
«Широк и желт вечерний свет...»	110	385
«Я не знаю, ты жив или умер...»	110	385
«Нет, царевич, я не та...»	110	385
«Из памяти твоей я выну этот день...»	111	385
«Не хулил меня, не славил...»	112	386
«Там тень моя осталась и тоскует...»	112	386
«Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»	112	386
«Небо мелкий дождик сеет...»	113	386
«Я знаю, ты моя награда...»	113	386
«Да, я любила их, те сборища ночные...»	114	386
«Не тайны и не печали...»	114	386
Милому.	115	386
«Судьба ли так моя переменилась...»	115	386
«Как белый камень в глубине колодца...»	116	386
«Первый луч — благословенье Бога...»	116	386
«Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...»	117	386
«Родилась я ни поздно, ни рано...»	117	386
«Лучше б мне частушки задорно выкликать...»	118	386
«Мне не надо счастья малого...»	118	386
«Еще весна таинственная мдела...»	118	387
«И в Киевском храме Премудрости Бога...»	119	387
«Город сгинул, последнего дома...»	119	387
«О, есть неповторимые слова...»	120	387
У самого моря	121	387

ПОДОРОЖНИК

«Сразу стало тихо в доме...»	128	388
«Ты — отступник: за остров зеленый...»	128	388
«Просыпаться на рассвете...»	129	389
«Это просто, это ясно...»	129	389
«И в тайную дружбу с высоким...»	130	389
«Словно ангел, возмутивший воду...»	130	389
«Когда о горькой гибели моей...»	131	389
«А ты теперь тяжелый и унылый...»	131	389
«Пленник чужой! Мне чужого не надо...»	132	389
«Я спросила у кукушки...»	132	389
«По неделе ни слова ни с кем не скажу...»	132	389
Два стихотворения		
I. «Ты всегда таинственный и новый...»	133	389
II. «Проплывают льдины, звеня...»	134	389
«В каждом сутках есть такой...»	134	390
«Земная слава, как дым...»	134	390
«О нет, я не тебя любила...»	135	390
«Я слышу иволги всегда печальный голос...»	135	390
«Как страшно изменилось тело...»	136	390
«Я окошка не завесила...»	136	390
«Эта встреча никем не воспета...»	136	390
«И вот одна осталась я...»	137	390
«От любви твоей загадочной...»	138	390
«Чем хуже этот век предшествующих? Развз...»	138	390
«Теперь никто не станет слушать песен...»	138	390
«По твердому гребню сугроба...»	139	390
«Теперь прощай, столица...»	139	391
«Ждала его напрасно много лет...»	140	391
Ночью	140	391
«Течет река неспешно по долине...»	141	391
«На шее мелких четок ряд...»	141	391
Песенка («Бывало, я с утра молчу...»)	142	391
«И целый день, своих пугаясь стонов...»	142	391
«Ты мог бы мне снится и реже...»	142	391
«Когда в тоске самоубийства...»	143	391
«Дьявол не выдал. Мне всё удалось...»	143	391

ANNO DOMINI

I. После всего

Петроград, 1919	144	392
Бежецк	144	392
Предсказание	145	393

Другой голос		
I. «Я с тобой, мой ангел, не лукавил...»	145	393
II. «В тот давний год, когда зажглась любовь...»	146	393
«Сказал, что у меня соперниц нет...»	146	393
«Земной отрадой сердца не томи...»	146	393
«Не с теми я, кто бросил землю...»	147	393
Третий Зачатьевский	147	393
«Тебе покорной? Ты сошел с ума!..»	148	393
«Что ты бродишь неприкаянный...»	148	393
«Веет ветер лебединый...»	149	393
«Ангел, три года хранивший меня...»	149	394
«Шепчет: «Я не пожалею...»	150	394
«Слух чудовищный бродит по городу...»	150	394
«Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...»	151	394
«За озером луна остановилась...»	151	394
«Как мог ты, сильный и свободный...»	151	394
Библейские стихи		
1. Рахиль	152	394
2. Лотова жена	153	394
3. Мелхола	154	394
Причитание («Господеви поклонитесь...»)	154	395
«Вот и берег северного моря...»	155	395
«Хорошо здесь: и шелест, и хруст...»	155	395
Сказка о черном кольце	156	395
«Небывалая осень построила купол высокий...»	157	395
Эпические мотивы		
1. «В то время я гостила на земле...»	157	395
2. «Покинув рощи родины священной...»	159	395
3. «Смеркается, и в небе темно-синем...»	159	396
II. М С М Х Х I		
«Путник милый, ты далече...»	160	396
«Все расхищено, предано, продано...»	161	396
«Сослужу тебе верную службу...»	162	396
«Нам встречи нет. Мы в разных станах...»	162	396
«Страх, во тьме перебирая вещи...»	162	396
«Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...»	163	396
«О, жизнь без завтрашнего дня!..»	163	396
«Кое-как удалось разлучиться...»	164	396
«А, ты думал — я тоже такая...»	164	396
«Пусть голоса органа снова грянут...»	165	396
«Чугунная ограда...»	165	396
«А Смоленская нынче именинница...»	166	396
«Пророчишь, горькая, и руки уронила...»	166	397
«Не бывать тебе в живых...»	167	397
«Пока не свалюсь под забором...»	167	397
«На пороге белом рая...»	168	397
«Я гибель накликала милым...»	168	397
«Долгим взглядом твоим истомленная...»	169	397
Клевета	169	397
III. Г о л о с п а м я т и		
«Широко распахнуты ворота...»	170	397
«Почернел, искривился бревенчатый мост...»	171	397
«Тот август, как желтое пламя...»	171	397
Призрак	172	397
«Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...»	173	397
Колыбельная («Далеко в лесу огромном...»)	173	397
«Заплаканная осень, как вдова...»	174	398
«Буду черные грядки холить...»	174	398
Царскосельские строки		
I. «Пятым действием драмы...»	174	398
II. «Все души милых на высоких звездах...»	175	398
Из поэмы «Русский трианон»	176	398
ТРОСТНИК		
Надпись на книге («Почти от залетейской тени...»)	179	399
«О, знала ль я, когда в одежде белой...»	179	399
«Привольем пахнет дикий мед...»	180	399
«Если плещется лунная жуть...»	180	400
«Не прислал ли лебедя за мною...»	181	400
«От тебя я сердце скрыла...»	181	400

Борис Пастернак (Поэт)	182	400
«Одни глядятся в ласковые взоры...»	183	400
Кавказское («Здесь Пушкина изгнание началось...»)	183	400
Художнику	184	400
«Тот город, мной любимый с детства...»	184	400
Муза («Когда я ночью жду ее прихода...»)	185	400
«Годовщину последнюю празднуй...»	185	401
Заклинание	186	401
Сонет («Совсем не тот таинственный художник...»)	186	401
Данте	187	401
Клеопатра	187	401
Памяти Сергея Есенина («Так просто можно жизнь поки- нуть эту...»)	188	401
Ива	188	402
Из цикла «Юность»		
I. «Мои молодые руки...»	189	402
II. Подвал памяти	190	402
«Так отлетают темные души...»	190	402
«Когда человек умирает...»	191	402
Двустипшие	192	402
Разрыв		
1. «Не недели, не месяцы — годы...»	192	402
2. «И как всегда бывает в дни разрыва...»	192	402
3. Последний тост	193	402
Воронеж	193	402
Маяковский в 1913 году	194	403
Ленинград в марте 1941 года	194	403
Стансы	195	403
Реквием	196	403
НЕЧЕТ		
В сороковом году		405
1. Август 1940 («Когда погребают эпоху...»)	204	405
2. Лондонцам («Двадцать четвертую драму Шек- спира...»)	205	405
3. Тень («Всегда нарядней всех, всех розовой и вы- ше...»)	205	405
4. «Уж я ль не знала бессонницы...»	205	405
Pro domo mea		406
1. «Один идет прямым путем...»	206	406
2. «Но я предупреждаю вас...»	206	406
3. «Забудут? — вот чем удивили!...»	206	406
4. «Жить — так на воле...»	207	406
Ветер войны		
Клятва	207	406
Первый дальнобойный в Ленинграде	207	406
«Птицы смерти в зените стоят...»	208	406
Мужество	208	406
Памяти Вали		
1. «Щели в саду вырыты...»	209	406
2. «Постучись кулачком — я открою...»	209	406
Нох. Статуя «Ночь» в Летнем саду	210	406
Победителям	210	406
In memoriam («А вы, мои друзья последнего призыва...»)	210	406
«Важно с девочками простились...»	211	407
Причитание («Ленинградскую беду...»)	211	407
«Справа раскинулись пустыри...»	212	407
Победа		
1. «Словно начато славное дело...»	212	407
2. «Вспыхнул над молом первый маяк...»	212	407
3. «Победа у наших стоит дверей...»	213	407
Памяти друга	213	407
Луна в зените		
1. «Заснуть огорченной...»	213	407
2. «С грозных ли площадей Ленинграда...»	214	407
3. «Все опять возвратится ко мне...»	214	407
4. «И в памяти, словно в узорной укладке...»	214	407
5. «Третью весну встречаю вдали...»	214	407
6. «Я не была здесь лет семьсот...»	215	407
7. Явление луны («Из перламутра и агата...»)	215	407
8. «Как в трапезной — скамейки, стол, окно...»	215	407
9. «Какая есть. Желаю вам другую...»	216	407
«Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни...»	217	407

«Это рысьи глаза твои, Азия...»	217	408
В тифу	218	408
Еще одно лирическое отступление	218	408
Смерть		
I. «Я была на краю чего-то...»	219	408
II. «А я уже стою на подступах к чему-то...»	219	408
III. «И комната, в которой я болею...»	219	408
Ташкент зацветает	220	408
Пальмира		
I. «Как ни стремилась к Пальмире я...»	220	408
II. «Разве я стала совсем не та...»	221	408
С самолета		
1. «На сотни верст, на сотни миль...»	221	408
2. «Белым камнем тот день отмечу...»	221	408
3. «И весеннего аэродрома...»	222	408
Новоселье		
1. Хозяйка	222	408
2. Гости	222	408
3. Измена	223	408
4. Гибель	223	408
«А в книгах я последнюю страницу...»	223	408
Трещотка прокаженного		
1. Пролог	224	409
2. Последнее возвращение	225	409
3. «То, что я делаю...»	225	409
4. «Лучше б я по самые плечи...»	226	409
5. Три осени	226	409
6. На Смоленском кладбище	227	409
7. Под Коломной	227	409
8. «Со шпаной в канавке...»	227	409
9. Пушкин	228	409
10. «Наше священное ремесло...»	228	409
Вторая годовщина	229	409
Надпись на портрете	229	410
С i n q u e		
1. «Как у облака на краю...»	230	410
2. «Истлевают звуки в эфире...»	230	410
3. «Я не любила с давних дней...»	231	410
4. «Знаешь сам, что не стану славить...»	231	410
5. «Не дышали мы сонными маками...»	231	410
Путем всея земли (Китежанка)	232	410
БЕГ ВРЕМЕНИ		
Береница четверостиший		
1. Бег времени («Что войны, что чума?...»)	237	412
2. Имя	237	412
3. «За такую скоморошину...»	237	412
4. «А, тебе еще мало по-русски...»	238	412
5. К стихам	238	412
6. «В каждом древе распятый Господь...»	238	412
7. «Взоры огненной огня...»	238	412
8. Конец Демона	238	412
9. «За меня не будете в ответе...»	239	412
10. «О своем я уже не заплачу...»	239	412
11. «И было сердцу ничего не надо...»	239	412
12. «...И на этом свозняке...»	239	412
13. «И скупое оно и богато...»	240	412
14. «И слава лебедью плыла...»	240	412
15. «Я всем прощение дарую...»	240	412
16. «И клялись они...»	240	413
Из заветной тетради		
1. Выход книги	241	413
2. Многим	241	413
3. Новогодняя баллада	242	413
4. «Вы меня, как убитого зверя...»	243	413
5. Наследница	243	413
6. «Если б все, кто помощи душевной...»	243	413
7. «Так не зря мы вместе бедовали...»	244	413
8. Подражание Кафке («Другие уведят любимых...»)	244	413
9. «Все ушли, и никто не вернулся...»	245	413

10.	«Что нам разлука?..»	246	413
11.	«Запад клеветал и сам же верил...»	246	414
12.	«Все, кого и не звали, в Италии...»	246	414
13.	Надпись на книге	247	414
14.	Анафема	247	414
15.	«Шутки — шутками, а сорок...»	247	415
16.	«Вам жить, а мне не очень...»	248	415
17.	Защитники Сталина	248	415
Венок мертвым			
I.	Учитель	249	415
II.	«De profundis... Мое поколение...»	249	415
III.	«Все это разгадаешь ты один...»	249	415
IV.	«Я над ними склонюсь, как над чашей...»	250	415
V.	Поздний ответ («Невидимка, двойник, пересмешник...»)	251	415
VI.	Вот это я тебе, взамен могильных роз...»	251	416
VII. Борису Пастернаку			
1.	«И снова осень валит Тамерланом...»	252	416
2.	«Умолк вчера неповторимый голос...»	252	416
3.	«Словно дочка слепого Эдипа...»	253	416
VIII. Нас четверо			
IX.	«Словно дальнему голосу внемлю...»	253	416
X.	Памяти Анты	254	416
XI.	«И сердце то уже не отзовется...»	254	417
Из стихотворений 30-х годов			
1.	Немного географии	254	417
2.	«На стеклах нарастает лед...»	255	417
3.	«Зачем вы отравили воду...»	255	417
4.	С армянского («Я приснюсь тебе черной овцою...»)	256	417
5.	«Я знаю, с места не сдвинуться...»	256	417
6.	«И вот, наперекор тому...»	256	417
7.	«С Новым годом! С новым горем!..»	257	417
Черепки			
I.	«Мне, лишенной огня и воды...»	257	418
II.	«Семь тысяч и три километра...»	258	418
III.	«Вот и доспорился яростный спорщик...»	258	418
IV.	«Кому и когда говорила...»	258	418
Северные элегии			
	«Их будет семь — я так решила...»	259	418
	Первая. Предыстория	259	418
	Вторая <О десятих годах>	260	418
	Третья («В том доме было очень страшно жить...»)	261	418
	Четвертая («Так вот он — тот осенний пейзаж...»)	262	418
	Пятая («Меня, как реку...»)	263	418
	Шестая («Есть три эпохи у воспоминаний...»)	264	419
	Седьмая («А я молчу, я тридцать лет молчу...»)	265	419
Песенки			
1.	Дорожная, или Голос из темноты	266	419
2.	Застольная	267	419
3.	Любовная	267	419
4.	Лишняя	267	419
5.	Прощальная	268	419
6.	Последняя	268	419
Шиповник цветет			
	«Вместо праздничного поздравленья...»	268	419
1.	Сожженная тетрадь	269	419
2.	Наяву	269	419
3.	Во сне	269	420
4.	«И увидел месяц лукавый...»	270	420
5.	«Дорогою ценой и нежданной...»	270	420
6.	Первая песенка («Таинственной невестречи...»)	270	420
7.	Другая песенка («Как сияло там и пело...»)	271	420
8.	Сон	271	420
9.	«По той дороге, где Донской...»	272	420
10.	«Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»	272	420
11.	В разбитом зеркале	272	420
12.	«Пусть кто-то еще отдыхает на юге...»	273	420
13.	«Ты напрасно мне под ноги мечешь...»	274	421
14.	«Не пугайся,— я еще похожей...»	274	421
15.	Через много лет	275	421
16.	«И это станет для людей...»	276	421
Античная страничка			
I.	Смерть Софокла	276	421
II.	Александр у Фив	277	421

Тайны ремесла		
1. Творчество	277	422
2. «Мне ни к чему одические рати...»	277	422
3. Муза («Как и жить мне с этой обузой...»)	278	422
4. Поэт («Подумаешь, тоже работа...»)	278	422
5. Читатель	278	422
6. Последнее стихотворение	279	422
7. Эпиграмма	280	422
8. Про стихи Нарбута	280	422
9. «Многое еще, наверно, хочет...»	280	423
Стихи последних лет		
Царскосельская ода	281	423
Городу Пушкина		
1. «О, горе мне! Они тебя сожгли...»	282	423
2. «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...»	283	423
Рисунок на книге стихов	283	423
Приморский сонет	283	423
Музыка	284	423
Слушая пение	284	424
Отрывок	285	424
Без даты	285	424
«Опять подошли «незабвенные даты»...»	285	424
Летний сад	286	424
«Не стражай меня грозной судьбой...»	287	424
Из цикла «Ташкентские страницы»	287	424
Мартовская элегия	288	424
Эхо	289	424
Три стихотворения		
1. «Пора забыть верблюжий этот гам...»	289	424
2. «И в памяти черной пошарив, найдешь...»	290	425
3. «Он прав — опять фонарь, аптека...»	290	425
Из черных песен		
I. «Прав, что не взял меня с собой...»	290	425
II. «Всем обещаньям вопреки...»	291	425
Петербург в 1913 году	291	425
Родная земля	291	425
«Вот она, плодоносная осень...»	292	425
При непосылке поэмы	292	426
Трилистник московский		
1. Почти в альбом	293	426
2. Без названия	293	426
3. Еще тост	293	426
Пятая роза	294	426
Последняя роза	294	426
«Ты, верно, чей-то муж и ты любовник чей-то...»	295	426
Полночные стихи		
Вместо посвящения	295	427
1. Предвесенняя элегия	295	427
2. Первое предупреждение	296	427
3. В Зазеркалье	296	427
4. Тринадцать строчек	297	427
5. Зов	297	427
6. Ночное посещение	297	427
7. И последнее	298	427
Вместо послесловия	298	427
Через 23 года	298	427
«Все в Москве пропитано стихами...»	299	428
Памяти В. С. Срезневской	299	428
В Выборге	300	428
«Земля хотя и не родная...»	300	428
«Не мудрено, что похоронным звоном...»	300	428
Из четверостиший		
«Когда я называю по привычке...»	301	428
«И осталось из всего земного...»	301	428
«От странной лирики, где каждый шаг — секрет...»	301	428
«Не повторяй — душа твоя богата...»	301	428
«Мы не встречаемся больше научились...»	302	428
«Любовь всех раньше станет смертным прахом...»	302	429
«И яростным вином блудодеянья...»	302	429
«А я иду, где ничего не надо...»	302	429
Из «Дневника путешествия»	302	429
«Не в таинственную беседку...»	303	429
«А как музыка зазвучала...»	303	429
«Кого когда-то называли люди...»	303	429

Поэма без героя (Первая редакция)	304	429
Поэма без героя (Окончательная редакция)	319	432
<С т р о ф ы, н е в о ш е д ш и е в п о э м у>		
«Что бормочешь ты, полночь наша?..»	346	436
«А за правой стенкой, откуда...»	346	436
«Я иду навстречу виденью...»	346	436
«Верьте мне вы или не верьте...»	347	436
«Я еще не таких забывала...»	347	436
«Не кружился в Европах бальных...»	347	436
«Институтка, кузина, Джульетта!..»	347	436
«Вкруг него дорогие тени...»	348	436
«И с ухватками византийца...»	348	436
«Ты приедешь в черной карете...»	348	436
«Словно память «Народной воли»...»	348	436
«И уже, заглушая друг друга...»	348	436
«Вот беда в чем, о дорогая...»	349	436
Проза о поэме	350	436
<Из записных книжек>	359	438
<Из набросков либретто балета по «Поэме без героя»>	365	438
Примечания	366	

Анна Андреевна
АХМАТОВА

Собрание сочинений
в двух томах

Том I

Редактор тома
Н. Н. Кудрявцева

Оформление художника
А. Т. Яковлева

Технический редактор
В. Н. Веселовская

ИБ 2226

Сдано в набор 12.07.89.—07.12.89.
Подписано к печати 19.01.90.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 24,05. Усл. кр.-отт. 25,00. Уч.-изд. л. 23,40.
Тираж 1 700 000 экз. (2-й завод: 250 001—500 000).
Заказ № 1067. Цена 2 р. 20 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции типографии имени
В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865. ГСП, Москва. А-137, ул. «Правды», 24.
Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии издательства «Звезда». 614600, г. Пермь,
ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Индекс 70658